

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№7 (26) 2010

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. – кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 15.11.10

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 6,8 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 1092

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Никульцева В. В.** К вопросу об образовании слов категории состояния (на примере неологизмов Игоря-Северянина раннего периода творчества)7
- Скнар Г. Д.** Тема высказывания художественного текста в аспекте функциональной грамматики 10

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Бедрина И. С.** Функциональный семантико-стилистический анализ текста 19
- Маринова Е. В.** Варьирование иноязычных слов по роду в современной русской речи 27
- Минец Д. В.** Гендер как параметр авторского текстообразования (на материале записок Н.А. Дуровой) 31
- Пантелеев А. Ф.** Конкретные существительные с предлогами «о» и «про» в функции носителей вторичной именной предикации 37
- Сирипля М. А.** Структура манипулятивного воздействия рекламных текстов 42
- Сирипля М. А., Журавлева Н.** Реклама как инструмент зомбирования 47

ЯЗЫК СМИ

- Калашикова А. А.** К вопросу о языковой картине мира русскоязычного блоггера 52
- Комаров Е. Н.** К вопросу о современной информационной картине мира 61
- Архипова А. В., Еливанова А. В., Крашенинникова Н. А., Платонова Е. В.** Исследование наиболее востребованных поисковых систем в системе Интернет 67

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Абзалова И. Р.** La question de la norme dans l'apprentissage 71
- Архипова А. В., Щанкина Э. В.** Характерные ошибки перевода программы PROMT 76

Базарова Л. В. Лексикографическая трактовка и синонимические ряды концепта «Бог» в английском, русском, татарском, турецком языках	82
Барбазюк В. Ю. Метафора в контексте переводческой деятельности: лингвосинергетический подход	88
Бечина И. В., Федуленкова Т. Н. Типы зависимости компонентов английских фразеологических единиц (на материале ФЕ с глаголом движения)	93
Буренкова С. В. Нарушения житейских норм как источник юмора	98
Новикова Л. В. О незначительных частях речи с точки зрения неологии (на материале немецкого языка)	104
Сиривля М. А., Цихович О. К вопросу о заимствованиях в речевой практике	111
Соколова Л. А. Профессиональная компетентность будущих переводчиков	114
Степанова Е. Д. Наименования субъекта-хранителя в русском, английском и немецком языках	118
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
Булычева С. Ф. Моделирование речевых ситуаций	129
Куличенко Г. Е. Русское имя китайского студента: мотивы и влияние выбора на учебно-познавательную деятельность	134
Осетрова О. И., Сябукова О. К вопросу о содержании обучения научной речи на иностранном языке студентов неязыковых специальностей	137
АННОТАЦИИ	141
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	147

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМОВ ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА РАННЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА)

Статья подготовлена в рамках проекта №09-04-95589 м/МЛ,
поддержанного Российским гуманитарным научным фондом

В. В. Никульцева

В данной статье на примере окказиональных слов Игоря-Северянина рассматривается вопрос о словообразовании предикатива как части речи.

Ключевые слова: предикатив, неологизм, словотворчество, неолексикон, способы словообразования, окказиональный, узуальный.

В современной лингвистике принято считать, что слова категории состояния (предикативы, предикативные наречия, предикативно-бессубъектные слова и т.д.) образуются посредством морфологосинтаксического способа [1]. Однако факты окказионального словотворчества дают интересный материал для наблюдений над процессами производства данной части речи. В качестве иллюстрации предлагается рассмотрение слов категории состояния (КС), активных в неолексиконе Игоря-Северянина в период с 1904 по 1917 гг. [2]. Лингвистический анализ дореволюционных текстов поэта-эгофутуриста показывает, что слова категории состояния произведены от основ имён прилагательных и причастий посредством суффикса *-о* (38). Отадъективные предикативы в языке дореволюционной поэзии Игоря-Северянина делятся на две неравные группы: новообразования на базе узуальных (23) и окказиональных (14) прилагательных. Внутри каждой группы по принципу соотношения с другими частями речи выделяется несколько подгрупп.

1. Слова КС, произведённые на базе узуальных прилагательных:

а) не имеющие окказиональных / узуальных омонимов: *гривуазно* ‘об ощущении игривости, раскованности’; *мольно* ‘грустно, напевно’; ср. Д., II-898: 2. *моль* ‘в музыке: минор или грустный лад, мяг-

кое созвучье, пртвпл. *дур, мажор*’; *мольный* ‘к моли относящийся’ [3]; *тундрово* ‘холодно, пустынно, как в тундре’; *северно* ‘холодно, как на севере; возможно, несмотря на полярную противоположность севера и юга’; *сосново* ‘пахнет сосной; ароматно’;

б) омонимичные окказиональным наречиям: *лунно*₂ ‘лился лунный свет’; ср. с наречием *лунно*₁ ‘при луне’; *южно*₂ ‘тепло, как на юге; возможно, несмотря на полярную противоположность севера и юга’; ср. с наречием *южно*₁ ‘как на юге; жарко, страстно’;

в) омонимичные узуальным наречиям: *бодро* ‘об ощущении бодрости’; *жизненно* ‘о желании жить’; *любовно* ‘о чувстве любви’; *смело* ‘о чувстве смелости’; *бестолково* ‘никому не нужно’; *буднично* ‘скучно, как в будни’; *гибельно* ‘страшно, т. к. всё говорило о гибели’; *нудно* ‘тошно, однообразно’; *пошло* ‘неприятно от пошлого вида’; *бездумно* ‘ни о чём не думается’, *бесцельно* ‘нет цели’; *сонно* ‘клонит ко сну’; *хрустко* ‘слышен хруст’; *безответно* ‘молчание в ответ’; *воздушно / воздУшно* ‘свободно; об отсутствии / наличии воздуха’; *наивно* ‘невозможно до наивности; хочется по наивности’.

2. Слова КС, произведённые на базе окказиональных прилагательных:

а) не имеющие окказиональных омонимов: *безвопросно* ‘ни вопроса, ни слова’; *фиольно* ‘распускается фиоль; синееется’; *штормно* ‘штормит’. Данные слова КС обозначают психическое / физическое состояние природы / лица или абстрактное состояние несколько лиц. К этой группе примыкают слова КС, относящиеся к определённом и (реже) обобщённому лицу, образованные от сложных окказиональных прилагательных с синтетической семантикой: *больно-сладостно* ‘сладостно до боли»); *сладостно-больно* ‘сладостно до боли, больно от сладости’; *сладостно-грустно* ‘сладостно до грусти, грустно до сладости’; *пьянительно-сладко* ‘сладко от любовного опьянения’; *отрадно-жутко* ‘отрадно до жути’; *вешне-радостно* ‘радостно повесеннему’; *трагично-трудно* ‘трудно до трагедии’;

б) имеющие окказиональные омонимы: *головокружно*₂ ‘голова кружится’; ср. с наречием *головокружно*₁ ‘головокружительно’; *грёзно*₂ ‘грёзится»; ср. с наречием *грёзно*₁ ‘навевая грёзы’; *майно*₂ ‘тепло и солнечно, как в мае’; ср. с наречием *майно*₁ ‘как в мае; зелено’;

в) имеющие окказиональные и узуальные омонимы: *росно*₂ ‘мокро от росы’; ср. с наречием *росно*₁ ‘росой, в росу’; ср. с неверным толкованием наречия *росно*₃ в Словаре Даля: *росно* ходить

‘мокро от росы’ (Д., III–1717), где зафиксировано значение ‘по росе; утренней / вечерней росой’.

Активно прибегая к производству отадективных слов КС, Игорь-Северянин практически не использует в качестве строительного материала причастные основы. Зафиксировано только одно новообразование, базой для которого послужило узуальное страдательное причастие прошедшего времени, скорее всего, конверсированное. Слово КС обозначает психическое состояние лица: *влюблённо* ‘об чувстве влюблённости’.

Итак, Игорь-Северянин образует по узуальной модели 38 слов КС от прилагательных (37) и причастий (1). В неравных пропорциях используются автором узуальные и окказиональные адективные и причастные основы (24:14) в качестве строительного материала для предикативных окказионализмов. Особый интерес представляют слова КС, омонимичные узуальным наречиям (*любовно, бодро* и т. п.); факт их наличия в индивидуальном языке писателя наряду с омонимичными наречиями не отрицает возможности образования данных слов неморфологическим (морфолого-синтаксическим) способом. Вполне допустима также мысль о производстве сложных слов КС типа *отрадно-жутко* не суффиксальным способом, а словосложением. Поскольку КС – относительно молодая часть речи, затруднительна однозначная констатация его деривационных возможностей, но представляется целесообразным предпочесть именно суффиксацию как основной способ производства данной части речи.

Список литературы

1. Лекант П.А. Часть речи предикатив // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц. М. : МПУ, 1995.
2. Никольцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / ИРЯ РАН; Под ред. проф. В.В. Лопатина. М.: ООО «Азбуковник», 2008.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ: В 4 т. М., 1998.

List of literature

1. Lekant P.A. Chast' rechi predikativ // Struktura, semantika i funkcionirovanie v tekste jazykovyh edinic. M. : MPU, 1995.
2. Nikul'ceva V.V. Slovar' neologizmov Igorja-Severjanina / IRJa RAN; Pod red. prof. V.V. Lopatina. M. : ООО «Azbukovnik», 2008.
3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka / Pod red. prof. I.A. Bodujena de Kurtenje: V 4 t. M., 1998.

**ТЕМА ВЫСКАЗЫВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ**

Г. Д. Скар

Статья посвящена выявлению типологии темы высказывания с точки зрения категорий функциональной грамматики. Делается вывод, что тема высказывания – действенное средство идентификации образа персонажа.

Ключевые слова: функциональная грамматика, художественный текст, тема, фокус, референциальная доступность.

Функциональная грамматика устанавливает различия между семантическими, грамматическими и фонологическими правилами, согласно которым образуются языковые выражения, и прагматическими функциями данных выражений, в частности на уровне художественного текста. Указанные правила уточняют информационный статус составных частей предикации в отношении к более широким коммуникативным установкам автора, т.е. в терминах авторской оценки прагматической информации о персонаже или ситуационных/ контекстуальных аспектах о знаниях и эмоциональном состоянии последнего в момент повествования.

Данная закономерность, как представляется, предполагает следующие импликации: 1. прагматические функции сосредотачиваются на динамическом количестве, т.е. таковом, которое способно различаться с точки зрения фактора времени: оценка автором прагматической информации о персонаже; 2. прагматические категории детерминируются автором, т.е. они передаются через оценку прагматической информации о персонаже; 3. прагматические правила принадлежат общему аппарату грамматики как системным аспектам, предопределяющим форму и семантику языкового выражения, в отличие от аспектов высказывания, сущность которого может быть определена только в рамках конкретной специфической ситуации.

Логически вытекающие из данных импликаций прагматические функции приписываются специфической структуре, лежащей в основе предложения, из которой выводится набор правил выраже-

ния, предопределяющих форму, порядок слов и просодические свойства предложения.

В противовес приведенному выше анализу «от функции к форме», в рамках которого прагматические функции отводятся составным частям предикации, функциональная грамматика также задействует анализ «от формы к функции». В качестве основания для данного анализа признается тот факт, что прагматические функции характеризуют те составные части предикации, которые предполагают особое толкование, т.е. явные морфолого-синтаксические и просодические характеристики, информационное значение которых обнаруживается в результируемых дискурсивных установках автора художественного текста.

Информационный статус языковых выражений определяется в терминах «тема» и «фокус /фокализация», включающих ограниченный универсальный набор грамматически релевантных различий, которые реализуются посредством определенных языковых маркеров. Тема имеет непосредственное отношение к статусу тех объектов, о которых в дискурсе актуализируется новая информация; внимание читателя к данной информации осуществляется посредством фокализации. Фокус становится свойством той информации, которая является актуальной для данной ситуации повествования.

На уровне функциональной грамматики, однако, понятие фокуса не совпадает с такими понятиями, как ударение и акцентуализация. Акцентуационное выделение может не только маркировать фокус, но и маркировать элементы темы высказывания; способствовать выражению личностных эмоций; порождать конвенциональные прагматические эффекты (например, вежливый/ невежливый характер высказывания, надменность, сарказм и т.д.). С другой стороны, составные элементы высказывания, идентифицируемые грамматическими средствами как фокальные, могут не выделяться в просодическом отношении.

Тема представляет собой объект, о котором в предикате сообщается информация. Новизна данной информации маркируется как на уровне данной ситуации повествования, так и в когнитивном сознании автора и читателя, участников художественной коммуникации. Процесс тематизации элементов высказывания в художественном тексте предполагает следующие правила: 1. одна тема – один предикат; 2. функцией «тема высказывания» могут наделяться только референты/ участники моделируемой художественной ситуации

(главным образом, субъекты и объекты повествования); 3. элементы, выполняющие функцию темы, наделяются разной степенью референциальной доступности, их нагрузка в качестве темы высказывания извлекается из когнитивного статуса, отражаемого, в частности, в шкале доступности темы К. Ламбрехта [1. Р. 147]:

<i>активный</i>	<i>наиболее доступный</i>
<i>полуактивный</i>	↑
<i>пассивный</i>	
<i>маркированный новый</i>	<i>наименее доступный</i>

В соответствии с данной шкалой мы выделяем следующие разновидности темы высказывания художественного текста: 1. предопределенная текстом тема; 2. ассоциативная тема; 3. вновь актуализованная тема; 4. новая тема.

Выделяемые в художественном дискурсе темы обладают следующими характеристиками:

- они идентифицируются как таковые в соответствии со своими формальными показателями, которые, в свою очередь, коррелируют с различными когнитивными статусами, которыми обладают их референты в сознании автора;

- они не обнаруживают полного соответствия со степенями активизации дискурсивных референтов, отмеченных в шкале К. Ламбрехта. Другими словами, они не могут автоматически приписываться дискурсивным референтам определенного когнитивного статуса.

Указанные характеристики темы высказывания выявляют тот факт, что на уровне функциональной грамматики соответствие между такими понятиями, как «топикализация – фокализация» и «данное – новое» в принципе представляется как неполное, что также подтверждается следующими принципами функциональной грамматики:

- функции темы и фокуса приписываются исключительно отдельным компонентам высказывания, а именно тем, которые отличаются особым толкованием;

- фокус – понятие скорее иерархическое, нежели обособленное, что в некоторых случаях делает возможным совпадение темы и фокуса в одной форме выражения. Точно также как и факт отсутствия функции фокуса у одного компонента высказывания не является достаточным основанием, чтобы идентифицировать данный компонент как тему высказывания, и наоборот.

Рассмотрим типологию тем высказывания художественного текста более подробно.

1. **Предопределенная текстом тема** ассоциируется с активным дискурсивным референтом, т.е. с объектом, который известен из предшествующего контекста повествования. Ср.: (1) *«Прямо перед собой бабка Дарья видела хорошо. Даже почти засыпая в своем углу рядом с печкой, могла так приветить мелькнувшего перед ней Петьку, что перехватывало дыхание. Зависело от того – куда попадет. Но сбоку обзор у нее был плохой. Дед Артем однажды, выпив весь контрабандный спирт, побежал за ней по огороду, и потом по полю, и потом уже там, где собирают для коз каменную соль, а когда она устала, догнал и врезал ей...»* (А. Геласимов. *Степные боги*).

Предопределенная текстом тема высказывания способствует конструированию темы художественного дискурса в целом. Будучи введенным в художественный дискурс в качестве ассоциативной, возобновленной или новой темы, компонент высказывания в последующем изложении интерпретируется как предопределенная тема при сохранении референтной соотнесенности с одним и тем же денотатом. В формальном отношении предопределенная дискурсом тема конструируется следующими средствами:

- анафорическим референтом, который, как свидетельствует пример (1), может быть установлен посредством:

- а. анафорического личного или притяжательного местоимения;

- б. компонентом, уточняющим класс объектом, к которому принадлежит тема высказывания;

- в. стилистическими средствами, остранинно моделирующими активную деятельность объекта, выполняющего функцию предопределенной темы;

- г. нулевой анафорой;

- синтаксическим параллелизмом, который отражает тенденцию предопределенной темы к актуализации в аналогичных синтаксических позициях при последующих предикациях;

- переключением референции, т.е. прерывностью темы, которая маркирует наличие/отсутствие сдвига к иной теме;

- грамматическим выделением 3-го лица, обозначающего персонажа, деятельность которого моделируется в высказывании;

- отсутствием акцентного выделения.

Несмотря на наличие устойчивого соотношения, субъект действия и предопределенная текстом тема высказывания представляют собой различные понятия: если тема определяет контекстуальную перспективу организации художественного дискурса, субъект дей-

ствия – перспективу, исходя из которой в данный дискурс вводится активный субъект. Вместе с тем, в дискурсе обнаруживается тенденция совпадения данных перспектив, поскольку автор отражает в грамматике высказывания доминирующую контекстуальную перспективу дискурса. Хотя данная тенденция не всегда проявляется в художественном повествовании, поскольку предопределенная тема может не совпадать с субъектом (2), в равной степени как и субъект может не быть предопределенной темой (3). Ср.: (2) «– *Что случилось с Валеркой Инопланетянином? – Милиционер его снова в изолятор посадил...*» (С.А. Носов. *Грачи улетели*); (3) «*Буратино. Кто поставил Коломбину спиной к зрителям? Девица. Арлекин!*» (Р. Чентемиров. *Буратино. Эпилог*).

В функциональной грамматике признается, что субъект высказывания и синтаксические функции как таковые не являются действенным объектом анализа, чего нельзя сказать о семантических и прагматических функциях, которые играют ведущую роль в структурной организации предложения.

2. **Ассоциативная тема** предстает импликацией из предопределенной текстом темы на основе когнитивных знаний и представлений читателя о причинно-следственных отношениях в объективном мире. В символическом плане данную разновидность темы высказывания можно представить следующим образом: *если T И O*, где между *O* – объектом, актуализированном в данном контексте, и *T* – ассоциативной темой – подразумеваются *И* – отношения выводного знания (импликация).

Ассоциативную тему можно рассматривать как импликацию частного из общего. Ср. следующие примеры: (4) «*Все же в конце пути «Краузвеггер» подцепил бампером черного петуха. Петух было заорал, но тут же попал под колесо и, хрустнув костями, замолчал навеки*» (Д. Липскеров. *40 лет Чанчжозэ*); (5) «*Джсером подошел к зданию интерната. Ни одно окно не горело...*» (Д. Липскеров. *40 лет Чанчжозэ*).

В (4) *петух* является предопределенной текстом темой, выступая активным референтом, непосредственно «извлекаемым» из предшествующего контекста. В (5) *ни одно окно* – ассоциативная тема: она непосредственно выводится из признания того факта, что данный референт является частью референта *здание интерната*.

В референтном отношении ассоциативная тема может указывать на объект, который потенциально, факультативно является частью

объекта, семантизирующего рему предшествующего высказывания. Импликация частного из общего отражает в данном случае субъективное восприятие действительности персонажем, субъективную концептуальную наполненность референта ремы предшествующего высказывания и, возможно, доминанту этого референта как концепта когнитивного сознания говорящего персонажа. Например: (6) *Оказывается, мир окрашен совершенно в другие краски, нежели я предполагала. Просто я присмотрелась к природе через окно с налетом сажи и пыли...*» (Д. Липскеров. *Пространство Готлиба*); (7) «...с вашим появлением в моей жизни произошли **кардинальные изменения!** Даже мир стал цветным...» (Д. Липскеров. *Пространство Готлиба*).

Ассоциативная тема *природа* в (6) для говорящего персонажа (прикованной к инвалидной коляске женщины) является доминирующей частью референта *мир*, выступающего ремой в предшествующем высказывании. Очевидно, что подобной импликацией автор художественного текста подчеркивает тот факт, что героиня видит в окно только ветки деревьев (а не улицу, прохожих, движение транспорта и т.д., что также является частью объективного мира за окном). В (7) в качестве общего и частного соотносятся понятия *кардинальные изменения* (рема предшествующего высказывания) – *мир* (ассоциативная тема последующего высказывания), что также отражает субъективность концептуальных представлений говорящего персонажа. Ассоциативная рема выступает средством характеристики персонажа. Это связано с авторским отражением в соотношении «общее – частное» важности для персонажа одних референтов и незначительности других. Правила моделирования ассоциативной темы обладают коммуникативной сущностью, эксплицируемой с учетом взаимосвязи трех относительно самостоятельных и вместе с тем необходимо коррелирующих между собой семантического, синтагматического и прагматического измерений текста как особого эстетического знака.

Актуализация отношений импликации – необходимое предварительное условие для успешной читательской интерпретации ассоциативной темы высказывания. Данной функцией наделяются только референты, потенциально предрасположенные к выводному знанию. В шкале К. Ламбрехта они соответствуют полуактивным объектам. Согласно нашим наблюдениям, референты с подобными характеристиками, не актуализованные в качестве ассоциативной темы вы-

сказывания, приобретают прагматическую функции фокуса высказывания. Ср.: (8) «*Когда же наступил экологический кризис реальности первого порядка, сделалось ясно, что мышление истинного рефийца есть мышление фантастическое. Чем дальше от почвы, чем лучше!*» (О. Славникова. 2017).

Референт *почва* может быть интерпретирован читателем как в качестве ассоциативной темы (если логическое ударение падает на компонент *дальше*), так и в качестве фокуса высказывания (если логическое ударение падает на данный компонент).

В сравнении с предопределенной текстом темой, ассоциативная тема высказывания обладает в художественном тексте большей степенью акцентуального выделения в силу двух прагматических оснований. Во-первых, индивидуальная идентификация данной разновидности темы является при первом приближении «нечто новым» в высказывании, она становится темой высказывания лишь при втором приближении.

Во-вторых, ассоциативная тема способна обладать «нечто новым или контрастирующим», поскольку в высказывании потенциально могут актуализоваться другие ассоциативные темы, связанные с той же предопределенной дискурсом темой (ср. пример (5), в котором *окна* лишь составная часть *здания интерната*).

3. **Вновь актуализованная тема** повторно вводит, «оживляет» объект, который априорно был задействован в предварительном повествовании, а поэтому все еще находящийся на периферии сознания читателя. Однако данный объект на протяжении определенного фрагмента повествования не получал актуализации (в данном фрагменте вводились другие темы, о которых и шла речь в повествовании).

В качестве маркеров данной разновидности темы выступают следующие средства, актуализируемые в тексте: 1. указание на то, что в повествовании осуществляется сдвиг от одной предопределенной текстом темы к другой; 2. анафорическая референция; 3. эксплицитное или имплицитное указание на предварительное упоминание о данном объекте. Ср.: (9) «*Крылову было назначено на вокзале... В руках у Крылова болтался пакет, куда был туго забит верблюжий свитер... Свитер надо было отдать профессору Анфилогову...* [Далее идет пространный фрагмент текста, повествующий о том, как Крылов прибыл на вокзал, наблюдал за незнакомкой в привокзальной толпе] ... *Только минуты через три до Крылова дошло, что этот собеседник и есть Анфилогов Василий Петрович, совершен-*

но ничем не замаскированный...[Далее опять следует пространный фрагмент, в котором актуализуются другие предопределенные текстом темы]...*Анфилогов, собранный, в профиль к суете перрона... напоминал романтического преступника [...] Теперь Крылову уже хотелось, чтобы **Василий Петрович** с Коляном поскорее уехали...*» (О. Славникова. 2017).

Вновь актуализованная тема получает в художественном тексте акцентуальное выделение, поскольку она выполняет прагматическую функцию напоминания об объекте, который в повествовании периодически уходит на задний план изображаемых событий и при последующей актуализации уточняется новыми художественными деталями и характеристиками. Поскольку смысл, реализуемый данной темой, имплицитно заложен в программу строения художественного произведения, в стремлении выявить прагматику «проводников» данного смысла необходимо учитывать когнитивную составляющую исследования, вбирающую прежде всего психологический и социально-культурный компонент анализа.

4. **Новая тема** – наиболее противоречивая с позиций функциональной грамматики разновидность, которая может быть охарактеризована как синкретичная функция, совмещающая измерения топикализации и фокализации. С точки зрения топикализации, данная разновидность темы вводит в художественный дискурс объект, который в последующем изложении получает новую актуализацию. Статус фокализатора этого объекта непосредственно проявляется в момент его введения в художественное повествование, а поэтому новая тема обладает наиболее значимой в смысловом отношении информацией.

Анализируемая с данных исследовательских позиций, новая тема не удовлетворяет функционально-грамматическому условию привязанности к определенному предложению/ предикации, которое является актуальным для выше проанализированных разновидностей тем высказывания. В связи с этим новая тема рассматривается нами как дискурсивное понятие. Новая тема не представляет объект в акте предикации, но представляет референт, который призван сконструировать последующую тему художественного дискурса. Она имеет место в презентативных высказываниях. Ср.: (10) *«Слишком легкий в привокзальной толпе, тяжело насыщенной влекомым багажом, Крылов семенил почти на цыпочках за грудой клеенчатых баулов, когда его внимание остановила невесомо одетая женщина с абсо-*

лютно пустыми длинными руками, которыми она болтала, словно пытаясь развесть в холодном воздухе немного своей теплоты» (О. Славникова. 2017).

Новая тема выполняет в художественном тексте презентационную функцию: объект как бы появляется на сцене художественного повествования. В последующем ходе художественных событий высказывание, содержащее новую тему, стыкуясь с другими высказываниями, обеспечивает сюжетную линию, отдельную тему всего художественного текста. В стилистическом плане референт новой темы, как правило, сразу же индивидуализируется автором посредством таких стилистических средств, как эпитет и сравнение, что способствует его одновременной фокализации как в тексте, так и в когнитивном сознании читателя. При этом фокализация сопровождается категорией неопределенности: в качестве определения к вводимому автором объекту можно поставить местоимение *некий*.

Таким образом, идентификация образа персонажа читателем – в зависимости от степени референциальной доступности, указания на идентификацию персонажа, выбор соответствующей темы высказывания и реализующих ее частотных языковых средств и смыслов – придает художественному тексту специфический характер. В силу этого текст без читателя ущербен, он существует только в процессе читательского восприятия при декодировании явно не выраженной информации, в том числе и на уровне темы высказывания. Другими словами, образ автора – скрытая лингвистическая категория текста, выявляемая посредством анализа темы высказывания, с помощью которой автор (как филологическая категория) достигает априорно поставленной цели воздействия на когнитивное сознание читателя.

Список литературы

1. Lambrecht, K. Information Structure and Sentence Form. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 399 p.

List of literature

1. Lambrecht, K. Information Structure and Sentence Form. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 399 p.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

И. С. Бедрина

Данная статья посвящена анализу текста на основе текстовых категорий особого рода — функциональных семантико-стилистических категорий. Эти категории выделяются на экстралингвистической основе и определенным образом моделируют структуру научного текста. Каждая из трех категорий анализируется в динамическом и статическом аспектах.

Ключевые слова: текст, научный текст, семантико-стилистические категории.

Многоаспектность и многомерность текста предполагает многочисленность и многообразие исследовательских парадигм. Текст рассматривается как система субтекстов [1], как сложноорганизованный вторичный речевой жанр [8], как единица общения, обладающая линейной иерархической структурой [12], как коммуникативная единица, воплощающая в своей структуре модель сопряженной коммуникативной деятельности участников общения [14; 15], как гуманистическая структура, в которой представлены не только внеязыковая действительность, но и субъект речи [11], как динамическая равновесность функционально-прагматических полей [2; 3], как совокупность информативно-целевых программ [7], как совокупность определенных образом соотнесенных текстовых категорий [8; 9]. Список можно было бы продолжить.

Категориально-стилистическое исследование текста последовательно осуществляется в Пермской стилистической школе. В какой-то мере описаны и проанализированы такие текстовые категории как категория диалогичности, гипотетичности, авторизации, оценки и т.д. Возникает вопрос: какие текстовые категории должны составлять необходимый набор для относительно адекватного моделирования научного текста?

Предметом нашего исследования является взаимодействие в рамках научного текста трех текстовых категорий – гипотетичности, предшествующего знания и диалогичности, механизм данного взаимодействия и его речевая реализация, а также роль каждой из названных категорий в организации и интерпретации научного текста.

Чем обусловлен выбор именно этих категорий? Мы исходим из того, что цель любой научной публикации теоретического характера – сообщение нового знания. Новое знание – авторская гипотеза – реализуется в рамках функциональной семантико – стилистической категории гипотетичности (ФССКгип) [4], причем данная категория позволяет рассмотреть новое знание и в статическом, и в динамическом аспектах. При исследовании динамического аспекта ФССКгип происходит неизбежное обращение к другой текстовой категории – функциональной семантико – стилистической категории предшествующего знания (ФССКпз), так как любые новые идеи “вырастают” из имеющегося в наличии научного знания, демонстрируя тем самым преемственность в поступательном развитии науки. ФССКпз также исследуется нами в двух аспектах: статическом – выявление в научном тексте средств выражения не авторского знания или авторского, полученного ранее, и динамическом – анализ роли предшествующего знания в динамике развертывания авторской гипотезы [5; 6].

Взаимодействие нового и старого знания в динамике – это механизм построения научного текста, опирающийся на экстралингвистическое обоснование обеих категорий. Но научный текст – это именно сообщение нового знания. Кому? Читателю, оппонентам и единомышленникам автора. Следовательно, изложение содержания текста осуществляется с учетом фактора адресата. Коммуникативная цель определяет любую текстовую характеристику. Категория, отражающая взаимодействие коммуникантов в научном тексте, несомненно, является одной из его базовых категорий. Таким образом, функциональная семантико – стилистическая категория диалогичности (ФССКд), в рамках которой и посредством которой в тексте реализуется коммуникативная цель автора, должна занимать определяющие позиции в иерархии текстовых категорий.

Следовательно, выбор вышеназванных категорий не случаен. Они имеют единую экстралингвистическую основу – это научно - познавательная коммуникативная деятельность и научное мышление. Мышление и познание диалогичны, даже если результаты этих процессов не воплощаются в тексте. Диалог выступает в качестве сред-

ства и формы коммуникативно-познавательной деятельности, как особый способ построения смысла, выраженный в научном тексте. Однако, по мнению Л. М. Макарова, «диалог в непосредственном, контактном общении <...> заметно отличается от того диалога, который мы находим в <...> тексте [12]. В тексте взаимодействуют различные смысловые позиции, избранные и представленные автором. Именно способность воспроизводить чужую речь в собственной, по мнению М. М. Бахтина, предполагает способность участвовать в диалоге. Текст, следовательно, можно рассматривать как мульти-субъектный диалог, организованный автором.

Как всякий сложный объект, текст структурирован. М. Л. Макаров полагает, что структура любого текста включает в себя пропозициональную структуру и коммуникативную структуру, причем последняя включает в себя предыдущую. Так, коммуникативная составляющая текста включает в себя его когнитивную составляющую, то есть то, **как** строится текст, включает в себя то, **что** в нем выражается, другими словами, научное знание. Снижая уровень абстракции, но сохраняя такой подход к структуре текста, мы можем сказать, что ФССКд, отражающая коммуникативный параметр текстовой деятельности, включает в себя и «знаниевые» категории – ФССКгип и ФССКпз – отражающие содержательный аспект текста, его когнитивный параметр. Это значит, что семантическое содержание (план содержания) ФССКд «перекрывает» семантическое содержание ФССКгип и ФССКпз. Обратимся к анализу средств выражения данных категорий (статический аспект).

Начнем с ФССКпз. Средства выражения ФССКпз объединяются в тексте в систему на основе выполнения ими единого коммуникативного задания и представлены единицами всех уровней языка, а также текстовыми единицами. Цель данной категории – реализация не авторского знания. Не авторское знание представлено в тексте избирательно, причем избирательность обусловлена коммуникативной интенцией автора. Наиболее полно предшествующее знание (ПЗ) выражается посредством коммуникативных блоков различного характера (К-блоки), с помощью прямого и косвенного цитирования, ссылок, подтекстовых и затекстовых сносок, высказываний со значением неполноты существующего знания, сочетаний, указывающих на источник знания или субъект знания, формы ПЗ, исследуемые реалии или познавательные средства. ПЗ также выражается высказываниями, указывающими на первооткрывателей знания, номина-

цией понятий, разработанных другими авторами, высказываниями, выражающими аксиоматическое знание и т.д. ФССКпз представляет в тексте «чужое» знание, «чужую» смысловую позицию, «чужой» голос. Но «чужая» смысловая позиция, представленная целым спектром языковых и текстовых единиц, изначально, по определению составляет семантическое содержание другой текстовой категории – ФССКд, т.к. ФССКд представляет в тексте взаимодействие коммуникантов, их диалог, понимаемый как диалог смысловых позиций (организованный, правда, одним лицом – автором текста).

Следовательно, одни и те же единицы могут выражать одновременно категориальные значения двух и более текстовых категорий. Включение данных единиц в состав средств выражения конкретной категории определяется предметом и целью исследования. Однако семантическое содержание ФССКд не исчерпывается выражением «чужой» смысловой позиции, т.к. данная категория отражает взаимодействие двух и более смысловых позиций, в число которых, разумеется, входит и позиция автора. Микрополе «оппонента», микрополе «отношения» и микрополе авторизации выражают позиции коммуникантов и взаимодействие между ними. Микрополе «оппонента» и микрополе «отношения» в функциональном семантико – стилистическом поле диалогичности (ФССПд) одновременно представляют и функциональное семантико – стилистическое поле предшествующего знания (ФССПпз) (не авторское знание и его оценка). Таким образом, уже в статическом аспекте налицо пересечение семантических пространств исследуемых категорий. Микрополе авторизации связано с изложением авторской гипотезы и в принципе – с проявлением отношения автора к «чужим» позициям. Но позиция автора – это семантическое содержание ФССКгип. Авторская смысловая позиция – это и само предметное знание, и его разноаспектная оценка, и средства и методы его получения. Итак, мы вновь наблюдаем пересечение двух текстовых категорий – ФССКгип и ФССКд. Что значит – категории пересекаются? Как можно увидеть это пересечение в тексте? Речь идет о многофункциональности одних и тех же языковых и текстовых единиц, репрезентирующих в одной физической (в смысле – материальной) ипостаси различные ментальные сущности. На данное явление обращают внимание многие лингвисты.

Так, анализируя категории эпистемической целостности, связности и логичности, М. П. Котюрова приходит к выводу о существовании диффузных отношений между ними, то есть спектральном

принципе взаимодействия [9], обусловленном полифункциональностью языковых единиц, репрезентирующих в научном тексте несколько категорий.

Л. М. Лапп, анализируя смысловую структуру научного текста, представленную совокупностью интерпретационных планов (ИП), относит одни и те же текстовые единицы к различным ИП. Так, многочисленные конструкции связи, слова и сочетания, выражающие последовательность изложения, представляют и логический ИП, и операциональный ИП, то есть выражают одновременно и логику развития авторской мысли, и алгоритм понимания, которому должен следовать адресат. Л.М. Лапп отмечает: «отнесенность одних и тех же высказываний к двум различным ИП не следует рассматривать как логическое противоречие. В данном случае мы сталкиваемся с диалектическим противоречием, отражающим сложность реальных явлений» [11. С. 145]. Сложное реальное явление – это научный текст и процесс построения научного текста.

Е. А. Баженова, анализируя микросубтекст речевой рефлексии в системе субтекстов, констатирует: «С одной стороны, наличие в тексте операторов “рефлексирующего вмешательства” связано с действием того механизма речевой деятельности, который определяет поиск, выбор или создание необходимой номинации. В этом случае комментирующие ремарки отражают языковое сознание **автора** и, эксплицируя стремление субъекта максимально точно выразить содержание мысли, усиливают личностное начало научного изложения (субъект авторизации – И.Б.). С другой стороны, комментирующие ремарки ориентированы на **читателя**, ибо выполняют функцию метатекстовых сигналов, которые управляют вниманием адресата, облегчая восприятие собственно научной информации произведения» [1. С. 203]. Речь идет о полифункциональности определенных единиц, репрезентирующих одновременно разные типы субтекстов. Например, различные глагольные конструкции с модальными словами и глаголами мысли, речи, восприятия Е. А. Баженова относит к операторам эго-манифестации, то есть к субъекту авторизации (можно заметить, нетрудно понять, необходимо учесть, следует обратить внимание и т.д.). Разумеется, данные единицы участвуют в манифестации в тексте личности автора, но одновременно они направлены на адресата (это адресату следует учесть, следует обратить внимание и т.д.), т.е. представляют в тексте субтекст адресации. Другими словами, в одних и тех же контекстах одни и те же одни и те же средства конституируют различные субтексты. Развивая

данную мысль, добавим, что одни и те же языковые средства участвуют в манифестации различных текстовых категорий.

В принципе, если рассматривать научный текст как коммуникативно детерминированную речевую реализацию авторского замысла, то его содержание составляет не что иное, как коммуницируемая мысль. Мысль отражает научное знание во всей его сложности и всем многообразии, коммуницируемая мысль – передачу этого знания партнеру по коммуникации, т.е. взаимодействие коммуникантов в процессе общения.

Другими словами, данное сочетание демонстрирует важнейшие, на наш взгляд, составляющие экстралингвистической основы научного текста: научное знание как результат познавательной деятельности ученого (когнитивная составляющая) и взаимодействие коммуникантов (коммуникативная составляющая). Мысль, совершаемая в слове, всегда совершается для Другого, даже если речь идет о внутренней речи и о втором Я. Коммуницируемая мысль, рассматриваемая как экстралингвистическая детерминанта научной речи и содержания научного текста реализуется, прежде всего, лингвистическими средствами. Мы полагаем, что в научном тексте в ее реализации участвуют различные текстовые категории (ФССК), из которых можно назвать ФССК гипотетичности, выражающую новое знание в процессе становления, ФССК предшествующего знания, выражающую старое знание и единство научного знания, и ФССК диалогичности, выражающую взаимодействие коммуникантов в тексте, в том числе и взаимодействие между новым и старым знанием. Содержательно и функционально данные текстовые категории соотносятся со вторым уровнем модели смысловой структуры научного текста, а именно – с эпистемическими и коммуникативными факторами.

Список литературы

1. Баженова, Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.
2. Баранов, А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.
3. Баранов, А.Г. Динамические тенденции в исследовании текста. *Stylistica –IV*, Opole. 1995.

List of literature

1. Bazhenova, E.A. Nauchnyj tekst v aspekte politekstual'nosti. Perm', 2001.
2. Baranov, A.G. Funkcional'no-pragmaticheskaja koncepcija teksta. Rostov-na-Donu, 1993.
3. Baranov, A.G. Dinamicheskie tendencii v issledovanii teksta. *Stylistica –IV*, Opole. 1995.

4. Бедрина, И.С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах. Екатеринбург, 1995.
5. Бедрина, И.С. К обоснованию категории предшествующего знания в научном тексте. Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001.
6. Бедрина, И.С. Динамический аспект категории предшествующего знания и ее текстообразующий потенциал, стереотипность и творчество в тексте, Пермь, 2002.
7. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Москва, 1984.
8. Кожина, М.Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах. Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.
9. Котюрова, М.П. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2, Т. II, глава II, III, IV. Пермь. 1998.
10. Кучинский, Г.М. Диалог и мышление. Минск, 1983.
11. Лапп, Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск, 1994.
12. Макаров, М.Л. Коммуникативная структура текста. Тверь, 1990.
13. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва, 1993.
4. Bedrina, I.S. Funkcional'naja semantiko-stilisticheskaja kategorija gipotetichnosti v anglijskih nauchnyh tekstah. Ekaterinburg, 1995.
5. Bedrina, I.S. K obosnovaniju kategorii predshestvujuwego znaniya v nauchnom tekste. Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste. Perm', 2001.
6. Bedrina, I.S. Dinamicheskij aspekt kategorii predshestvujuwego znaniya i ee tekstoobrazujuwij potencial, stereotipnost' i tvorcestvo v tekste, Perm', 2002.
7. Dridze, T.M. Tekstovaja dejatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii. Moskva, 1984.
8. Kozhina, M.N. Nekotorye aspekty izuchenija rechevyh zhanrov v nehudozhestvennyh testah. Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste. Perm', 1999.
9. Kotjurova, M.P. Stilistika nauchnogo teksta (obwie parametry). Ch. 2, T. II, glava II, III, IV. Perm'. 1998.
10. Kuchinskij, G.M. Dialog i myshlenie. Minsk, 1983.
11. Lapp, L.M. Interpretacija nauchnogo teksta v aspekte faktora «sub#ekt rechi». Irkutsk, 1994.
12. Makarov, M.L. Kommunikativnaja struktura teksta. Tver', 1990.
13. Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticeskij aspekt. Moskva, 1993.

14. Сидоров, Е.В. Основы коммуникативной лингвистики. Москва, 1986.

15. Сидоров, Е.В. Проблемы речевой системности. Москва, 1987.

14. Sidorov, E.V. Osnovy komunikativnoj lingvistiki. Moskva, 1986.

15. Sidorov, E.V. Problemy rechevoj sistemnosti. Moskva, 1987.

ВАРЬИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ ПО РОДУ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Е. В. Маринова

Статья посвящена варьированию новых иноязычных существительных в современной русской речи. Рассматриваются варианты слов с разной родовой принадлежностью. Называются факторы, влияющие на грамматический род несклоняемых существительных.

Ключевые слова: иноязычные слова, грамматический род, морфологическое варьирование, синтаксическое варьирование

Приобретение иноязычным существительным грамматической категории рода относится к регулярным явлениям в процессе заимствования. Заимствуемое существительное может остаться без внешнего, материального грамматического оформления (без падежных окончаний), оно может не иметь противопоставления по числу, но оно не может употребляться в русской речи вне категории рода, даже будучи в стадии иноязычного вкрапления (исключение составляют только имена существительные *pluralia tantum*).

Освоение новых иноязычных существительных нередко сопровождается их варьированием в отношении грамматической категории рода.

Для иноязычной лексики характерны два типа родового варьирования.

Грамматическое варьирование **склоняемых** имён выражается в разных окончаниях варьирующихся единиц, следствием чего является их разная родовая принадлежность: *бандана – бандан* (**морфологическое** варьирование). На рубеже XX-XXI вв. такой тип родового варьирования встречается гораздо реже, чем в XIX-XX вв. Затухает и варьирование по роду новых заимствованных существительных на мягкий согласный (*пиксель, мундиаль – м.р.*).

Грамматическое варьирование **несклоняемых** имён существительных выражается в разных окончаниях, согласующихся с ними определений, или родовых формах сказуемого: *Один евро; Евро когда-то падало, а теперь растёт* (форум). В современной русской речи такой тип грамматического варьирования (**синтаксическое**

варьирование) наиболее частотный. Наблюдения показывают, что многие несклоняемые неодушевлённые существительные из новой иноязычной лексики употребляются в разных родовых значениях.

Подобным образом ведёт себя, например, американизм *фрисби*. *Фрисби* называют пластмассовый, «летающий» диск, используемый для игры, и саму игру. В первом значении, т.е. в значении «летающая тарелка», слово употребляется либо как существительное мужского рода – **Фрисби**, или *пластиковый диск*, ... *уже давно завоевал мир* (из студгазеты, 2006 г.), либо (чаще) как существительное женского рода, см.: *Подскажите, где можно достать недорогую фрисби* (форум). Если же речь идёт о самой игре, о виде спорта, род варьируется так: мужской, женский или средний. Ср.: *Пляжный фрисби* (объявление о развлечениях на пляже); *Расскажите кто-нибудь про эту фрисби* (форум); *Зажигательное фрисби* (форум).

Как существительное всех трёх родов выступает в «живой» речи англицизм *хэндс-фри* (устройство, предназначенное для «громкой связи» по мобильному телефону).

Слово *барбекю* также имеет в современной русской речи родовые варианты. В наших примерах встретился вариант этого слова среднего рода: *Вошедшее нынче в моду барбекю вряд ли заменит русскую национальную кухню* (ЭКГ). Однако преобладает вариант мужского рода. См., например: *Пропустим помянутые в программе «дружеский коктейль», «романтический барбекю на пленэре» и проч.* (ЭКГ).

Вследствие родового варьирования иноязычные неологизмы получают неодинаковое грамматическое толкование при лексикографической фиксации. Например, слово *биеннале* имеет в АЛ помету «ж.р.», а в ТСИС – «ср.р.». Действительно, употребление слова в среднем роде встречается в современной речи, см.: *Поволжское биеннале*, но чаще слово употребляется в женском роде - см.: *Венецианская биеннале*.

Подобный разнобой наблюдается и в фиксации несклоняемых **одушевлённых** существительных. Слово *вамп* в БАС-2 даётся (в значении ‘о женщине-обольстительнице, играющей роковую роль в жизни мужчины’) с пометой *ж.* [БАС-2]. В ТСИС слово в этом же значении отнесено к существительным мужского рода (*Она настоящий вамп!*) [ТСИС]. Судя по материалам Интегрума и ЭКГ, *вамп* употребляется в подавляющем большинстве случаев как существительное женского рода – например, в сочетании с определениями: *прирождённая, провинциальная, русская вамп* и др.

В НСЗ-90 слово *гёрлфренд* отмечено как существительное женского рода, в ТСИС – как мужского. В наших материалах нет ни одного примера, где бы слово выступало как существительное мужского рода, – напротив, в 22-х контекстах оно использовано в форме женского рода, см.: *Наш герой влюбился и вместе со своей гёрлфренд переселился в новую квартиру* (МК 13.12.2006).

Итак, в ряде случаев окончательный родовой вариант иноязычного существительного ещё не утвердился в реальной речевой практике, а значит, норма как «механизм» выбора вариантов ещё не сработала и кодификация только одного варианта преждевременна. По-видимому, в словаре следует фиксировать конкурирующие варианты и в то же время предлагать, отмечать вариант, соответствующий правилу русской грамматики.

Согласно правилу неодушевлённое существительное в случае, если оно не склоняется, относится к среднему роду (эта грамматическая особенность не распространяется на аббревиатуры и имена собственные). Основной массив прежде заимствованных слов, оканчивающиеся на гласный (-о, -е, -и, -у, -а), подчиняется этому правилу. Такая «модель поведения» несклоняемых существительных объясняется прежде всего особенностями самой категории среднего рода – по словам Унбегауна, она наименее экспрессивная среди трёх родов. По словам В.В. Виноградова, средний род становится «складом» для заимствованных слов, которые по своему звуковому или морфологическому облику не соответствуют типическим формам русских существительных.

Однако в начале XXI в. «позиция» среднего рода для новых иноязычий ослаблена и держится, по аналогии с исконными существительными среднего рода на -о, в основном у существительных на -о (за исключением отдельных лексем, например *евро* – м.р.). Несклоняемые существительные, оканчивающиеся другими гласными звуками или согласным, приобретая признаки того или иного грамматического рода, чаще всего «ориентируются» на род их русских параллелей (аналогов, эквивалентов). В результате несклоняемые неодушевлённые существительные пополняют не только класс имён среднего рода, но и классы существительных мужского и женского рода.

Например, существительные на -и могут относиться и к среднему роду (*суши*), и к мужскому (*багги, гран-при*), и к женскому (*ауди, фэнтези*). То же самое касается субстантивов на -о (*сумо* – ср.р.,

евро – м.р., вольво – ж.р.) и на -у (*тофту* – м.р., *тату* – ж.р., *ушу* – ср.р.). Существительные на -е могут быть либо среднего рода (*дефиле*), либо женского рода (*биеннале*); существительные на -а – либо мужского рода (*гала, гохуа, спа*), либо женского рода (*якудза*).

Варьирование по роду возникает под действием двух факторов: формальной аналогии (новое несклоняемое существительное становится в один ряд с ранее заимствованными словами, «получившими» средний род) и смысловой аналогии (новому иноязычию присваивается род слова-аналога или перевода). Именно действием смысловой аналогии можно объяснить, например, женский род слова *биеннале* (ср. *выставка*), мужской род слова *евро* (ср. – *один евро, один доллар, один рубль*), мужской род слова *дьюти-фри* (ср. магазин) и др.

Принятые сокращения

АЛ: Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2006.
БАС-2: Словарь современного русского литературного языка. Изд-е 2-е. Т.2. М., 1991.
МК: газета «Московский комсомолец».
НСЗ-90: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2т. / Отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб, 2009. Т.I (А-К).
ТСИС: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд. М., 2000.
ЭКГ: Электронный корпус русских газет конца XX-начала XXI вв. ЛОКЛЛ МГУ им. М.В. Ломоносова.

Used abbreviations

AL: Tolkovyj slovar' russkogo jazyka nachala XXI v. Aktual'naja leksika / Pod red. G.N. Skljarevskoj. M., 2006.
BAS-2: Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Izd-e 2-e. T.2. M., 1991.
MK: gazeta «Moskovskij komсомолец».
NSZ-90: Novye slova i znachenija: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: V 2t. / Otv. red. T.N. Buceva. SPb, 2009. T.I (A-K).
TSIS: Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov. 2-e izd. M., 2000.
JeKG: Jelektronnyj korpus russkih gazet konca XX-nachala XXI vv. LOKLL MGU im. M.V. Lomonosova.

**ГЕНДЕР КАК ПАРАМЕТР
АВТОРСКОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСОК Н.А. ДУРОВОЙ)**

Д. В. Минец

Статья посвящена анализу гендерного аспекта структуры языковой личности. Формула «кавалерист-девица» Н. Дуровой синтезирует когнитивные сферы мужского и женского, конструируя новую гендерную идентичность.

Ключевые слова: гендер, автодокумент, языковая личность.

Сейчас в отечественной лингвистике наблюдается рост исследований, посвященных изучению гендерного параметра в языке и речи. Гендер манифестируется в языке и является параметром переменной интенсивности, «...плавающим параметром» [2. С. 117]. Автодокументальный текст как зеркало «структуриации **собственного идентитета**» [4. С. 103], фиксирующее зависимость между половой принадлежностью автора, его психологическими особенностями и склонностью к употреблению определенных языковых структур, в этом аспекте является наиболее репрезентативным материалом.

«Кавалерист-девица. Происшествие в России» Н.А. Дуровой (1836) – редкий случай прижизненной публикации мемуарно-автобиографического текста, написанного женщиной со специфической судьбой. На всем протяжении текста, за исключением первой главы «Из детских лет», между нарратором и героем существует определенный зазор, эксплицитно выраженный в различии пола и имени. Женский нарратор (Дурова), обозначающая себя грамматически в женском роде, рассказывает о себе-персонаже, который носит имя сначала Дуров, а потом Александров и именуется в мужском грамматическом роде. Текст ясно соотносится с **традицией «мужского» жанра военных мемуаров**, однако в качестве **референтной группы адресата** она не раз подчеркивает, что ее текст адресован в первую очередь женщинам (предлагая «Записки» для издания Пушкину, Дурова пишет: «*Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественниц*»).

В дискурсивном аспекте «Записки» – сложное автодокументальное образование. Военный дискурс является доминирующим типом рассматриваемого автодокументального дискурса Дуровой, включая в себя при этом и другие виды общения (художественный и бытовой типы дискурса, способствующие: **первый** а) повышению читательского интереса, б) активизации образного восприятия читателем выстраиваемых автором персонажей; **второй** – установлению доверительных отношений с адресатом, создание иллюзии его непосредственного участия в акте коммуникации: для чего максимально упрощается лексическое и синтаксическое наполнение дискурса (сниженная разговорная лексика; усечённые синтаксические конструкции), применяются риторические вопросы. Реальный военный дискурс возникает по ходу автодокументального, когда речь идет о военных действиях.

*Непоследовательная гендерная позиция автора составляет специфику самопрезентации Дуровой как языковой личности. Дневниковый текст первой части («Детские лета мои») обозначает гендерную проблематику: «Я»-модель подростка, изначально выстроенная на общей оппозиции «я – мир», по ходу текста вытесняется частной ее вариацией «я – другие» (рассказ своей истории как истории изначально другого, ненормативного существа), которая в свою очередь обозначает две тематические парадигмы самоидентификации, условно дефинируемые как а) **не-женское** («Я была необыкновенной величины, имела густые черные волосы и громко кричала»; «...воинственные наклонности мои усиливались...»; б) **не-мужское** («... мне должно носить усы, а их нет и, разумеется, не будет; «От новой Армиды не вскружилась голова только у тех из нас, которые стары, не видели ее, имеют сердечную связь и, разумеется, у меня...»). Выделенные в текстовых фрагментах слова с повторяющимся структурным или семантическим формантом «не», с семантикой отрицания указывают на повторяющуюся идею «отсутствия» привычных для культурного сознания обычного человека репрезентов мужского / женского, что логично интерпретировать как некий кризис идентичности. Дискурс вынужденного выбора мужского мира обусловлен тем, что именно мать закрывает возможность самоидентификации с женским. Материнский дискурс трактуется как дискурс насилия: «Она продолжала держать меня взаперти и не позволять мне ни одной юношеской радости»; «Она толкнула меня в спину и назвала проклятую девчонкою». Не*

только мать, но и все другие женщины детства маркированы однозначно негативно: семантика контроля, принуждения становится маркером женской когнитивной сферы.

В русской картине мира роль женщины, как правило, ограничивается пространством дома. Женская когнитивная субсфера эксплицирована **концептами замкнутого, тесного пространства** (дом, горница, угол) и когнитивными метафорами процессуального характера (пеленание, шнурование, заплетание волос в тугую косу), следствием чего становится их гендерная маркировка: несвобода как неотъемлемый атрибут женственности. Мужской пол наоборот становится репрезентом свободы. Мужская и женская когнитивная сферы обуславливают наличие семантической оппозиции «свое / чужое» и присутствие двух способов речевой организации в тексте.

Семантика гендерной «особости», «инакости» доминирует в автодокументальном дискурсе Дуровой. Она актуализируется автором специализированными речевыми сигналами – **маркерами**. В случае с Дуровой к таковым следует отнести заглавную **автономинацию** «кавалерист-девица» (сложная в аспекте грамматического рода двухкомпонентная словоформа определит ее «речевой портрет»), а также ряд косвенных валентностей образа: «гусар-девица», «гусар-девка», дочь-богатырь». Бинарная структура гендерной метафоры-номинации носит культурно-символический характер. Оценочные характеристики других субъектов мемуарно-автобиографического дискурса характеризуются гендерным рассогласованием: словарные дефиниции номинаций первой части «дитя», «ребенок» не подразумевают гендерную определенность: «Мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества» [3. С. 671]. Дихотомия мужского/женского как позитивного/негативного подчёркивает превалирование маскулинной установки.

Женщины-авторы придают в своем творчестве большое значение характеристикам **ума**, что является признаком осознания своей роли в обществе и попытке её изменить: «*При таком-то расположении ума и воли моей...*». В автотексте Дуровой встречаются типичные для женского восприятия концептуальные метафоры, в основе которых скрыт уклад привычных для женщины занятий (ср. когнитивный предикат «разглаживание белья»): «*Воинские мечты мои начинали понемногу изглаживаться в уме моем*».

Для мемуарно-автобиографического дискурса Дуровой характерно нарушение семантического согласования при введении полупредикативных структур сравнений и приложений, заданных именами,

обозначающими лиц мужского пола или являющимися интертекстуальными элементами, традиционно трактуемыми общественным сознанием как эталоны мужественности («...*воинственного вида, делавшего меня похожею на Ахиллеса в женском платье...*»). Однако последовательную семантику «мужского» дискурса у Дуровой нарушает экспрессия, поддержанная синтаксисом и характерная для канонического жанра женского дневника: восклицательный знак как черта ее идиостиля (**говорение «курсивом»**): «...*бедные гуси! Вид их припомнил мне просьбу Подъямпольского! припомнил, что одному из них непременно надобно будет умереть! Ах, как мне стыдно писать это! Как стыдно признаваться в таком бесчеловечии! Благодарною саблею своей я срубила голову неповинной птицы!*». Подобное языковое поведение не соответствует гендерной модели идеала мужественности, ограничивающей проявления чувств (исключение ненависть к врагу, любовь к родине): женская сентиментальность табуирована в военном дискурсе.

Ее автодокумент в этом плане написан (сама манера писать) вне гендерных рамок: по замечанию И.Л. Савкиной [5. С. 185], в ее дискурсе имеет место четкое **дистанцирование концептов** «воин» и «насилие»: сцены сражения, непосредственно кровавого боя практически отсутствуют в тексте, а те, что есть, получают эмоциональную оценку ужаса и сострадания (женский дискурс): «...*тогда я увидела страшное и вместе плачевное зрелище: несчетное множество мертвых тел покрывало поле...*». Теми же коннотациями сопровождается и близкий к военному дискурсу – дискурс охоты, также маркируемый как сугубо мужской: «...*жалобный писк терзаемого зайца наводит мне грусть на целый день*». Что касается изображения женщин и мужчин в военной части, то оно традиционно и укладывается в рамки существующих культурных канонов мужественности / женственности. Когнитивная сфера мужского и формула личности самой Дуровой выстроена с опорой на **«лингвокультурный типаж»** [1. С. 3] **гусара**, чье поведение было обусловлено общими этнокультурными доминантами и оказало существенное влияние на формирование коллективного мировосприятия в России. Для русского социума в целом культурогенными являются характеристики поведения людей, чье основное занятие – вести войну или готовиться к войне. В этом плане формула личности Дуровой, «женщины-гусара», скорее подчеркивает маскулинность этого лингвогендерного типажа, изначально ориентированного на героический архетип.

Весь текст Дуровой пронизан протестом против сковывающих женщину гендерных стереотипов; ее ситуация «на границе», на нейтральном полюсе между женственностью и мужственностью дает ей свободу, но и создает кризис идентичности. Не соглашаясь со стереотипами женственности, она в то же время не во всем принимает и современные ей стереотипы мужественности: этакий «неполноценный гусар» [5. С. 185–186]. Как итог имеем согласовательную аномалию, подчеркивающую противоречивость наличия в одной предикативной единице «мужских» и «чисто женских» грамматических характеристик: грамматические метаморфозы (**ж.р.** ↔ **м.р.**): «Я оборотилась к дежурному: – Я приказал тебе, чтоб лошади были непременно заложены...»; «Я сказала, что желал бы служить в Коннопольском полку...».

Автор намеренно «выходит из сферы, назначенной природою и обычаями женскому полу, присваивая новую гендерную и половую идентичность (Дуров, Александров) и отвергая существующие «исконно женские» гендерные стереотипы. Наперекор закрепленному в обществе мнению, на первый план выходят иные гендерные ценности: личностная свобода, слава. Формула «кавалерист-девица» синтезирует когнитивные сферы мужского, представленного концептом «свобода», и женского, конструируя новую гендерную идентичность. При этом речь идет не о смене пола, а о смене гендерного статуса, маркером которого и становится свобода.

Список литературы

1. Дмитриева, О.А. Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.
2. Кирилина, А. В. Современное состояние гендерных исследований в российской лингвистике // Beiträge des Gender-Blocks zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15–21 August 2003. München, 2003. P. 113–127.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2003.

List of literature

1. Dmitrieva, O.A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX veka : avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2007.
2. Kirilina, A. V. Sovremennoe sostojanie gendernyh issledovanij v rossijskoj lingvistike // Beiträge des Gender-Blocks zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15–21 August 2003. München, 2003. R. 113–127.
3. Ozhegov, S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M., 2003.

4. Савкина, И.Л. Я и Ты в женском дневнике (дневники Анны Керн и Анны Олениной) // **Models of Self. Russian Women's Autobiographical Texts.** Ed. by Marianne Liljeström, Arja Rozenholm and Irina Savkina. – Helsinki, 2000. – С. 103 – 118.

5. Савкина, И. Л. «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere, 2001.

4. Savkina, I.L. Ja i Ty v zhenskom dnevnikе (dnevnikі Anny Kern i Anny Oleninoj) // **Models of Self. Russian Women's Autobiographical Texts.** Ed. by Marianne Liljeström, Arja Rozenholm and Irina Savkina. – Helsinki, 2000. – S. 103 – 118.

5. Savkina, I. L. «Pishu sebja...»: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka. Tampere, 2001.

**КОНКРЕТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРЕДЛОГАМИ «О»
И «ПРО» В ФУНКЦИИ НОСИТЕЛЕЙ
ВТОРИЧНОЙ ИМЕННОЙ ПРЕДИКАЦИИ**

А. Ф. Пантелеев

Статья посвящена анализу конкретных имен существительных с предлогами «о» и «про» в роли носителей свернутой пропозиции и вторичной именной предикации в полипропозитивных простых предложениях.

Ключевые слова: пропозиция, вторичная предикация, процессуальность конкретного имени, элиминация.

В современной лингвистике важное место занимает проблема изучения конструкций с вторичной предикацией и средств выражения предикативного значения. Особое место уделяется «неэлементарным» простым предложениям [7] с абстрактными именами существительными, выступающими в функции носителей пропозитивного значения, «второго» сообщения в предложении, являющемся простым с точки зрения традиционной грамматики. Абстрактное существительное – девербатив, т. е. любое существительное, образованное от глагольного корня [1. С. 40], признается наиболее типичным средством выражения вторичной предикации в полипропозитивном простом предложении, наряду с инфинитивом в роли носителя «второго» сообщения.

Однако в трудах сторонников коммуникативно-функционального направления в лингвистике отмечается возможность выражения пропозитивного значения конкретным существительным при элиминации имени с процессуальной семантикой [4. С. 261].

Как отмечается в современной лингвистике, событийно-темпоральная синтаксема может быть образована «при помощи имени с конкретной семантикой, представляющего событие эллиптически» [4. С. 264]. Это замечание Г.А. Золотовой можно считать необходимым условием рассмотрения конструкций, в которых пропозиция выражена имплицитно при помощи предложно-падежной формы конкретного имени с предлогами. В подобных конструкциях возрастает роль коэмпиири [2. С. 49], т.е. обоюдной информативности коммуни-

кантов, которая позволяет однозначно трактовать значение свернутой предикации с элиминированным процессуальным именем.

Предложно-падежные словоформы конкретных существительных в функции носителей процессуального значения употребляются гораздо чаще, чем беспредложные словоформы [6. С. 108]. Среди синтаксем с конкретными существительными в функции носителей вторичной именной предикации центральное место занимают конструкции с предлогами, имеющими темпоральную либо целевую семантику [5. С. 224].

Однако следует отметить, что отдельную группу предложно-падежных словоформ конкретных имен, выступающих в роли носителей «второго» сообщения в полипропозитивном простом предложении, составляют синтаксемы «о + Предл. пад.» и «про + Вин. пад.» конкретного существительного. Подобные конструкции весьма типичны для языка художественной литературы и публицистики, ср.: «А еще о вузе мечтаю» (Панова. Сентиментальный роман). Семантика основного предиката актуализирует у конкретного имени наличие процессуального значения. Как отмечается в лингвистике, «если есть сообщение, даже редуцированное, «свернутое» до компонента простого осложненного предложения, язык не может не сигнализировать этого» [3. С. 100]. Глагол «мечтать» предполагает наличие в будущем определенной ситуации, факта, на осуществление которого направлено действие сказуемого. Дополнительным средством актуализации процессуальности конкретного имени являются фоновые знания говорящих; с помощью композиции эксплицируется свернутая пропозиция. Очевидно, что объектом мечтаний является не вуз как здание, а поступление и учеба в вузе. Данному «неэлементарному» простому предложению синонимично СПП с изъяснительным придаточным, ср.: «А еще мечтаю о том, чтобы поступить в вуз (учиться в вузе)»; либо полипропозитивное простое предложение с девербативом в роли носителя вторичной именной предикации, ср.: «А еще о поступлении в вуз (учебе в вузе) мечтаю».

Семантика основного предиката является главным средством актуализации пропозитивного значения у конкретного существительного с предлогом «о». Однако можно отметить также использование в качестве актуализатора средств контекста, лексического наполнения предложения, ср.: «Полосу о Маргаритовке необходимо было сдать к вечеру» (Панова. Сентиментальный роман). Наличие процессуального значения у имени собственного актуализируется семантикой

управляющего компонента «полосу», предполагающего наличие определенного события в прошлом, чего-то произошедшего в Маргаритовке, но не названного, а только обозначенного имплицитно в предложно-падежной словоформе, ср.: *«Полосу о том, что произошло в Маргаритовке, необходимо было сдать к вечеру»*. Характер же самого события, определенный факт действительности возможно восстановить только при помощи более широкого контекста.

Конструкции с предлогом «о» могут употребляться в ряду однородных членов с абстрактными именами существительными, ср.: *«До него доходили слухи об эсесовских зверствах, о концлагерях, о массовых расстрелах и выселениях»* (Казакевич. Весна на Одере). Конкретное существительное «концлагерь» с предлогом «о», выступающее в ряду однородных членов с пропозитивными именами, эллиптически выражает свернутую пропозицию, «второе» сообщение, связанное с чем-либо происходящим в концлагерях, ср.: *«До него доходили слухи об эсесовских зверствах, о том, что происходит в концлагерях, о массовых расстрелах и выселениях»*. Экспликация же свернутой пропозиции способствует коэмпирия, т.е. обоюдная информированность коммуникантов, фоновые знания говорящих.

Конкретное существительное с предлогом «о» может выступать в качестве однородного компонента придаточному изъяснительному предложению, точнее, указательному местоимению, к которому относится придаточное, ср.: *«(И тут Алехин подумал, что, находясь третий день здесь в засаде,) Таманцев не знает ни о Гусеве, ни о том, что дело «Неман» взято на контроль Ставкой»* (Богомолов. Момент истины). Синтаксема «о Гусеве» эллиптически обозначает некое событие, факт, который связан с определенным «третьим» лицом — Гусевым и о котором не знает субъект действия предикативной основы предложения, ср.: *«... Таманцев не знает ни о том, что произошло с Гусевым, ни о том, что дело «Неман» взято на контроль Ставкой»*. Средства актуализации пропозитивности конкретного имени, таким образом, являются семантика основного предиката и конструкция с однородными членами предложения.

Нужно подчеркнуть, что сама ситуация, эллиптически выраженная конкретным именем, остается неназванной и для ее экспликации необходимы средства микро- и макроконтраста, конситуация, привлечение фоновых знаний, носителей языка, ср.: *«Часовой доложил о батальонном комиссаре из штаба фронта»* (Гроссман. Жизнь и судьба). Синтаксема с предлогом «о» синонимична по значению изъ-

яснительному придаточному в СПП, о чем сигнализирует семантика основного предиката полипропозитивного простого предложения. Однако невозможно с полной определенностью назвать саму элиминированную в данной синтаксеме ситуацию, ср.: *«Часовой доложил о том, что прибыл (приехал, вызывает, погиб и т.д.) батальонный комиссар из штаба фронта»*. Только более широкий контекст и конситуация помогают определить, что наиболее верным вариантом эксплицитно выраженной пропозиции является глагол со значением приближения, типа «прибыть», «приехать».

Синтаксемы «про + Вин. пад.» конкретного имени в качестве носителей вторичной именной предикации так же, как конструкции «о + Предл. пад.», синонимичны по значению изъяснительным придаточным предложениям в СПП, однако употребляются гораздо реже анализируемых ранее синтаксем с предлогом «о». Для предложно-падежных сочетаний конкретных существительных с «про» характерны те же признаки, что и для синтаксем с предлогом «о». Основным средством актуализации пропозитивного значения у существительного с конкретно-предметным значением выступает семантика сказуемого предикативной основы, ср.: *«Про трупы я, понятно, слова ни сказал»* (В. Богомолов. Момент истины). Семантика глагола-сказуемого подразумевает наличие определенного факта, ситуации, имплицитно выраженной конкретным существительным в Вин. пад. с предлогом «про». Однако сама пропозиция может быть эксплицирована лишь при помощи средств контекста, ср.: *«Я, понятно, и слова не сказал про то, что обнаружены (найжены, находятся рядом и т.д.) трупы»*. Контекст, ситуация, фоновые знания говорящих способствуют экспликации имплицитно выраженной конкретным существительным пропозиции.

В целом можно заметить, что для словоформ конкретных имен с предлогами «о» и «про» характерна тесная связь с семантикой основного предиката – главного актуализатора пропозитивности данных синтаксем. Конкретные существительные с предлогами «о» и «про» синонимичны по значению изъяснительным придаточным предложениям. Конструкции с предлогом «о» более употребительны в языке, чем словоформы с предлогом «про». В качестве дополнительных актуализаторов пропозитивности синтаксем «о + Пред. пад.» активно используются лексическое наполнение предложения, средства более широкого контекста, коэмпирия, ряд однородных членов, в который входят абстрактное и конкретное существительные.

Список литературы

1. Адамец, П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и dead#ективных существительных // Филологические науки. 1973. № 4. С. 40–46.
2. Адамец, П. Несколько замечаний о синтаксической омонимии в русском языке // Системные синтаксические связи языковых единиц. М., 1992. С. 46–53.
3. Золотова, Г.А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. 1995. №2. С. 99–109.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
5. Пантелеев, А.Ф. Конкретные существительные с предлогами «после» и «перед» в функции носителей свернутой пропозиции // Язык. Дискурс. Текст: Материалы IV Международной научной конференции. Ростов н/Д, 2009. С. 224–226.
6. Пантелеев, А.Ф. Конкретное имя существительное без предлога в функции носителя вторичной именной предикации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов н/Д, 2010. № 2. С. 108–116.
7. Черемисина М. И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

List of literature

1. Adamec, P. O semantiko-sintaksicheskikh funkcijah deverbativnyh i dead#ektivnyh suwestvitel'nyh // Filologicheskie nauki. 1973. № 4. S. 40–46.
2. Adamec, P. Neskol'ko zamechanij o sintaksicheskoy omonimii v russkom jazyke // Sistemnye sintaksicheskie svjazi jazykovyh edinic. M., 1992. S. 46–53.
3. Zolotova, G.A. Monopredikativnost' i polipredikativnost' v russkom sintaksise // Voprosy jazykoznanija. 1995. №2. S. 99–109.
4. Zolotova, G. A. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka. M., 1998.
5. Panteleev, A.F. Konkretnye suwestvitel'nye s predlogami «posle» i «pered» v funkcii nositelej svernutoj propozicii // Jazyk. Diskurs. Tekst: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Rostov n/D, 2009. S. 224–226.
6. Panteleev, A.F. Konkretnoe imja suwestvitel'noe bez predloga v funkcii nositelja vtorichnoj imennoj predikacii // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. Rostov n/D, 2010. № 2. S. 108–116.
7. Cheremisina M. I. Oчерki po teorii slozhnogo predlozhenija. Novosibirsk, 1987.

СТРУКТУРА МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

М. А. Сиривля

Статья посвящена проблеме исследования феномена речевого манипулирования как одного из распространенных вида обмана в рекламных текстах. Исследование выполнено в русле лингвопрагматики и направлено на анализ современных рекламных текстов с целью определения в них манипулятивных тактик и конструкций.

Ключевые слова: манипуляция, воздействие, рекламная стратегия, рекламный текст, позиция автора.

Сегодня распространено мнение о высоком манипулятивном потенциале СМИ. Зачастую подобные мнения можно подтвердить доводами из различных источников (включая авторитетные мнения современных лингвистов). Попытаемся в этой части рассмотреть структуру манипулятивных тактик на примере современных рекламных текстов.

Необходимо помнить, что рекламная стратегия направлена на снятие критического восприятия рекламного текста адресатом и формирование у него положительного эмоционального настроения. При этом читатель понимает, что реклама должна продать ему товар, т. е. осознает ее цель, но не ее стратегию, которая незаметна и не манифестирована в речевой ткани текста, но призвана в конечном итоге побудить адресата к покупке рекламируемого товара. Именно это положение (скрытость стратегии) позволяет нам определить стратегию в рекламном тексте как манипулятивную. Стратегия здесь проявляет себя как «план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера» [1. с. 75].

В рекламном тексте мы сталкиваемся только с некоторой частью информации о товаре, которая способствует формированию его положительного восприятия со стороны потребителя: *(VIBRANT CURVE EFFECT. Блеск для губ. Объем и сияние для соблазнительных губ и ты в центре внимания! Инновационный аппликатор, разработанный совместно с профессиональными визажистами, идеально повторяет форму твоих губ, делает их сияющими и притягательными.*

ми. MAXFACTOR). Это обуславливает тот факт, что все рекламные технологии направлены на то, чтобы «усилить имеющиеся положительные характеристики и скрыть, уменьшить влияние негативных характеристик» [2. С. 339]. Именно это позволяет создать имидж товара/услуги, который определяется как специфический образ данного товара/услуги, в котором ракурс восприятия умышленно смещен и акцентируются лишь определенные стороны объекта. Благодаря этому достигается иллюзорное отображение рекламируемого объекта. В рекламном тексте акцентуализируются положительные стороны товара и при этом вуалируются или замалчиваются отрицательные. Следовательно, в рекламе не может быть полного, целостного представления о рекламируемом товаре/услуге. Часть информации о товаре/услуге заменяет его: «Санорин – сила эвкалипта против насморка» (главным в данном лечебном средстве становится масло эвкалипта, именно оценка эффективности эвкалипта распространяется на восприятие назальных капель в целом; иные характеристики в расчет не берутся).

Имидж рекламируемого товара или услуги может быть определен как «искаженный, иллюзорный, приукрашенный, доведенный до символа образ вещей» [3. С. 339], настраивающий на позитивное восприятие рекламируемого товара. В то же время именно этот образ товара выдается за истинный, правдивый, соответствующий реальному положению вещей. Зачастую реклама предлагает не столько сам товар, сколько тот образ жизни, который возможен после покупки этого товара: «Покупки, а особенно со скидками, – прекрасный способ поднять настроение, поэтому в твоём шопинге важна каждая деталь, даже такая маленькая, как банковская карта. АЛЬФА-БАНК – Cosmopolitan – Visa. Выбери кредитную или дебетовую карту стандартного размера и изящную мини-карту». Благодаря этой тактике банковская карта в рекламе воспринимается только положительно. В рекламе нет и не может быть слова «недостаток», но не может быть и «золотой середины»: реклама постоянно усиливает резкость звучания положительных сторон предлагаемого товара. Именно эта «однобокость» подачи материала и обеспечивает возможность обмана, который внешне никак не проявляется, но восстанавливается при сопоставлении действительной и рекламной ситуации.

В рекламном тексте акцент переносится на выгоду адресата. В рекламе товар показывается в лучшем свете, демонстрируются его

преимущества для потребителя. Создается иллюзия, что приобретение этого товара оказывается выгодным только для адресата (а адресант как будто бы ничего от этого не имеет). Таким образом, акцент переносится на выгоду адресата, а на самом деле выгоду от продажи рекламируемого товара извлекает чаще всего только адресант. Но он создает иллюзию своей заботы о выгоде потребителя («забывает» о себе, о своих интересах). Интересы адресанта маскируются (не обозначены открытым текстом), и на первый план как бы выдвигаются интересы адресата. Например: *«Подпишитесь на GLAMOUR. Сейчас! Всего за 900 рублей. И каждый месяц вы будете получать номер журнала прямо в ваш почтовый ящик».*

Особенно популярно в рекламе обещание снизить цену для покупателя, создается иллюзия, что ее размер зависит исключительно от воли потребителя: *«А если в другом магазине вам предложили цену ниже нашей, скажите, и мы сделаем наш товар еще дешевле; Вам предложили цену ниже – вы можете купить по этим ценам у нас и получить материала на 10 % больше!; Для вас наши цены будут еще ниже; Если в другом магазине вам предложили цену ниже нашей, скажите, и для вас мы сделаем наш товар еще дешевле; Если вы найдете дешевле, то мы продадим вам еще дешевле; Если найдете дешевле, то мы снизим для вас цену; Найдете дешевле – вы заплатим разницу».* При этом адресант всегда расположен к адресату (*Идеальное будущее. Пришло время для исполнения вашей мечты! «Хайвилл Астана» предлагает Вам совершенное жилье, о котором вы мечтали. Только для Вас! Безупречный город. Безупречный интерьер. Безопасность*). Таким образом, происходит подмена целей, которая в рекламном тексте связана с выдвиганием на первый план интересов адресата, а намерения адресанта остаются за рамками этого текста.

Эффективна реклама, маскирующая цели адресанта. Поведение подателя рекламы строится на устранении социальных дистанций в общении с читателем или зрителем, т.е. на стремлении к солидаризации. В рекламном тексте автор занимает определенную позицию. Позиция в данном случае равнозначна «маске», которую надевает на себя адресант, желая скрыть свои истинные намерения и добиться своей цели. При этом выделяются рекомендуемые позиции и нерекондуемые, которых необходимо избегать в тексте. Связано это с тем, что реклама должна располагать к себе, а не настраивать против себя, не противопоставлять себя читателю/зрителю. Нерекондуемые позиции вызывают именно этот нежелательный эффект. Адресант должен

солидаризироваться с адресатом, а не возвышаться над ним. В рекламном тексте он играет роль заботливого помощника. Эта роль может проигрываться с помощью целого ряда масок. Выделяется ряд типичных рекомендуемых позиций («масок») автора в рекламном тексте:

- **Позиция информатора.** Автор излагает материал, констатирует факт существования того или иного товара/услуги. Авторская оценка того, о чем говорится, явно не выражена. В данном случае наблюдаются изменения в сфере знаний адресата, их обогащение с помощью новой информации. Например: *«Новый год – время подарков и волшебных сюрпризов. Только с 1 декабря 2005г. по 14 января 2006г. Вы можете стать членом Клуба Fidelity на самых выгодных условиях».* Это наиболее нейтральная «маска».

- **Позиция комментатора.** Эта позиция предполагает наличие дополнительных сведений и личных оценок о существующем и всем известном товаре или фирме. Информация в данном случае эмоционально окрашена, что приводит к изменениям в системе оценок адресата. Например: *«В праздник особенно хочется быть красивой! Изящное сочетание черных камней, чешских кристаллов и золотого напыления в комплекте «Колье + серьги + кольцо» от Oriflame вполне справится с этой задачей».*

- **Позиция собеседника.** Автор разделяет интересы и заботы аудитории, выступает «на равных». Он устанавливает с помощью горизонтальности отношений атмосферу непринужденного общения с адресатом, располагает его вниманием, обращаясь к нему лично, беседуя с ним «на равных». Например: *«День за днем вы даете малышу внешнюю защиту, а каши НЕСТЛЕ защищают его изнутри. Уникальные каши НЕСТЛЕ созданы для полноценного питания малыша и укрепления его иммунитета».*

- **Позиция советчика.** Автор пытается донести до адресата свое мнение относительно покупки того или иного товара, привести доводы в его пользу, указать причины покупки именно этого товара, указать его преимущества и достоинства, заинтересовать адресата в покупке и т. д. Например, автор рекламного текста может посоветовать: *«Изящное украшение на пояс из бисера – интересная нота для завершения новогоднего образа. И пусть окружающие гадают: может, ты – лесная нимфа?! Бисерное украшение NAOMI CAMPBELL ОТ BSB».*

- **Позиция эмоционального лидера.** В данном случае автор настраивает аудиторию эмоционально, устанавливает благоприят-

ную атмосферу, рассчитывает на приподнятое настроение или на его возникновение от тех сведений, которые он сообщает. Например: «*EMBRACE. Почувствуй разницу! 5 лезвий для потрясающей гладкости*».

Таким образом, адресант всегда находится в позиции над адресатом: всегда знает о рекламируемом товаре больше (точнее, он владеет полным объемом знаний о нем), выбирает, как его преподнести, акцентировав внимание исключительно на его положительных сторонах, и т. д. Адресант, меняя «маски», переводит рекламную ситуацию (купля-продажа) в другую плоскость (дружеское общение). Он «стремится» сделать все для того, чтобы адресату было лучше (играет роль помощника). Благодаря этому он во многом снимает критичность восприятия рекламного текста.

Список литературы

1. Иссерс, О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. Вып. 1. 1999. С. 74–79.
2. Почепцов, Г. Имидж от фараонов до президентов. Киев, 1997.
3. Шестаков, В.П. Мифология XX века. М., 1988.

List of literature

1. Issers, O.S. Rechevoe vozdejstvie v aspekte kognitivnyh kategorij // Vestnik Omskogo universiteta. Vyp. 1. 1999. S. 74–79.
2. Pohepcov, G. Imidzh ot faraonov do prezidentov. Kiev, 1997.
3. Shestakov, V.P. Mifologija XX veka. M., 1988.

РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ ЗОМБИРОВАНИЯ.

М. А. Сиривля, Н. Журавлева

В статье рассматривается скрытое воздействие, содержащееся в рекламных текстах, оказывающее психологическое давление на сознание потребителей. Проведено сопоставление текстового варианта гипнотического сеанса и рекламы и сделан вывод о значительном внушающем эффекте рекламных текстов.

Ключевые слова: гипноз, суггестия, зомбирование.

Реклама представляет собой особый вид текста, уникальность которого обусловлена тем, что он объединяет в себе признаки всех родов деятельности. Являясь одним из функциональных инструментов экономического процесса, рекламный текст обладает огромной силой психологического воздействия на общество.

Лингвостилистический анализ рекламных текстов позволяет определить типичные языковые особенности рекламных сообщений. К числу таких типичных черт можно отнести следующие:

- На синтаксическом уровне:
 - преобладание коротких простых одно- или двусоставных предложений над более сложными конструкциями;
 - доминирование эмоционально-нейтральных конструкций (повествовательные, невосклицательные, утвердительные) над эмоционально-насыщенными (побудительные, вопросительные, восклицательные, отрицательные);
 - характерное сочетание эмоционально-насыщенных и эмоционально-нейтральных конструкций: как правило, в начале и в конце сообщения используются яркие, эмоциональные фразы, а основная масса предложений структурно-нейтральна;
- На уровне морфологии:
 - значительное преобладание существительных над всеми остальными частями речи;
 - превалирование в рекламе на русском языке и казахском языках прилагательных и причастий (признаков) над глаголами (действиями);
 - сравнительно небольшой перевес глаголов по сравнению с

прилагательными и причастиями и рекламных сообщениях на английском языке, что позволяет говорить о преимущественно субстантивных словосочетаниях, типа прилагательное/ причастие + существительное.

Таким образом, основной массив рекламных сообщений представляет собой довольно образные тексты, почти лишенные структурно выраженной экспрессии, однако время от времени среди этой структурной монотонности имеет место некий яркий «эмоциональный всплеск» в виде побудительной, восклицательной или иной эмоционально-окрашенной фразы: «GUINOT. Hydradermie Lift – Революционно-новый уход за кожей. Гидрадермия Лифт. Эффект лифтинга и омоложение уже после первой процедуры!». Подобная монотонность в сочетании с упрощенными синтаксическими конструкциями, чередованием повествовательных и «мягких» побудительных фраз, обилием прилагательных и причастий, создающих во многих случаях плавный убаюкивающий ритм речи, указывают на аналогию с гипнозом - «словесное внушение психофизического состояния, похожего на сон или полусон, сопровождающегося подчинением воли спящего воле говорящего» [1. С. 113], тем более что целевое назначение рекламы, относящейся к манипулятивной коммуникации, заключается в воздействии на адресата сообщения методом внушения.

Многие примеры рекламных текстов наглядно иллюстрируют вербальное сходство рекламы и гипноза – достаточно вспомнить гипнотические сеансы из известных фильмов или книг: «Вы спокойны... Вы совершенно спокойны... Вам тепло и удобно... Вас ничто не тревожит...». Общеизвестно, однако, что сеанс гипноза продолжался довольно долгое время и состоит обычно из трех фаз: погружение, внушение и пробуждение, при этом последнее происходит по какому-либо сигналу, оговоренному при погружении. Реклама не может непрерывно воздействовать на потребителя в течение долгого времени – рекламный текст по законам жанра краток, но сообщения могут часто повторяться по разным каналам в любое время совершенно неожиданно, чего не может позволить себе гипнотизер. Следовательно, реклама – это краткий сеанс гипноза в предельно сжатой форме.

При внимательном изучении текста, произносимого при гипнозе или аутотренинге гипотетическое сходство рекламы и гипноза становится очевидным (см.таблицу):

	Гипнотический сеанс	Рекламное сообщение
Потрясение	<p>Выберите какую-нибудь точку на потолке и внимательно посмотрите на нее... <u>Слушайте мой голос.. Расслабьтесь, пока Вы смотрите на нее...</u></p>	<p><i>В роли точки могут выступать изображения или, например, торговая марка: <u>Двигайтесь вперед</u>, время отступает. Urban Active против первых признаков старения кожи.</i></p>
Потрясение	<p>Вы ощущаете приятное расслабление все более и более полное... ваши веки становятся тяжелыми и сонными... все тело становится все тяжелее и тяжелее... ваши руки тяжелые, безвольные и расслабленные... ноги расслабляются... расслабляются полностью... прекрасное ощущение, тепло растекается по Вашему телу... Вы расслабляетесь еще больше... ваши глаза мигают ... они скоро закроются... скоро Вы впадаете в приятное состояние расслабления... вам все труднее и труднее сосредоточить свой взгляд... глаза закрываются...</p>	

<p>Внутренне</p>	<p>Ваша кожа мягкая и ровная. Представьте, что она выглядит абсолютно чистой, без изъянов. Помните, что у вас нет причин чесаться. Нет никакого зуда... только ощущение мягкости и комфорта.</p>	<p>Urban Active – необыкновенный дневной крем, бросает вызов: борется с первыми признаками естественного старения кожи и нейтрализует последствия современного образа жизни (стрессы, усталость, загрязнения окружающей среды). Phytovityl стимулирует жизнедеятельность клеток и регенерирует кожу. Cyto-Photoprotector защищает от свободных радикалов, UVA и UVB лучей. Уже через 8 дней ваша кожа изменится. День за днем морщинки исчезают, кожа становится упругой, цвет лица улучшается. Ваша кожа выглядит значительно моложе.</p>
<p>Продукция</p>	<p>Когда вы услышите счет 10 (или 5, или 3), вы проснетесь, чувствуя себя лучше, чем когда-либо. Один. Приготовьтесь проснуться. Вы будете прекрасно себя чувствовать. Два. Ваш разум ясен. У вас великолепная кожа. Три. Вы предвкушаете приятный вечер (день, неделя). Четыре. Вы веселый, счастливый, уверенный в себе человек, с оптимистичным взглядом на жизнь. Пять. Вы будете следовать всем своим внушениям. Шесть (дайте заключительное, самое важное для пациента гипнотическое внушение). Семь. Восемь. Девять. Десять. Полностью проснулись! Отличное самочувствие!</p>	<p>Авангардная красота. Urban Active. Helena Rubistein</p>

Из-за краткости самого рекламного воздействия и, соответственно, составляющих его отдельных этапов реклама не может полностью загипнотизировать адресата, как это происходит при обычном сеансе гипноза. Однако гипнотический эффект от рекламы довольно значителен.

Правомерность отождествления рекламного воздействия с гипнотическим подтверждается и исследованиями психологии потребителей, согласно результатам которых человек, находящийся под воздействием рекламы, при виде того товара, который он хотел купить, замирает, перестает мигать и слглатывать слюну, его дыхание замедляется, зрачки расширяются, взгляд становится расфокусированным. Такое поведение есть не что иное, как состояние гипнотического транса при виде рекламируемого товара. При выборе товара глаз потребителя мигает 14 раз в минуту (в нормальном состоянии – 32 раза в минуту), что равносильно трансовому состоянию.

Таким образом, реклама является источником повышенной психологической опасности. Используя образное суггестивное внушение, она зомбирует аудиторию, превращая потребителей в некие неодушевленные устройства, послушно впадающие в транс при виде рекламируемого товара и приобретающие его при первой возможности. Использование табуированных или аморальных образов в рекламных сообщениях, в свою очередь, ведет к психологическим, а затем и к физиологическим расстройствам у адресатов, а также к мутации сознания, выражающейся, в коренной переоценке системы нравственных и культурных ценностей и проявления немотивированной агрессии в сочетании с общим подавленным состоянием.

Список литературы

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. М. : Рус.яз., 1986.

List of literature

1. Ozhegov, S.I. Slovar' russkogo jazyka. M. : Rus.jaz., 1986.

ЯЗЫК СМИ

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОЯЗЫЧНОГО БЛОГГЕРА

А. А. Калашникова

В статье рассматривается вопрос о языковой картине мира для нового типа языковой личности – русскоязычного блоггера. Выделяются новые аспекты когнитивного уровня языковой личности русскоязычного блоггера.

Ключевые слова: языковая личность, языковая картина мира, блог, блоггер, блогосфера, дискурс, концепт, вербализация

В связи с широким распространением электронной коммуникации большой популярностью среди русскоязычных пользователей Интернета стали пользоваться Интернет-дневники – блоги. В результате формирования собственной коммуникативной среды блогосферы стало возможно говорить и появлении специфического нового типа языковой личности – языковой личности русскоязычного блоггера. Рассматривая языковую личность в этом коммуникативном континууме как объединение трех уровней: вербально-семантического, лингво-когнитивного и прагматического [1. С. 38], уделим особое внимание второму – когнитивному уровню, т.к. именно с лингво-когнитивного уровня начинается собственно языковая личность, ведь именно на когнитивном уровне, представляющем собой совокупность знаний индивида об окружающей действительности и аксиологические ориентиры человека, реализуется мышление личности, отражается актуальная для нее картина мира.

Современная лингвистика уделяет изучению языковой картины мира большое внимание. Это понятие восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, – с другой. «Языковая картина мира – это отраженные в категориях (отчасти и в формах) языка представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах

действительности в ее соотношении с человеком» [1. С. 148]. Понятие языковой картины мира имеет две стороны: а) языковая картина мира отличается от картины мира научной; б) в каждом языке порождается своя собственная картина мира. В базисе языковой картины мира индивида находится его индивидуальное когнитивное пространство, каждый отдельный индивид обладает своим собственным когнитивным пространством, при этом общее, «усредненное» когнитивное пространство, свойственное обитателям той или иной среды (в том числе и блогосферы как специфического дискурсивного пространства), формирует коллективную картину мира.

Изучая языковую картину мира русскоязычного блоггера, прибегаем к подходу, согласно которому можно осуществить реконструкцию цельной системы представлений, отраженной в языке, безотносительно к степени ее специфичности для данного языка, путем анализа какого-либо основополагающего для человеческой ментальности концепта.

Под концептом понимаем единицу собственно ментальных и психологических ресурсов человеческого сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека [4. С. 90], то есть концепт – это мыслительная структура, связанная с отраженным в сознании явлением мира. Концепт – «это многомерное смысловое образование, в котором есть не только понятийная сторона, но и образная, и ценностная» [2. С. 127]. Т.о. концепт – это совокупность всех знаний, понятий, ассоциаций, переживаний, воображаемых и реальных, вербальных и невербальных, особым образом структурированных в ментальном пространстве субъекта, которая актуализируется в сознании языковой личности при воспроизведении ею имени концепта. В рамках анализа картины мира языковой личности участника русскоязычной блогосферы, на наш взгляд, серьезного внимания требует рассмотрение концепта «друг».

Вербализация концепта – способ материального его выражения при помощи языковых единиц и, соответственно, способ доступа к концепту. Проанализируем, каким образом в блогосфере вербализуется данный концепт. Безусловно, и в блогосфере, несмотря на ее дискурсивные отличия от иных коммуникативных сред, заявленный концепт зачастую вербализуется по своему имени – «друг». Например:

Комментарий юзера *ratoll* в журнале *allexxeii.livejournal.com*:
«Ваш журнал мне нравится, могу быть неправа но на мой первый

взгляд вы распыляетесь, (между **друзьями** – «тысячниками») - потому и не чувствуете обратной связи».

В блоге пользователя spetsifika (spetsifika.livejournal.com): «Мне действительно нравится такой тип людей, как Ксения Фёдорова - именно совокупно нравится, так как мы являемся с ней так называемыми взаимными **друзьями** здесь, и я сужу не только по творчеству, в котором тоже не нахожу никаких недостатков, а главное же достоинство в том - что это именно творчество и при том довольно бескомпромиссное».

В блоге galeesha.livejournal.com: «В моей френдленге есть **друг** (может и несколько), у которого есть читатель (не буду уточнять пол), который все время на позитивные посты всегда комментирует негативно! (...) У меня есть много **друзей-френдов**, которые даже в сложных и безвыходных ситуациях умеют не вешать нос и посмеяться над собой когда надо! Я горжусь, что я знакома с такими людьми!».

Пользователь maria-beata (maria-beata.livejournal.com) пишет: «Я не люблю, когда: пренебрежительно высказываются о тех, кто у меня в **друзьях**, их словах, особенно о творчестве. Вытягивают в открытые посты и комменты прочитанные под замком для френдов факты. Заваливают журнал коментами, поскольку я предпочитаю не открывать то, что предпочитаю не открывать, от нефрендов, но долбятся, чтобы доказать мне, что я на своей территории таки неправа».

Из приведенных примеров видно, что понятие «друг» здесь непосредственно связано с понятием «френд» (друга – зафрендить, во френдленге – друг, друзей-френдов, в друзьях – для френдов – нефрендов и т.д.). И, по нашему мнению, можно говорить о синонимичности вербализации концепта «друг» в вариантах «друг» и «френд».

Приведем примеры вербализации понятия «френд»:

Комментарий merlly в блоге merlly.livejournal.com: «У меня там маленький эпизод, с духами, это просто деталь, которая немного поработает на обций образ. Решила воспользоваться помощью **френдов**, что бы как раз не идти в магазин».

В журнале alenaforever.livejournal.com: «Дорогие **френды**, спасибо за теплые слова, поздравления и пожелания!!!».

Объявление в блоге strenua-inertia.livejournal.com: «Набор на тренинг, свободные места есть, с удовольствием делюсь информацией с вами, дорогие друзья: Уважаемые **френды** и сочувствующие! На этой

неделе стартует наш первый тренинг распознавания лжи. Программа основана на результатах исследований Пола Экмана и его коллег».

В рамках анализируемого концепта, ядром которого является синонимичная пара понятий «друг»/ «френд» находим лексемы, входящие в блог-жаргон: «френдить», «зафрендить», «отфрендить», «френд-оф», «френдз-онли», «френд-лента». Все эти лексемы в той или иной степени относятся к непосредственной вербализации концепта «друг», так как они отражают действия, совершаемые в отношении пользователей с целью реализации дружбы так, как это понимается в блогосфере, либо называют явление, в котором задействованы «друзья» / «френды», – то есть входят в семантическое поле концепта «друг».

Семантическое поле – это совокупность языковых единиц, объединенных каким-либо общим семантическим признаком. Это объединение языковых единиц, проводимое по содержательным (семантическим) критериям. «Семантическое поле – это иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [5. С. 139]. Лексемы включаются в состав семантического поля по принципу соответствия содержания. Семантическое поле состоит из ядра, выраженного понятием, наиболее широко характеризующим смысловое наполнение явления, а также областей, одни из которых могут располагаться ближе к ядру, другие – в периферическом пространстве поля. Отдельная лексическая единица может обладать несколькими значениями и, соответственно, входить в состав нескольких семантических полей. Так, семантическое поле для слова «друг» в «обыденном» русском языке будет отличаться от места этого понятия в семантическом поле в блоге. Итак, обрисовываем границы семантического поля, соответствующего вербализации концепта «друг» в рамках блогосферы.

В качестве ядра мы приняли синонимичную пару «друг»/ «френд», семантика этих понятий такова: пользователь *В*, которого автор блога *А* включил в список тех, чьи сообщения он читает в соответствующем разделе блога в виде объединенной ленты хронологически расположенных записей; тех, кому доступен просмотр сообщений блоггера *А*, написанный в режиме «только для друзей».

На первой от ядра орбите находится область, в которой сосредоточены лексемы, обозначающие активность, направленную в отношении пользователей с целью установления/прерывания «дружбы» с ними:

– френдить (вносить в друзья):

Комментарий pavel_herc в журнале хатахnes.livejournal.com: *«А какой еще подход может быть в интернете? прочитать весь дневник человека за несколько лет, и проанализировать - а стоит ли его **френдить**? по-моему случайный выбор всегда преобладает - зацепило что-то взгляд-внимание в дневнике - и **френдишь**, на авось, может будет что-то интересное»;*

– зафрендить (внести в список друзей):

Комментарий budyaka в журнале budyaka.livejournal.com: *«Да я уж сто лет знаю, кто ты такой!)) тогда и **зафрендил**. по фоткам и общению с усатым Андреичем вычислил и особенному тону в заметках»;*

– подружиться (внести в список друзей):

Комментарий vikdream в журнале andrey-che.livejournal.com: *«Привет, Чудесного весеннего настроения! Можно **подружиться**? Я люблю жизнь, люблю природу, люблю временами идти куда-нибудь или ехать, куда попутным ветром занесет»;*

– отфрендить (удалить из списка друзей):

Комментарий foxufriend в журнале dok-zlo.livejournal.com: *«Я сама вот только что узнала, что я якобы Вас **отфрендила**: Ничего подобного я не делала, я грешным делом было решила, что не вижу Ваших постов в своей френд-ленте потому что вы не пишете... И что теперь? Нет, я, конечно, обратно зафренжу, но вообще-то не понятно что это было»;*

– расфрендить (удалить из списка друзей):

Комментарий tatanisha в журнале engelsson.livejournal.com: *«Мне кажется, люди, дающие подобные советы и навязывающие здесь свою точку зрения, не понимают ничего в жж, данный способ общения не дает подобного права в принципе. **Расфрендил** и правильно, сколько их таких...»;*

– френдоцид (производное от «френд» и «геноцид», массовое удаление пользователей из списка друзей):

Комментарий visantia13 в журнале almires.livejournal.com: *«Появились люди, которые размещая в своем блоге рекламу и имея при этом п-ное количество френдов, получают за это деньги. Вот такое явление. Не обращайтесь на них внимания. Если из-за разросшейся френд-ленты Вам стало тяжело ее читать, устройте **френдоцид**».*

К периферической части поля отнесем лексемы, обозначающие явления, в которых тем или иным образом задействованы субъекты головных понятий поля:

– френд-оф (чей-либо друг - от англ. friend of):

В блоге reanstrain.livejournal.com: *«Все были исключительно бескорыстными писаками. помню даже, как мы с юзером valkorп мерялись количеством **френд-оф** в количестве 150 где-то и спорили (без чего-то поставленного на кон, слава богу, а то я бы продул), кто из нас быстрее тысячникем сделается. (и вот Валерий - тысячник, но счастлив ли он?!);*

– френдз-онли (доступ только для друзей):

Комментарий crazyblondorama в журнале pushba.livejournal.com: *«Закрывать жж на **френдз-онли** или отключить возможность нефрендкам комментировать твои записи и отправлять сообщения в личку? Если не спам, а кто-то просто левый пишет, в игнор его или «вежливо уйти куда-нибудь по делам», обычно, через часик молчания о тебе забывают (ну у меня работает, по крайней мере);*

– под замком (доступ только для друзей):

Комментарий katya_men в журнале svetlana75.livejournal.com: *«А я не знаю, о чем тут писать. Я затеяла обсуждение у себя в журнале **под замком** – ради максимальной деликатности. Если я здесь начну объяснять, в чем же суть этого массового эпистолярного прецедента, то смысл моей **подзамочной** деликатности потеряется»;*

– френд-лента (сведенные в единую ленту-поток сообщения из блогов «френдов» автора блога):

Комментарий magy_random в журнале gupson.livejournal.com: *«Я его читаю давно уже, наверное как опенспейс появился так и читаю, но вот в первый раз так: открываю **френд-ленту**, и где-то постов пять с перепостом и сопутствующими мыслями. Раньше такого не было»;*

– лента (то же, что и «френд-лента»):

Комментарий ment52 в журнале rukhakasia.livejournal.com: *«Да, оригинально :) Я сначала пролистнул в **ленте** наскоро. А теперь вчитался. Подождем, чем обернется»;*

– флента (то же, что и «френд-лента»):

Комментарий dika_deeneris в журнале vigdisblondinka.livejournal.com: *«Я во **фленте** не вижу половины твоих постов!!»*

Структуру семантического поля упрощенно можно визуализировать в форме схемы: ядро – первая орбита – периферия. Итак, семантическое поле концепта «друг» (рис. 1) состоит из 14 основных лексем, большая часть которых обозначает различные технические аспекты работы в блоге. В качестве ядра мы выделяем понятия

«друг», «френд» в виде синонимичной пары. На первой орбите находятся лексемы «френдить», «зафрендить», «расфрендить», «подружиться», «отфрендить», «френдоцид», обозначающие активность, направленную в отношении пользователей с целью осуществления блогových отношений с ними. На периферию схемы концепта «друг» в блогосфере вынесем следующие лексемы: «френд-оф», «френдз-онли», «под замком», «френд-лента», «лента», «флента», обозначающие явления, в которых тем или иным образом задействованы субъекты головных понятий поля.

Рис. 3.1 Схема семантического поля концепта «друг» в русскоязычной блогосфере

Концепт «друг» – один из основополагающих концептов русской языковой личности, он относится к базовым концептам во всех культурах, это одно из фундаментальных понятий сферы человеческих отношений, однако, именно в пространстве блога он содержит особые компоненты значения, нехарактерные для внеблоговой семантики этого явления, и эти специфические черты будут рассмотрены далее.

Значение слова «друг» таково: «1. Близкий приятель, лицо, связанное с кем-нибудь дружбой (применяется и по отношению к женщи-

нам). 2. Стронник, защитник кого-чего-н. (книжн.). 3. Употребляется в значении вежливого или снисходительного обращения (разг.)» [7. С. 96]. В последние годы «друг» употребляется также в значении «любимый человек» (напр.: «Он мой друг, мы стали жить вместе»).

Однако в виртуальном коммуникативном пространстве блога значение понятия «друг» несколько иное. Довольно точно его описывает пользователь larakalma (larakalma.blog.ru/81237667.html): «Что значит **дружба** в Блоге? Что лично для меня она значит? Скажу страшную вещь – ни-че-го. Почему? А потому, что когда я сажусь за комп и залезаю на этот ресурс, я в каждом вижу **друга**. Ну не врага же, в самом деле. Я читаю, комментирую и почти все время улыбаюсь (честно-честно). То есть получается, все, с кем я общаюсь, автоматически уже переходят в разряд **друзей**. Несмотря на то, что я стараюсь не придавать особого значения слову «**друг**» здесь, я всё же уже пару раз обожглась. Утром одна девушка прочитав мой оптимистически-радужный пост, предложила **дружбу**. Я, конечно, согласилась. Я тогда ещё всем доверяла. А вечером она отписалась от моего блога и удалила из **друзей**».

Итак, в блогосфере концепт «друг» имеет смысл «состояние блоггера по отношению к другому блоггеру» не с позиции близкого знакомства, приятельства, общих жизненных интересов, а в аспекте преимущественно техническом: френд включен во френд-ленту, имеет возможность читать «закрытые» записи своего френд-оф и т.д.

«Членение универсума на два мира – «свой» и «чужой» – является одним из основных семиотических принципов <...> Концепт «друг» выражается в сознании носителей языка, прежде всего, в том, что у человека есть близкий и родной ему человек, который готов всегда прийти на помощь, пожертвовать всем ради счастья друга. Друг – это внутренне, духовно близкий человек, с которым преодолевают трудности, проходят испытания в жизни. В отношениях дружбы важны равенство и взаимная ответственность. В то же время концепт друг также обнаруживает связь с представлением человека о детстве – первые друзья, друзья детства – самые верные, надежные, близкие, хорошие, настоящие друзья» [6. С. 55]. И в дискурсе блога концепт «друг» также несет значение «своеости», однако, отметим, что именно в результате семантической специфичности данного концепта в исследуемом нами дискурсивном пространстве, антиномическое концепт-явление «друг» – «враг» в блогосфере становится второстепенным, принадлежа «общебытовому» языку. На первый план выхо-

дит антиномия «друг» – «не друг», то есть «включен в друзья» – «не включен в друзья».

Таким образом, можно утверждать, что на примере такого базового концепта человеческого бытия, как концепт «друг», заметна трансформация когнитивного уровня языковой личности русскоязычного блоггера. Одно из важнейших понятий сферы человеческих отношений под влиянием компьютерно-опосредованной коммуникации и виртуализации межличностного диалога переходит в пространство технической характеристики, что доказывает состав семантического поля для соответствующего концепта. И это позволяет нам утверждать, что языковая картина мира как собственно плато бытия языковой личности в блогосфере изменяется, подвергаясь воздействию дискурсивных особенностей веб-лога.

Список литературы

1. Виноградов, В.А. Краткий словарь лингвистических терминов / В.А. Виноградов, Васильева Н.В., Шахнарович А.М. М. : Русский язык, 1995.
2. Карасик, В.И. «Языковой круг: личность, концепты, дискурс». Волгоград : Лингвистика, 2002.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд.5-е М. : КомКнига, 2006.
4. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М. : Наука, 1996.
5. Новиков, Л.А. Семантика русского языка. М. : МГУ, 1999.
6. Скрыльникова, А.Ю. Категория чуждости как одна из ключевых идей русского языкового сознания. СПб. : СПбГУ, 2007.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Мысль, 2000.

List of literature

1. Vinogradov, V.A. Kratkij slovar' lingvisticheskikh terminov / V.A. Vinogradov, Vasil'eva N.V., Shahnarovich A.M. M. : Russkij jazyk, 1995.
2. Karasik, V.I. «Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs». Volgograd : Lingvistika, 2002.
3. Karaulov, Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. Izd.5-e M. : KomKniga, 2006.
4. Kubrjakova, E.S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Pod obw. red. E.S. Kubrjakovoj. M. : Nauka, 1996.
5. Novikov, L.A. Semantika russkogo jazyka. M. : MGU, 1999.
6. Skryl'nikova, A.Ju. Kategorija chuzhdosti kak odna iz ključevyih idej russkogo jazykovogo soznani-ja. SPb. : SPBGU, 2007.
7. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. / Pod red. D. N. Ushakova. M. : Mysl', 2000.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е. Н. Комаров

В статье анализируются особенности формирования современной информационной картины мира, а также механизмы влияния медийной реальности на формирование индивидуальной картины мира потребителя медиaproдуктов.

Ключевые слова: информационная картина мира, средства массовой информации, информационное пространство, медиарельность, медийная среда.

Впечатляющий научно-технический и технологический проыв, стремительная информатизация всех сфер общественной жизни закономерно привели к глобальным изменениям мира и неизбежной эволюции представлений социума о нем. Нескончаемый информационный поток, зародившийся в прошлом веке, продолжает стремительно расти и в третьем тысячелетии. Через него сегодня индивид получает практически неограниченный доступ к идеям, суждениям, взглядам и ценностям. Производя их отбор, анализируя и приводя в определенную систему в соответствии с собственными взглядами и предпочтениями, индивид, в конечном итоге, формулирует и выстраивает линию своего поведения. Сегодня смелому пересмотру подвергаются базовые научные концепции, стремительно расширяются границы человеческого познания. Таким образом, с одной стороны, происходящие изменения неизбежно способствуют прогрессу во всех областях социальной жизни, а с другой – значительно затрудняют ориентацию индивида в новом изменяющемся мире, где каждый волен поклоняться своим «кумирам», опираться на любые идеологические и ценностные установки.

На первый взгляд современному человеку не представляет особого труда сформировать свою собственную картину мира. Однако современный этап развития научного познания характеризуется не только появлением новых направлений, но и интеграцией наук, высокой степенью междисциплинарности. При этом каждая область познания вырабатывает собственные картины мира.

Информационный взрыв, появление различных теорий информации, позволили осознать важность и значительность информационных процессов. Признание доминирующей роли средств массовой информации во всех сферах социальной жизни позволило предположить, что современный человек репрезентирует реальность преимущественно через концепцию информационной модели мира.

Рождаясь, человек приходит в мир реалий, из которых складываются предметы его культурной среды. У индивида формируются первоначальные самые элементарные представления о предметах и явлениях окружающей действительности. Происходит формирование основ картины мира, которые позже дополняются знаниями, существующими и разделяемыми в данной социокультурной среде.

Информационная картина мира – это частная картина мира, моделируемая сообщениями, исходящими от СМИ, и представляющая собой некий событийный срез реальности. Если в прошлом информационную картину мира формировали сельский сход, община, слухи, общественное мнение, т.е. устная информация, передаваемая от человека к человеку, то с появлением средств массовой информации функция моделирования информационной картины мира перешла к ним.

По мнению целого ряда отечественных и зарубежных исследователей, культура, включая воспитание и межличностные отношения, берут свое начало в средствах массовой информации. Современный человек познает мир окказионально, методом проб и ошибок, накапливая хаотичные знания, полученные из личного опыта, теле- и радиопередач, газет, сведений, приобретенных случайно или в силу какой-то необходимости. Свои идеи и взгляды, позволяющие оценить, классифицировать и привести в систему впечатления от предметов и явлений, человек в основном черпает из средств массовой информации. «Культура общества превращается в собрание разных историй, и именно это соединение случайных элементов создает и определяет «мозаичную культуру» [1. С. 96].

Обращаясь к популярным и часто некачественным медиапродуктам, индивид спорадически поглощает и перерабатывает значительное количество информации. При этом он стремится обнаружить и идентифицировать новые для себя образы и понятия, установить связи с уже существующими и категориально квалифицировать «информационные блипы», чтобы, в конечном итоге, привести их совокупность в более или менее целостную систему.

Однако новые образы и представления часто не поддаются классификации. Они либо не укладываются в старые категории и представления, либо «имеют странную, текучую, бессвязную форму» [2. С. 99]. Человек в современном обществе вынужден самостоятельно собирать, сортировать и компилировать из отдельных фрагментов целостную картину. Однако вряд ли возможно найти людей, у которых «механизмы компиляции» картины мира функционировали бы одинаково.

Доступность и вездесущность новостной информации приводит к тому, что она практически мгновенно становится достоянием больших масс реципиентов и оказывает серьезное воздействие на формирование обыденного сознания. Доступность и одновременно отстраненность потребителей информации от собственно события, приводит к тому, что новостные сюжеты трагического содержания (катастрофы, войны, гибель людей) могут восприниматься в одном ряду с кино- и телефильмами, а грань между реальностью и вымыслом стирается.

Поскольку модели реальности константно транслируются через различные каналы информации у индивида все реже возникает потребность в создании собственной картины мира. Он, чаще всего, заимствует ее из средств массовой информации. «Коммуникация – это вторжение в систему сознания реципиента, построение в его когнитивной системе определенной модели мира, не обязательно совпадающей с моделью мира говорящего и онтологически существующей картиной мира» [3. С. 123].

Сегодня телевидение и интернет, став всепроникающими «инструментами» формирования сознания, через пространственное, модельно-изобразительное отображение мира репрезентируют его информационную картину. Благодаря мгновенности осуществления связи они снижают значение ежедневной прессы, благодаря доступности – значение кино, а благодаря легкости восприятия – значение книг.

Телевидение не отражает более фрагменты реальности, а, скорее, производит или конструирует ее. Реальность является продуктом дискурса, кодирующего ее посредством телевизионных камер и микрофонов. «Кодирование придает реальности смысл, который является идеологическим. Представляемое является идеологией, а не реальностью. Эффективность такой идеологии усиливается за счет портретного изображения, присущего телевидению» [3. С. 174]. Телевидение представляет реальность посредством образов. Причем

акцент делается не на содержании, а на форме представления, т.е. «образ становится более важным, чем референт. Результатом этого является развитие целой индустрии «манипуляции образами». Поэтому Дж. Бодрийяр охарактеризовал современное общество как насыщенное образами [4. С. 175, 177].

Современная информационная картина мира – это совокупность фрагментов информации, которые производятся и потребляются на местном, региональном, национальном и международном уровне. Информационная картина мира формируется различными субъектами информационной деятельности (индивиды, социальные институты и т.п.) в процессе их взаимодействия. Компоненты информационной картины мира содержатся, безусловно, в книгах, произведениях живописи, музыке, материалах средств массовой информации, но неоспорим и тот факт, что сегодня в основном телевидение, интернет и пресса определяют содержание информационной картины мира современного человека. Вместе с тем ее полнота и содержание находятся в зависимости от технических возможностей, т.е. количества телевизионных каналов, доступных для просмотра, и наличия доступа к интернету.

В последние десятилетия во всем мире отмечена тенденция к преобладанию интереса потребителей информации к сообщениям местной и региональной тематики. Местные (региональные) печатные и электронные СМИ привлекают массовую аудиторию, прежде всего, своим содержанием, в котором отражается местная специфика.

Жители одного региона, несмотря на различие возрастных, половых и прочих социальных характеристик, имеют общую понятийную и ценностную основу для обозначения реалий действительности. Особенности существования индивида в относительно замкнутом социуме накладывают отпечаток на его психологию и соответствующим образом вербализуются. Можно предположить, что через местные и региональные СМИ транслируются материализованные признаки ценностного мировосприятия и миропонимания, характерные для жителей определенного региона.

Средства массовой информации обеспечивают социализацию человека в условиях сложной среды обитания в современном обществе, обучая новым социальным ролям и ценностям, способам регуляции поведения и деятельности в разнообразной обстановке.

СМИ, создающие информационное пространство, сегодня оказались самым эффективным инструментом формирования ценностных ориентаций общества. Они являются определяющим элементом, ме-

няют природу социальных групп, регулируют взаимодействие групп или субъекта с новой для него средой и создают модель реальности современного индивида.

Возвращаясь к вопросу о роли СМИ в формировании информационной, и как следствие, ценностной картины мира индивида и социума, мы предполагаем существование своеобразной виртуальной информационной реальности, определяемой нами как медийная реальность.

Медиареальность – это комплекс образов действительности, постоянно производимый и транслируемый СМИ в адрес совокупности реципиентов в форме медиасообщений, активно воздействующий на формирование, в конечном итоге, коллективного сознания социума. Это производимая и транслируемая СМИ картина мира, состоящая из тщательно отобранных сообщений самой разнообразной тематики о событиях, являющихся элементами ежедневной социальной практики социума, его социальной реальности.

Являясь продуктом социальной реальности, медиареальность стремится, вместе с тем, подменить ее собою. Массированное давление, которому каждодневно подвержены индивиды, ведет к постепенному замещению непосредственного живого общения потреблением транслируемого образа действительности.

Формировавшиеся ранее исключительно внутри самой социальной реальности, к которой они и относятся, индивидуальная картина мира, ценности и поведенческие императивы, в таких условиях, по существу, вынесены за ее рамки, поскольку их формированием в значительной степени руководит медийная реальность. Именно она во многом диктует правила жизни в социальной реальности, манипулируя реалиями повседневной жизни, вкусами, привычками, эстетическими и политическими пристрастиями и т.п. Медийная реальность начинает постепенно замещать социальную реальность, создавая медийную среду обитания индивида, своеобразную квазиреальность.

Медийная среда, в которой индивид проводит ежедневно несколько часов, по своему объему начинает приближаться к социальной реальности, а по своей притягательности значительно ее превосходит. Одной из основных черт этой новой реальности является то, что индивид не видит того, что находится у него прямо перед глазами или за окном, вместо этого он видит то, чего нет поблизости.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в направляемых индивиду средствами массовой информации относительно реалистич-

ных образах действительности, создающих медийную квазиреальность, существует свой параллельный комплекс ценностей, которые способны, в конечном итоге, влиять на комплекс ценностных представлений индивида, сформировавшийся в условиях реальной социальной практики.

Полисемичность текстов СМИ, обеспечиваемая языковой системой, и вытекающая из этого множественность интерпретаций ставят актуальный для исследования деятельности СМИ вопрос о том, как медиасообщения и реальность соотносятся между собой. Выявление степени соответствия текстов СМИ реальности является важным аспектом отношения «индивид – СМИ». Масс-медиа репрезентируют реальность для индивидов, поэтому релевантными оказываются размышления о том, насколько полно и точно СМИ репрезентируют реальность, а также о том, чья реальность попадает через коммуникационные каналы в поле зрения социума.

Список литературы

1. Злобин, Н.С. Становление информационного общества и перспективы личности // *Цивилизация. Культура. Личность* / Отв. ред. В.Ж. Келле. М., 1999.
2. Тоффлер, О. Третья волна // *США – Экономика, политика, идеология*. 1982. № 7.
3. Самосудова, Г.Г. Художественный текст – субъективный образ объективного мира // *Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики*. Барнаул, 2000.
4. Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире. М., 2000.

List of literature

1. Zlobin, N.S. Stanovlenie informacionnogo obwestva i perspektivy lichnosti // *Civilizacija. Kul'tura. Lichnost'* / Otv. red. V.Zh. Kelle. M., 1999.
2. Toffler, O. Tret'ja volna // *SShA – Jekonomika, politika, ideologija*. 1982. № 7.
3. Samosudova, G.G. Hudozhestvennyj tekst – sub#ektivnyj obraz ob#ektivnogo mira // *Konceptual'naja kartina mira i interpretativnoe pole teksta s pozicij lingvistiki, zhurnalistiki i kommunikativistiki*. Barnaul, 2000.
4. Nazarov, M.M. Massovaja komunikacija v sovremennom mire. M., 2000.

ИССЛЕДОВАНИЕ НАИБОЛЕЕ ВОСТРЕБОВАННЫХ ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ В СИСТЕМЕ ИНТЕРНЕТ

**А.В. Архипова, А.В. Еливанова,
Н.А. Крашенинникова, Е.В. Платонова**

В статье проводится исследование наиболее востребованных поисковых систем в системе Интернет. Приводятся результаты опроса студентов 1-5 курсов Ульяновского государственного университета, нацеленного на выявление наиболее популярной поисковой системы. Дается оценка двух наиболее часто используемых студентами поисковых систем.

Ключевые слова: поисковые системы, Интернет, пользователь, сайт, опрос.

В настоящее время наряду с традиционными информационными ресурсами актуальными становятся электронные информационные ресурсы. В том числе современный человек должен владеть технологиями поиска информации в глобальной сети Интернет. В настоящее время существует проблема развития умения выделять существенные свойства предметов и абстрагировать их от несущественных, продолжить формирования мыслительных операций, анализ, сравнения и обобщения в практической деятельности, развития умения излагать свои мысли определенно, последовательно, непротиворечиво и обоснованно.

По данным Jupiter Media Metrix, 70% пользователей Интернета используют поисковые системы, чтобы найти необходимый им сайт. Подсчитано, что в интернете существует около двухсот навигационных сервисов, однако не все из них полноценно функционируют.

Согласно данным исследовательской компании Alexa тройку самых посещаемых в России сайтов в 2009 году составили vkontakte.ru, yandex.ru и mail.ru. Четвертую и пятую позиции заняли, соответственно, odnoklassniki.ru и rambler.ru. Оставшиеся в первой десятке места распределили между собой google.ru, narod.ru, google.com, youtube.com и livejournal.ru [1].

Очевидно, что вышеперечисленные сайты относятся к социальным сетям, поисковым системам и почтовым сервисам. Кроме того

достаточно популярными являются такие интернет ресурсы как torrents.ru и zausev.net, с помощью которых пользователи скачивают музыку и кинофильмы, а также делятся друг с другом ссылками на музыкальные и видеофайлы. В последнее время все большей популярностью начинают пользоваться и интернет-энциклопедии, среди которых особое место занимает wikipedia.org.

Несмотря на большое количество поисковых систем, не всегда удается быстро найти необходимую реципиенту информацию. Кроме того разные поисковые системы могут дать неодинаковый ответ на один и тот же запрос. Авторами данной статьи была предпринята попытка выявить наиболее востребованные поисковые системы и описать их преимущества. В ходе опроса, который проводился среди студентов 1-5 курсов студентов УлГУ (всего в опросе приняли участие 100 человек) было выявлено, что наиболее популярными среди них являются поисковые системы Yandex, Google, Rambler, Mail и Aport!. Поскольку первые две системы занимали лидирующие позиции, а также из-за того, что недавно Rambler перешел на Yandex алгоритм поиска, а Mail на Google, в ходе дальнейшего опроса реципиентам предлагалось оценить одну из этих двух систем. Предоставим список вопросов, по которому реципиенты оценивали поисковые системы.

1. Какой поисковой системой Вы пользуетесь?
2. Каковы причины выбора именно этой поисковой системы?
3. Насколько точно поисковая система выдает требуемую информацию по ключевому слову, словосочетанию, фразе?
4. Насколько быстро выполняются запросы?
5. Какое количество информации удалось получить по заданной теме?
6. Насколько полезна коллекция, по которой идет поиск?
7. Насколько удобно пользоваться системой?
8. Есть ли какие-то излишества в системе, отвлекающие внимание от процесса поиска?
9. Чего не хватает в выбранной Вами ПС?

Полученные результаты можно представить в виде таблицы в процентном соотношении:

Таблица 1

Вопросы:	Yandex	Google
1. Какой поисковой системой Вы пользуетесь?	42%	58%
2. Каковы причины выбора именно этой поисковой системы?	Упрощённая поисковая система, располагает внимание интерфейс	Большая вероятность найти точную информацию по заданному запросу
3. Насколько точно поисковая система выдает требуемую информацию по ключевому слову, словосочетанию, фразе?	80%, в зависимости от сложности фразы	90%, по большей части дает именно то, что надо, если эта тема обширно рассматривается
4. Насколько быстро выполняются запросы?	Зависит от сферы запроса	Зависит от сферы запроса
5. Сколько информации удалось получить по данной теме?	90-95% Зависит от формулировки	90-95% Зависит от формулировки
6. Насколько полезна коллекция, по которой идет поиск?	Первые 5-7 пунктов	Зависит от сферы запроса, дает много, но информация на сайтах может повторяться, но это не вина Google.
7. Насколько удобно пользоваться системой?	Очень удобно	Очень удобно

8. Есть ли какие-то излишества в системе, отвлекающие внимание от процесса поиска?	Наличие рекламы. Не на всех ссылках она нужна	Нет
9. Чего не хватает в выбранной Вами ПС?	Большого количества бесплатных ресурсов	Google самая умная поисковая система, в ней есть всё

Данные таблицы показывают, что большинство пользователей предпочитают Google, поскольку считают, что это самая умная и продвинутая поисковая система.

Авторы статьи предлагают для наилучшего достижения результатов комбинировать Yandex и Google. По их мнению, в системе Google лучше алгоритм поиска информации, и данная поисковая система лучше осуществляет поиск среди англоязычных ресурсов интернета. Yandex, в свою очередь, демонстрирует высокий уровень релевантности информации среди русскоязычных ресурсов. Тем не менее, 58% пользователей считают, что **Google лучше Yandex и скоро «отвоюет» у него русскоязычную часть интернета.**

Список литературы

1. Раскрутка сайтов (блогов) / Статистика блогосферы Рунета. 2009. Часть 1. URL : <http://www.raznoblog.com/seo/2009/06/21/statistica-blogosferi-runeta-2009-1/>.

List of literature

1. Raskrutka sajtov (blogov) / Statistika blogosfery Runeta. 2009. Chast' 1. URL : <http://www.raznoblog.com/seo/2009/06/21/statistica-blogosferi-runeta-2009-1/>.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

LA QUESTION DE LA NORME DANS L'APPRENTISSAGE

И. Р. Абзалова

Cette article porte sur des réflexions de la norme qui suscite de plus en plus de débats en didactique des langues; elle représente le socle de l'apprentissage en France mais son caractère prescriptif interpelle les sociolinguistes qui prônent la diversité linguistique désignée par la «variation», un phénomène qui peut toucher les productions langagières d'un individu, d'un groupe ou d'une communauté...

Mots clés : norme, apprentissage, sociolinguistique.

La norme se définit dans le contexte des apprentissages linguistiques tel un modèle unique de référence prescrivant un ensemble de règles de fonctionnement d'une variété de la langue. En français, la grammaire se présente tel le garant de la norme, elle fixe les règles et évalue les usages. Or, un regard réflexif sur les contenus de cette grammaire révèle son caractère répressif à l'égard de la diversité et de l'élasticité des usages effectifs du français en France et hors de France. Les observateurs de l'enseignement de la langue se posent souvent de nombreuses questions sur le contenu et la pertinence de ces apprentissages linguistiques. Quel français doit-on enseigner? Peut-on faire abstraction de la variation linguistique? Devra-t-on décrire la langue à partir de faits linguistiques observables, c'est-à-dire les performances diverses et variées auxquelles on est exposés dans la vie quotidienne ou bien penser la langue à partir de compétences idéalisées?

L'institution normative condamne certaines formes ou unités lexicales pour en recommander d'autres : dans l'absolu certaines formes sont jugées incorrects alors que d'autres représenteraient le modèle idéal d'usage linguistique; considérons les énoncés suivants :

- (1) Le film que je t'ai parlé passe pas ce soir
- (2) Le film dont je t'ai parlé ne passe pas ce soir

Pour la plupart des lecteurs, et plus particulièrement pour les «puristes», le premier énoncé pourrait apparaître comme déviant du « bon usage » de la langue pourtant, il est plus proche de l'usage réel de la langue que

l'énoncé (2) qui relève davantage de l'écrit et dont l'énonciateur pourrait dans certaines circonstances essayer la remarque sarcastique : «il parle comme un livre ». Ce que nous avons ici c'est la censure appliquée à une structure syntaxique *fautive* (énoncé 1) en fonction d'un énoncé jugé *normal* (énoncé 2) or la question de «norme» ne se pose pas de la même façon à l'oral qu'à l'écrit.

Devant ce confinement de la norme dans l'écrit littéraire, on est amené à se poser la question suivante: d'où vient cette perception de faute alors que de toute évidence les deux énoncés (1) et (2) sont pragmatiquement fonctionnelles? Quels sont les fondements de la légitimité d'une forme et de l'illégitimité de l'autre?

La légitimité de la norme en France a été instaurée dans l'histoire du pays par des choix culturels, politiques et idéologiques : la suppression explicite des dialectes parlés sur le sol français (le normand, le bourguignon, l'occitan, le provençal, etc.) et la multiplication des lois et des textes au cours du 20ème siècle en faveur de la diffusion d'un monolinguisme ardu ont fait du français parisien, parlé par le roi et sa Cour, la seule référence linguistique du pays ce qui apparaît alors comme une norme n'est autre qu'une description des usages de ces derniers comme l'a souligné Rey: La norme en France *«repose sur le concept habilement manipulé d'« usage»* (6. P. 69).

La norme tend à établir un conformisme linguistique national unitaire; elle fait partie intrinsèque du réel linguistique et socioculturel de la société dans la mesure où une communauté linguistique, définie tel *«un groupe de sujets parlants qui possèdent en commun des ressources verbales et des règles de communication»* (1. P. 61) se construit sur la base d'un langage commun qui sert à identifier les membres d'une même communauté et assure l'intercompréhension entre les différents usagers. Ainsi conçue, la norme s'oppose toujours aux tendances à la diversification, à la dialectisation, elle devient un modèle descriptif, évaluatif et prescriptif. Bourdieu (3. P.42) précise : *«La compétence suffisante pour produire des phrases susceptibles d'être comprises peut être tout à fait insuffisante pour produire des phrases susceptibles d'être écoutées, des phrases propres à être reconnues* comme recevables dans toutes les situations où il y a lieu de parler». La norme se réduit par conséquent à l'usage des intellectuels, des écrivains, des artistes, des professionnels de médias, etc. et sont tenus pour légitimes les formes que ceux-ci emploient. En revanche, force est de constater que la langue est sujette au changement et à la diversité.

En effet, chaque langue offre à ses usagers un matériau variationnel multidimensionnel et ce en fonction du temps, de l'espace, et du profil

social des locuteurs. Les sociolinguistes par leur intérêt à l'usage et aux usagers, ont en cherché des régularités. Gadet considère deux typologies de variation:

Variation selon les usagers : elle concerne l'échange verbal interlocuteur

- Variation diachronique: historique (français du XVIIe s. /du XXIe s.)
- Variation diatopique: spatiale ou régionale (France / Canada / Afrique ; Paris / Marseille) dialectes, régiolectes
- Variation diastratique: sociale et démographique (jeunes /personnes âgées, ruraux / urbains, professions différentes, niveaux d'études différents...) dans ce paradigme on trouve également le sociolecte qui est la variation liée à la position sociale et le technoclecte qui signifie la variation selon la profession ou la spécialisation.

Variation selon l'usage : elle concerne l'usage intra-locuteur

- Variation diaphasique (ou situationnelle ou stylistique) : c'est-à-dire qu'une même personne, quelle que soit son origine sociale, parle différemment selon la situation de communication (contexte de communication, âge du locuteur, support écrit ou oral...)

Registres :

- registre soutenu (ou encore soigné, recherché, élaboré, châtié, cultivé, tenu...)
- registre standard (ou non marqué ou encore courant, commun, usuel)
- registre familial (ou encore relâché, spontané, ordinaire)
- registre vulgaire

La variation (selon l'usage ou selon les usagers) se manifeste à tous les niveaux de la langue: phonique, morphologique, syntaxique et lexicale. Considérons l'énoncé qui présente un extrait du parler d'un jeune de la banlieue française :

« Avec les profs, on parle à la soutenue, mais quand un keum (mec) de la téci (cité) se fait serrer par les kisdés (policiers, en général en civil 'qui se déguisent'), il parle ascom (comme ça), parce que les flics ne captent que 2 ou 3 mots ».

Cet énoncé décrit une fonction cryptique de la langue qui s'exerce particulièrement dans les rapports avec les adultes (parents, commerçants, professeurs, éducateurs, policiers). Cette tendance à la créativité langagière est particulièrement présente chez les jeunes, or leur pratique langagière est exclue de la description scolaire. La maîtrise du code écrit de la langue est parfois présentée en France comme un bien supérieur aux performances proprement orales (2. P.13); il convient de préciser à cet

égard que la question de norme ne se pose pas de la même façon à l'oral qu'à l'écrit.

D'un point de vue diachronique, la prise de conscience par les linguistes et les sociolinguistes de France, du caractère autonome de l'oral et de la nécessité de son appréciation en tant que tel et non pas par rapport à la norme ou au «bon français», n'a eu lieu qu'à la suite du développement des études sociolinguistiques menées dans les milieux migratoires transatlantiques. L'oral a pu devenir objet d'étude bien après l'écrit; la révolution technologique, à travers le magnétophone et la vidéo, a permis de reproduire la parole, de la matérialiser et de la soumettre à des analyses multidimensionnelles : phonique, syntaxique, lexicale, etc. L'écrit standard bénéficie d'un prestige, d'une survalorisation sociale. Son accession au statut de norme lui en fait l'enjeu des apprentissages. Ainsi l'enseignement de la grammaire s'imposant comme seule description de la langue accessible à tous, se confond avec l'orthographe garant de la maîtrise du code de l'écrit standard.

Cette façon de penser, de décrire la langue qu'au travers le medium graphique, s'avère problématique à plusieurs égards. Il y a lieu de dénoncer, en plus de ses fondements inacceptables, quelques conséquences négatives de cette orientation.

Au niveau des apprentissages:

1. L'imposition d'une norme idéalisée au détriment de la parole concrète favorise une pédagogie qui peut difficilement permettre aux élèves de développer leur maîtrise des fonctions et des usages divers de la langue parlée.

2. La tendance de présenter la langue comme un bloc homogène, imperméable au changement et dont la transgression est passible de sanctions réduit quantitativement et qualitativement le répertoire verbal de l'apprenant défini comme étant comme l'ensemble des variétés nationales, régionales, sociales et fonctionnelles telles qu'elles sont utilisées dans les situations de communications auxquelles l'individu ou le groupe sont confrontés.

Au niveau sociolinguistique :

1. Restreindre les apprentissages linguistiques, pour quelque raison idéologique que ce soit, au code écrit ou au registre le plus formel peut engendrer un clivage profond entre les apprentissages et la réalité sociolinguistique des apprenants : le milieu familial et la société environnante qui lui ont servi de modèle linguistique seront remis en question.

2. Au niveau sociolinguistique, empêcher l'institution ou un individu

de faire usage d'une variété linguistique dialectale de registre informel, pour assurer des fonctions langagières, constitue un appauvrissement du patrimoine culturel et une discrimination.

3. Le rapport entre norme et jugement, est à la fois indice et générateur d'insécurité linguistique et sociale. Ce phénomène qui est lié à la perception, par un (groupe de) locuteur (s), de l'illégitimité de son discours en regard des modèles normatifs selon lesquels sont évalués les usages, repose généralement sur la stratification sociale et les tensions que celle-ci induit entre les différents groupes sociaux.

Une norme linguistique, quel que soit le modèle, est nécessaire à la cohésion sociale : s'il y a variation, c'est qu'il existe du même coup un modèle social collectif. Il est davantage question d'une mise en cause du caractère monopoliste que l'on attribue à l'écrit standard et de la nécessaire prise en compte de la situation de communication qui tiennent d'abord aux différences entre le français écrit et le français parlé et déterminent le contenu et l'aspect discursif de l'échange.

Bibliographie

1. Bachmann Christian, 1981, Langage et communications sociales, Hatier, Paris
2. Blanche-Benveniste Claire, 1997, Approches de la langue parlée en français, Ophrys, Paris
3. Bourdieu Pierre, 1982, Ce que parler veut dire, l'économie des échanges linguistiques, Fayard, Paris
4. Gadet Françoise., 2007, La variation sociale en français, Ophrys, Paris
5. Labov William, 1976, Sociolinguistique, Minuit, Paris
6. Rey Alain, 1972, «Usage, jugements et prescriptions linguistiques», Langue française, n°16.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОШИБКИ ПЕРЕВОДА ПРОГРАММЫ PROMT

А. В. Архипова, Э. В. Щанкина

В данной статье рассматриваются общие процессы и проблемы машинного перевода. Приведен анализ перевода одной из наиболее популярных программ машинного перевода PROMT. А также представлены результаты грамматического и лексического анализа перевода текста и их корректировка.

Ключевые слова: машинный перевод, перевод, словарь, анализ текста, единица смысла.

Проблема машинного перевода находится на стыке теоретической и прикладной лингвистики (в том числе структурной и статистической лингвистики), математической лингвистики, теории и практики программирования и автоматического программирования для вычислительных машин, информатики [1. С. 58].

Система машинного перевода обычно состоит из лингвистического описания входного и выходного языков (то есть автоматических словарей и грамматик, формальных всех уровней) и алгоритма (то есть инструкции по использованию этих словарей и грамматик, ориентированной только на их форму), на основе которого выполняется сам перевод. Полный процесс машинного перевода состоит из следующих основных этапов: 1) анализ текста на входном языке (поиск слов в словаре, морфологический и синтаксический анализ – моделируется понимание текста); 2) преобразование (переход от структуры текста на входном языке к структуре текста на выходном языке); 3) синтез текста на выходном языке (синтаксическое и морфологическое оформление текста – моделируется построение текста). Основной единицей смысла при переводе является слово, а грамматические формы и порядок следования слов в порождаемом тексте определяются на основе синтаксических связей между словами в тексте-оригинале. По аналогии со сложившимися традициями словари для автоматического перевода строятся преимущественно как словари слов (доля словосочетаний в них невелика).

Между тем в естественных языках слово не является единственной единицей смысла. В них одновременно используется несколько

уровней семантических единиц (уровень морфем, уровень слов, уровень словосочетаний, уровень предложений), причём смысл единиц более высокого уровня не всегда может быть определён исходя из смысла единиц более низкого уровня (наиболее ярко это проявляется в отношениях между уровнями морфем и слов). Следовательно, и словари для автоматического перевода должны содержать единицы различных уровней.

Многовековой опыт общения народов свидетельствует о том, что хороший переводчик должен не только понимать смысл переводимого текста, но и владеть фразеологическим богатством языка, на который осуществляется перевод. Таким образом, ручной перевод текстов представляет собой скорее фразеологический, чем пословный. Это обстоятельство нужно учитывать при автоматическом переводе.

Качественный машинный перевод научно-технических и деловых текстов может быть построен на основе использования комплексов словарей, включающих семантические единицы различных уровней слова, словосочетания, предложения. В процессе перевода должно соблюдаться правило предпочтения, согласно которому, прежде всего, следует вычленять и переводить семантические единицы высших уровней, и лишь после обращаться к единицам более низких уровней.

Исходя из этого, был проведен анализ перевода одной из наиболее популярных программ машинного перевода PROMT. При анализе текста, переведенного программой PROMT, был обнаружен ряд ошибок в переводе технического текста объемом 860 лексических единиц. При анализе были обнаружены следующие наиболее характерные погрешности в переводе некоторых предложений.

Лексический анализ текста показал, что PROMT по большей части адекватно переводит простые части речи, но допускает ошибки в переводе падежей, принадлежности прилагательных, речевых оборотов, построения предложения.

Недостатком машинного перевода является неточность перевода слов, имеющих несколько значений. Грамматический анализ текста показал, что электронный переводчик справляется с переводом слов во множественном и единственном числе, но имеется определенная трудность в переводе падежей и постановки глаголов в нужное число. Это объясняется различной интерпретацией падежей в русском и английском языках: в русском – через окончание, в английском – через предлоги.

Тип ошибки	English sentence	Перевод PROMT	Уточненный перевод
<p>Ошибка в выборе предложения</p>	<p>Programming and systems design is often contracted <i>out to software houses</i>, or standard software packages are purchased.</p>	<p>Программирование и проект систем часто заключается контракт <i>из к фирмам по разработке программного обеспечения</i>...</p>	<p>Программирование и разработка систем часто осуществляется по контракту <i>с фирмами по разработке программного обеспечения</i>...</p>
<p>Речевой оборот</p>	<p>The overall design of a new computer, or series of computers, <i>is in the hands of computer architects</i>. Modern computers are designed from both hardware <i>and the software point of view</i>.</p> <p>Programmers, <i>more properly called</i> application programmers in this context, are responsible for writing , correcting and maintaining programs...</p>	<p>Полный проект нового компьютера, или ряда компьютеров, <i>находится в руках разработчиков компьютерной архитектуры</i>. Современные компьютеры разработаны <i>с учетом особенностей</i> технического и <i>программного обеспечения</i>.</p> <p>Программисты, <i>более правильно называемый</i> прикладными программистами в этом контексте, являются ответственными за запись, исправление и программы поддержания...</p>	<p>Полный проект нового компьютера, или ряда компьютеров <i>находится в руках разработчиков компьютерной архитектуры</i>. Современные компьютеры разработаны <i>с учетом особенностей</i> технического и <i>программного обеспечения</i>.</p> <p>Программисты, <i>более точно называемые</i> прикладными программистами ...</p>

<p>Неверная грамматическая конструкция</p>	<p>The description of the data processing department given here applies in particular to banks, insurance companies, airlines <i>and many central and local government departments.</i></p>	<p>Описание отдела обработки данных, данного здесь применяется(обрабатывается) в особенности к банкам, компаниям страхования, авиалиниям <i>и многим центральным и отделам местного органа власти.</i></p>	<p>Описание процессов отдела обработки данных, представленных здесь в особенности относится к банкам, страховым компаниям, авиакомпаниям <i>и многим центральным и отделам местного органа власти.</i></p>
<p>Существительное</p>	<p>There are two overall stages in the manufacture of computers, namely original equipment manufacture, and <i>the design and assembly of complete computer systems.</i></p>	<p>Имяются две полных стадии в изготовлении компьютеров, а именно изготовитель компьютерного оборудования, <i>и проект и трансляция(блок) законченных компьютерных систем.</i></p>	<p>Существуют две основные стадии в разработке компьютеров, а именно изготовление компьютерного оборудования <i>и проект и сборка законченных компьютерных систем.</i></p>
<p>Неверный перевод главной формы</p>	<p>Traditionally, an organization, which uses a computer, has a data processing department, <i>containing</i> all the staff who work directly with the computer.</p>	<p>Традиционно, организация, которая использует компьютер, имеет отдел обработки данных, <i>содержа</i> весь штат, кто работают непосредственно с компьютером.</p>	<p>Как правило, в организации, которая использует компьютер есть отдел обработки данных, <i>содержащий</i> весь персонал, работающий непосредственно с компьютером.</p>

<p>Несогласо- ванность гла- голов пред- ложения во времени</p>	<p><i>...containing all the staff who work directly with the computer.</i></p>	<p><i>...содержа работают непосредственно с компьютером.</i></p>	<p><i>...содержащий весь пер- сонал, работающий непо- средственно с компьюте- ром.</i></p>
<p>Неверный перевод глаго- ла по лицам</p>	<p><i>Programmers, more properly called applica- tion programmers in this context, are responsible for writing, correcting and maintaining pro- grams...</i></p>	<p><i>Программисты, более правильно называемые при- кладными программиста- ми</i></p>	<p><i>Программисты, более точно называемые при- кладными программиста- ми</i></p>
<p>Отсутствие предлога</p>	<p><i>Programming and sys- tems design is often contracted out to soft- ware houses, or standard software packages are purchased.</i></p>	<p><i>Программирование и проек- систем часто заключается контрактом из к фирмам по разработке программного обе- спечения, или стандартные пакеты программ куплены.</i></p>	<p><i>Программирование и разработка систем ча- сто осуществляется по контракту с фирмами по разработке программного обеспечения...</i></p>

Таким образом, исследования проблем в области машинного перевода следует отнести к разряду фундаментальных исследований. Их нужно вести не только и не столько потому, что это позволит в будущем сэкономить средства на переводах иностранных текстов и облегчить процесс обмена научно технической и деловой информацией между различными странами. Они необходимы как один из наиболее эффективных путей поиска технических решений по ряду проблем автоматической обработки информации, а уровень развития средств и методов автоматической обработки информации оказывает непосредственное влияние на темпы научно-технического прогресса.

Список литературы

1. Кулагина, О. С. Исследования по машинному переводу. М., Наука, 1979. 58 с.
2. Марчук, Ю. Н. Проблемы машинного перевода. М., 1983 С. 156–158.
3. <http://www.promt.ru>
4. <http://elearning.gunadarma.ac.id/docmodul/inggris/ch>.

List of literature

1. Kulagina, O. S. Issledovaniya po mashinnomu perevodu. M., Nauka, 1979. 58 s.
2. Marchuk, Ju. N. Problemy mashinnogo perevoda. M., 1983 S. 156–158.
3. <http://www.promt.ru>
4. <http://elearning.gunadarma.ac.id/docmodul/inggris/ch>.

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА
И СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ КОНЦЕПТА «БОГ»
В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ, ТАТАРСКОМ,
ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Л. В. Базарова

Статья раскрывает содержание концепта «Бог» в различных источниках, выявляет специфику языкового выражения и роль данного концепта в языковой картине мира, что позволяет рассматривать Бога как часть системы моральных, нравственных и культурных концептов анализируемых языков.

Ключевые слова: концепт, значение, структура, содержание, фразеологические единицы.

Концепт «Бог» является сложным и многоуровневым, так как включает в себя несколько репрезентаций и может отражаться в номинациях, заимствованных из других концептов. Большие возможности в плане раскрытия содержания данного концепта, в выявлении специфики его языкового выражения, в определении места изучаемого концепта в языковой картине мира и сознании нации предоставляют словарные статьи толковых и энциклопедических словарей. Наряду с этим, необходимо рассмотреть трактовку понятия «Бог» в различных источниках. Образ бога в религиозных источниках и философских словарях характеризуется как «Высшее, создающее и управляющее миром, дающее вещам, существам их бытие, значение, меру и воплощающее в себе наивысший уровень всех мыслимых совершенств: всемогущество, славу, святость» [2. С. 213]. Данные качества формируют содержание концепта Бог в философии. Несмотря на присутствие синонимических вариантов номинаций верховного божества, ключевым словом для исследования концепта «Бог» являются слова *God* в английском, *Бог* в русском, *Алла/Ходай* в татарском, *Allah/Tanri* в турецком языках. Представляется необходимым рассмотреть данные слова с точки зрения этимологии, *God* – в англ. от протогерм. *ghutan*, который заимствован из протоиндоевропейского *ghut* – «к которому зывают, обращаются с молитвой». *Бог* – от ст.-слав. богъ, родственного санскритскому *bhaga* («одаряющий,

наделяющий») [4. С. 98]. Алла – в тат. гар. Аллаһу «алла, тәңре» образовано из определенного артикля «Аль-» и слова «Илях» – «тот, кому поклоняются» [1. С. 15]. *Allah* – ~ Ar *allah* الله [Alh] < tanrı → ilah, ilahi – в тур. «тәңре, илах, илаһи».

Каждое понятие, входящее в ядерную сферу поля, организует вокруг себя собственное поле, в котором путем наслаения дериватов, синонимов и антонимов осуществляются тесные смысловые связи. В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечает три значения лексемы «Бог»: «1) Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий <...>; 2) Образ, икона; 3) Высшее существо, по понятию того народа: мнимые создатели и управители вселенной» [3. С. 258]. На основе первого значения путем его сужения развивается второе; третье возникает путем расширения первого. В словаре отмечены две пословицы (*Бог по нас, никто по нас; Бог не выдаст, свинья не съест*) и сто три фразеологические единицы (ФЕ), афоризмы, пословицы и поговорки: *Кто Богу не грешен, царю не виноват; Всем богам по сапогам; Бог на небе, царь на земле; Суди Бог того, кто обидит кого* и т. д. Таким образом, во фразеологическом фонде словарной статьи произошло смешение таких языковых единиц, как фразеологизмы, афоризмы, пословицы и поговорки.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова дано одно значение лексемы «Бог»: «по религиозным верованиям, верховное существо, стоящее **будто бы** над миром и управляющее им» [9. С. 160]. Т. Ю. Передриенко полагает, что «такая трактовка Бога, скорее всего, обусловлена социально-исторической ситуацией, политической неактуальностью данного концепта для носителей нашего языка, которая диктовалась идеологией и присутствовала в национальном сознании в период составления словаря (1934-1940)» [7. С. 55]. В данной словарной статье выделено шесть ФЕ: *бог весть, бог знает, слава богу, как бог на душу положит, не дай бог, избави бог*.

В «Новом англо-русском словаре» В. К. Мюллера «God» – «Бог» имеет четыре значения: 1) Бог, божество; 2) Всевышний, Бог; 3) идол, кумир; 4) театр. галерка. В словаре представлено восемь ФЕ: *God's truth (истинная правда), honest to God (честное слово), to make a God of smb. (боготворить кого-либо), God Almighty (Божье Всемогущий), by God (ей-богу!)* и другие [6. С. 310]. В «Longman Dictionary of Contemporary English» «God» представлены также три значения: 1) the being who Christians, Jews, and Muslims pray to – существо,

которому поклоняются христиане, евреи, мусульмане; 2) someone or something to which you give too much importance or respect – кто-либо или что-либо, кому вы придаете большую значимость или уважение; 3) the force that some people believe controls their lives, bringing them good or bad luck – сила, в которую верят некоторые люди, что она контролирует их жизни, принося им удачу или неудачу [11. С. 610]. В данном словаре зафиксировано двадцать шесть ФЕ: *I swear to God, what in God's name, God-given, God rest his/her soul, play God, in the lap of the Gods, thank God* и другие.

В «Русско-татарском словаре» под ред. Э. М. Ахунзянова, Р. С. Газизова, Ф. А. Ганиева «Бог» имеет три значения: 1) Алла, Ходай, Тәһре; 2) Создатель, Творец – булдыручы, тудыручы, ижат итүче, барлыкка китерүче, оештыручы; 3) рел. (бог) Яратучы, Алла; Всевышний – книж. Аллаһы Тәгалә, где обозначено шесть ФЕ: *Алла белсен (Бог знает); ничек туры килсә шулай (как Бог на душу положит); искитәрлек эш түгел, һәркемнең кулыннан килә (не боги горшки обжигают)* и одна пословица: *атны Аллага тапшыр, дилбәгәне үзәң тот (на бога надейся, а сам не плошай)* [8. С. 42]. «Татарский фразеологический словарь» Н. Исанбета – наиболее полный словарь, включает девяносто восемь уникальных ФЕ концепта «Бог»: *Алла аны дөнъяның бер җәпире буш булмасын дип яраткан («пустой» человек), Алла бәндәсе (простой, мягкосердечный человек), Алла шаһит (клянусь богом)* и многие другие.

В турецко-русском словаре А. Н. Баскакова, Н. П. Голубевой, А. А. Камилевой «Allah» имеет значения: 1) Аллах, бог; 2) будучи первым компонентом сочетания, усиливает значение второго компонента: а) выделено сто тридцать восемь ФЕ: *Allah bağırmaq (оказаться в затруднительном положении), Allah gönlüne göre versin! (да исполнит Аллах твои желания!)* и др.; три пословицы: *Allah kardeşi kardeş yaratmış, kesesini ayrı yaratmış (дружба дружбой, а денежки врозь), Allah kerimdir, kerim kuyusu derindir (бог-то бог, но сам не будь плох);* четыре поговорки: *Allah bilir ama kul da sezer (Аллах знает, но и его раб догадывается), Allah bir dediğinden gayrı sözüne inanılmaz (кроме «Аллах един», другим его словам верить нельзя)* и другие [10. С. 49]. В свою очередь, в «Большом турецко-русском словаре» под ред. Н. Н. Богачанской, А. С. Зубковой обозначено два значения: 1) Верховное всемогущее существо, которое властно над миром. 2) Предмет поклонения, обожания и выделено шесть ФЕ: *Allah bağışlasın! (не дай бог!), Allaha bin şükür! (слава Ал-*

лаху!), *Allaha emanet!* (да хранит его Аллах!), *Allah encamini hayreyliye!* (дай, бог, благополучного конца!) и др. [10. С. 37]. Мы полагаем, что использование одного словаря для исследования концепта было бы недостаточным, так как информация, получаемая из одного словаря, может оказаться достаточно субъективной. Следовательно, были рассмотрены несколько источников для составления наиболее общего представления о данном концепте в сопоставляемых языках.

При этом анализ синонимов лексем, объективирующих концепт в языке, дает возможность выявить дифференциальные признаки данного концепта в сопоставлении лексем, принадлежащих к синонимическому ряду. Для выявления первых дифференциальных признаков был проведен анализ синонимов ключевых слов, объективирующих концепт «Бог» в русском, татарском, турецком и английском языках. Для анализа были выбраны синонимы с нейтральным значением, полученные в результате выборки из словарей синонимов исследуемых языков: *Бог* → Всевышний, Вседержитель, Всемогущий, Владыка, Предвечный, Суций, Предвечное Существо, Господь, Творец, Создатель, Царь (Отец) небесный, божество, небожитель в русском языке; *God* → **idol, deity, divinity, spirit, the Author, the Lord, Providence, Heaven/Heavens, The Godhead, the Supreme Being/ the Supreme, the Almighty, the Creator, the power above, the pantheon** в английском языке; *Аллаһ* → Тәңре, Ходай, Хода, Валлаһе, Илаһ/ Илаһи, Рабби/ Раббе, Хак тәгалә, мәүлә, Аллаһы тәгалә, тәгалә в татарском языке; *Allah* → Tanrı, Sahip, Baba в турецком языке.

Концепт «Бог» в четырех языках представлен достаточным количеством лексических номинаций, что подтверждает их значимость в культуре народов. Подтверждается мысль о том, что «в ценностной картине языкового мира проявляются семантические законы, где рассматриваются наиболее важные предметы и явления жизни народа, которые получают разнообразную и подробную номинацию в языке» [5. С. 15]. Концепт «Бог» в исследуемых языках оказывается не полностью совпадающими по своему содержанию. Прежде всего, были выделены следующие сходства в номинациях исследуемого концепта: наличие среди них группы слов с прописной буквы, выступающих в качестве личных имен, и наличие группы слов со строчной буквы со значением «один из множества». При этом именно данные несовпадения оказываются существенными для межкультурной коммуникации и могут представлять трудности ввиду лингвокультурной интерференции.

Таким образом, словарные статьи являются важными специфическими типами вербального текста, в которых через языковые иллюстрации и определения раскрыты содержание и структура концепта. Анализ словарей и словарных статей показывает, что в словарях имеется единообразие толкования слова «Бог», сводящееся к тому, что Бог есть верховное всемогущее существо, управляющее миром. Многообразие словосочетаний, фразеологизмов, пословиц и поговорок, свидетельствует о том, что Бог представляет собой богатый материал для исследования, так как является частью системы моральных, нравственных и культурных концептов анализируемых языков.

Список литературы

1. Ахметьянов, Р. Краткий этимологический словарь. – Казань : Татарстан Китап Нашрияты, 2001. 347 с.
2. Большая Российская Энциклопедия / Под. ред. С. Л. Кравец. М., 2005. 755 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Терра, 1995. Т.1. 3547 с.
4. Историко-этимологический словарь современного русского языка / Под ред. П. Я. Черных. М. : Русский язык, 1999. 624 с.
5. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград-Архангельск : Перемена, 1996. С. 3–15.
6. Новый англо-русский словарь / Под ред. В. К. Мюллера. М. : Русский язык, 2001. 945 с.
7. Передриенко, Т. Ю. Концепты «Бог» и «Дьявол» в рус. и англ. лингвокультурах : дисс. канд. фил. наук. Челябинск, 2006. 197 с.

List of literature

1. Ahmet'janov, R. Kratkij jetimologicheskij slovar'. – Kazan' : Tatarstan Kitap Nashrijaty, 2001. 347 s.
2. Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija / Pod. red. S. L. Kravec. M., 2005. 755 s.
3. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M. : Terra, 1995. T.1. 3547 s.
4. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka / Pod red. P. Ja. Chernyh. M. : Russkij jazyk, 1999. 624 s.
5. Karasik, V. I. Kul'turnye dominanty v jazyke // Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty: sb. nauch. tr. Volgograd-Arhangel'sk : Peremena, 1996. S. 3–15.
6. Novyj anglo-russkij slovar' / Pod red. V. K. Mjullera. M. : Russkij jazyk, 2001. 945 s.
7. Peredrienko, T. Ju. Koncepty «Bog» i «D'javol» v rus. i angl. lingvokul'turah : diss. kand. fil. nauk. Cheljabinsk, 2006. 197 s.

8. Русско-татарский словарь / Под ред. Э. М. Ахунзяновой, Р. С. Газизовой, Ф. А. Ганиевой. М. : Русский язык, 1991. 727 с.
9. Толковый словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Терра, 2000. 1239 с.
10. Турецко-русский словарь / Под ред. А. Н. Баскакова, Н. П. Голубевой, А. А. Камилевой. М. : Рус. яз., 1977. 655 с.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. Oxford, 2000. 1050 p.
8. Russko-tatarskij slovar' / Pod red. Je. M. Ahunzjanovoj, R. S. Gazizovoj, F. A. Ganievoj. M. : Russkij jazyk, 1991. 727 s.
9. Tolkovoj slovar' russkogo jazyka v 4-h tomah / Pod red. D. N. Ushakova. M. : Terra, 2000. 1239 s.
10. Turecko-russkij slovar' / Pod red. A. N. Baskakova, N. P. Golubevoj, A. A. Kamilevoj. M. : Rus. jaz., 1977. 655 s.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. Oxford, 2000. 1050 p.

**МЕТАФОРА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

В. Ю. Барбазюк

*Выяснилось также, что метафора - самая
плодотворная вещь в науке.*

Г. Хазагеров

Данная статья посвящена проблеме перевода метафоры с лингвосинергетических позиций. Обосновывается понимание метафоры как функциональной синергетической системы, а также рассматриваются вопросы, связанные с функционированием метафоры в тексте и порождением смысла в переводе.

Ключевые слова: синергетика, лингвосинергетика, метафора, аттрактор, самоорганизация.

Формирование нового направления в науке, получившего название «лингвосинергетика» открывает широкие перспективы переориентации научных исследований, так или иначе связанных с языком.

Уже в первых работах, выполненных в русле данного направления (работы В. Н. Базылева, И. А. Герман, Л. А. Манерко, Н. Н. Мироновой, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкиной, В. А. Пищальниковой, Е. В. Рыловой, М. Г. Старолетова и др.) в том или ином виде было отмечено, что «наука на очередном сломе веков нуждается в новой парадигме, потому что все аспекты языковой структуры не существуют автономно, а, напротив, фундаментальным образом зависят от механизмов реальной языковой деятельности и от когнитивных структур, которыми располагает мыслящий индивид» [1. С. 13]. Язык в синергетической концепции – система открытая, флуктуационная, нелинейная, диссипативная, т.е. как пишет Герман «способная не оставлять на себе следов внешних воздействий» [2. С. 6].

Использование этого термина, с одной стороны, заявляет о синергетической платформе, или теоретической основе, новой науки, а с другой – через компонент «лингво-» – возвращает к традиционным представлениям о языке как объекте лингвистических изысканий, т.е. абстрактной языковой системе [4. С. 10]. Поскольку и понятие

«синергетика» по-разному интерпретируется в ряде публикаций, следует дать более подробное разъяснение данного термина, неизбежно возникающего при встрече с работами, в которых говорится о лингвосинергетике.

Синергетика (от греч. *synergētikós* – совместное действие, взаимодействие и т.п.) – новое междисциплинарное направление исследования систем, состоящих из большого числа компонент или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой. В результате такого взаимодействия возникают процессы, которые приводят к самоорганизации системы.

Одно из наиболее удачных определений самоорганизующихся систем было дано Б. Г. Юдиным: «Самоорганизующиеся системы можно определить как системы, способные при активном взаимодействии со средой изменять свою структуру, сохраняя в то же время целостность и действуя в рамках закономерностей, присущих окружению, выбирать одну из возможных линий поведения. Такая система может учитывать большое число факторов, каждый из которых меняется в широких пределах, т. е. способна осуществлять контроль, регулирование или управление чрезвычайно сложными процессами» [7. С. 360-361]. При этом важно учитывать, что «целостность системы есть особое ее состояние, субстанция, отличная от составляющих ее элементов. Законы системообразования существенно отличны от законов синтагматики и парадигматики ее элементов» [2. С. 18].

Лингвосинергетика – не просто новый этап, а активно развиваемая самостоятельная парадигма системной лингвистики, в основе которой лежит подход к языку/речи/дискурсу как динамической саморегулируемой системе.

Под аттрактором в лингвосинергетике понимается доминантный смысл – это «зона гармонизации симметрии и асимметрии, организации и самоорганизации текста, зона притяжения всех элементов текста, позволяющая ему существовать как целому, одновременно допуская возможность его пребывания в состоянии относительной стабильности и перехода к иному состоянию» [2. С. 77].

Метафора в русле идей лингвосинергетике оценивается как универсальный аттрактор, преодолевающий неопределенность в использовании языка и освобождающий от энтропии смысла.

Метафора – сложнейший объект логического, эстетического, философского и филологического анализа. С одной стороны, что касается ее внутреннего устройства, метафора – достаточно простое и очевидное

явление. В языковом опыте метафора возникает там, где нечто именуется не своим именем. При этом если это нечто имеет собственное имя, то последнее отбрасывается (его участие в понимании метафоры достаточно иллюзорно): в этом случае метафора выступает как акт вторичного именованя. Но она может выступать и как акт первичного именованя: если именуемое нечто впервые открывается человеку, т. е. не имеет собственного имени и никак не представлено в языковом опыте, и человек использует чужое имя, чтобы обозначить данный объект, и, таким образом, произвести его включение в языковой опыт.

Рассматривая метафору с лингвосинергетических позиций, стоит, что ее уникальность состоит в том, что она предполагает сцепление, синтез, бессознательное единение разрозненных, на первый взгляд, образов восприятия окружающей действительности на основе актуального для продуцента интегративного признака. При этом процесс метафоризации, по мнению Э. В. Губернаторовой – «это, по сути, специфическая концептуализация действительности <...> если это так, то исследование такой концептуализации в переводческой деятельности не просто интересно, но и необходимо для определения сущности последней» [З. С. 6].

Важно так же отметить, что Губернаторова переносит учение А. А. Потебни о внутренней форме слова к изучению метафоры как компонента переводческой деятельности с лингвосинергетических позиций. По А. А. Потебне, внутренняя форма слова – стабильный компонент содержания. Однако это не отрицает возможности развития, динамики содержания слова, а, напротив, предполагает ее. Для реципиента-переводчика, имеющего дело с иноязычным метафорическим фрагментом текста, внутренняя форма слова/значение лексемы является стабилизирующим началом поиска и средством адекватного понимания метафорического смысла текста продуцента. Стабильный компонент – значение лексемы, входящей в метафорический комплекс, является условием понимания авторского смысла. Стабильное и нестабильное в значении начинают функционировать в единой системе, назначение которой заключается в порождении встречного высказывания, адекватного исходному. «Компоненты метафоры как функциональной синергетической системы объединены актуальным для продуцента интегративным признаком, который реципиентом, как правило, понимается, хотя и не осознается. В случае обнаружения реципиентом интегративного признака возможно встречное порождение текста (перевода), который адекватно пере-

дает авторский смысл, заключенный в метафорическом фрагменте текста» [3. С. 8].

«Метафора регулирует протекание синергетических процессов в концептуальной системе переводчика, тем самым, обуславливая адекватность перевода» [5. С. 213].

Метафора как выражение авторского смысла содержит в себе возможности для разворачивания этого смысла. Восприняв эмоциональную энергию и нестереотипную информацию как познавательную структуру, реципиент, пытаясь избавиться от энтропии смысла, стремится найти сходные концепты в своей концептуальной системе, установить между ними связь, predeterminedенную текстом оригинала. Таким образом, понимание всегда активно, деятельностно.

Поскольку метафорические конструкции служат для передачи нового знания, они представляют собой специфическую концептуальную структуру, когда нестабильное ментальное содержание фиксируется конвенциональными языковыми средствами. По этой причине метафора не вписывается в лингвистические концепции перевода, в основе которых лежит идея преобразования текстов на основе нахождения эквивалентных или соотносимых единиц. Лингвистические теории перевода моделируют закономерности трансформации текста оригинала в текст на языке перевода, подробно рассматривая техническую сторону переводческой деятельности: приемы перевода и их применение. Известно, что узколексикологический взгляд на метафору сменился изучением мира образов, отраженных в плане содержания метафоры и способов их репрезентации. Так, в когнитивном подходе исследователей прежде всего интересуют способы языковой фиксации ментальных структур, т.е. когнитивные структуры. Исследователи изучают метафору одновременно как компонент концептуальной системы и элемент перевода. В свою очередь, перевод рассматривается не просто как посредник между двумя языковыми системами, а особый когнитивный процесс.

В заключении стоит отметить, что рассматривая метафору как функциональную синергетическую структуру, мы открываем новые возможности понимания специфики функционирования метафоры в художественном тексте и порождения смысла в переводе.

Список литературы

1. Герман, И.А. Введение в лингво-синергетику. Барнаул, 1999. 130 с.

List of literature

1. German, I.A. Vvedenie v lingvo-sinergetiku. Barnaul, 1999. 130 s.

2. Герман, И.А. Лингвосинергетика: Монография. Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 168 с.
3. Губернаторова, Э. В. Метафора как компрессированный компонент перевода: деятельностный аспект : дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 180 с.
4. Залевская, А. А. Синергетическая психолингвистика или психолингвистическая синергетика? // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы : сб. ст. 2000. С. 10–17.
5. Немировская, А. В. Интегративный подход к переводу метафоры в художественном тексте // Вестник Красноярского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 211–213.
6. Пономаренко, Е. В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе : дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 447 с.
7. Юдин, Б. Г. Методологические проблемы исследования самоорганизующихся систем // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970. С. 360–361.
2. German, I.A. Lingvosinergetika: Monografija. Barnaul: Izd-vo Altajskoj akademii jekonomiki i prava, 2000. – 168 s.
3. Gubernatorova, Je. V. Metafora kak kompressirovannyj komponent perevoda: dejatel'nostnyj aspekt : diss. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2003. 180 s.
4. Zalevskaja, A. A. Sinergetičeskaja psiholingvistika ili psiholingvističeskaja sinergetika? // Metodologija sovremennoj lingvistiki: problemy, poiski, perspektivy : sb. st. 2000. S. 10–17.
5. Nemirovskaja, A. V. Integrativnyj podhod k per-evodu metafory v hudozhestvennom tekste // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2006. № 3. S. 211–213.
6. Ponomarenko, E. V. Sistemnost' funkcional'nyh svjazej v sovremennom anglijskom diskurse : diss. ... d-ra filol. nauk. M., 2004. 447 s.
7. Judin, B. G. Metodologičeskie problemy issledovanija samoorganizujušijsja sistem // Problemy metodologii sistemnogo issledovanija. M., 1970. S. 360–361.

**ТИПЫ ЗАВИСИМОСТИ КОМПОНЕНТОВ АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ С ГЛАГОЛОМ ДВИЖЕНИЯ)**

И. В. Бечина, Т. Н. Федуленкова

В предлагаемой работе рассматриваются типы зависимости компонентов фразеологических единиц современного английского языка, в состав которых входит глагол движения go. Важность изучения данного вопроса диктуется тем, что типы зависимости компонентов, характеризующая устойчивость фразеологических единиц, являются зеркалом их внутренней формы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, трансформационная / нетрансформационная зависимость компонентов ФЕ, внутренняя форма ФЕ.

Одной из важнейших структурных характеристик фразеологических единиц (ФЕ) являются различные типы зависимости их компонентов [4. С. 473]. Каждый фразеологизм характеризуется тем или иным типом зависимости компонентов. Инвариантность компонентных связей, по утверждению А.В. Кунина, представляет собой один из важнейших системообразующих факторов в сфере фразеологии [3. С. 119]. По признаку константности / неконстантности фразеологические единицы имеют неоднородный лексический состав. В одних ФЕ все компоненты являются константными, или незаменимыми. Другие фразеологизмы допускают заменяемость компонентов, их вариативность, или вариантность. В некоторых фразеологических единицах вариантность может сочетаться с нормативной заменой местоимений переменными компонентами, а в других ФЕ такая замена может не сопровождаться вариантностью. При этом во всех случаях сохраняется инвариантность значения фразеологизмов [6. С. 122].

Объектом исследования являются фразеологические единицы современного английского языка, в состав которых входит глагол движения go, выполняя роль структурно ведущего компонента ФЕ. Наш выбор продиктован, во-первых, тем, что «самой частотной грамматической моделью ФЕ <...> является модель с первым компонентом-

глаголом» [1. С. 95], и, во-вторых, повышенной коммуникативной валидностью глагольной фразеологии в современном дискурсе.

Вслед за А. В. Куниным, выделяем две группы фразеологических зависимостей: нетрансформационную и трансформационную [2. С. 58–59].

Нетрансформационные зависимости выделяются по принципу соотношения константных и заменяемых (вариантных или переменных) компонентов ФЕ. Трансформационные зависимости выделяются в глагольных фразеологизмах по такому же признаку, с тем лишь различием, что эти соотношения выделяются на уровне словосочетания и на уровне его трансформации предложения и сопровождаются морфологическими и синтаксическими. Выявленные зависимости, являясь специфическими для фразеологизмов, отражают единство двух противоположностей: константности и изменчивости, т.е. асимметрию, свойственную любому явлению.

В рассматриваемых фразеологизмах с глаголом *go* наблюдаются следующие виды зависимости компонентов:

1. Константная зависимость компонентов (о терминах см.: [5. С. 168]).

Этот вид зависимости компонентов опирается на обязательную неподменяемость слов, необходимую для выражения данного значения. Фразеологизмы с данным типом зависимости составляют 8% исследуемых ФЕ. По количественному составу, это – прежде всего двух- и трехкомпонентные фразеологизмы: *go to roost* – ложиться спать, *go at a crawl* – двигаться медленно, еле передвигаться, ползти, *go bananas* – жарг. рехнуться, спянуть, *go Dutch* – платить свою часть за угощение, *go into the red* – приносить дефицит, стать убыточным, *go public* – (в бизнесе) продавать акции фирмы на бирже, *go off at half-cock* – разг. быть только частично успешным, удаваться наполовину, *go out into the Poll* – жарг. окончить без отличия Кембриджский университет.

1. Константно-вариантная зависимость компонентов.

Во фразеологизмах с константно-вариантной зависимостью компонентов одни компоненты являются константными, то есть неподменяемыми, а другие – вариантными. Однокомпонентная константно-вариантная зависимость, имеющая место при замене одного компонента [2. С. 62], наблюдается в следующих случаях варьирования ФЕ:

1) при варьировании глагольного компонента: а) с двумя глагольными вариантами: *go against the tide / swim against the tide* – идти, плыть против течения; *go all out / be all out* – разг. всячески стараться, не жалеть сил; из кожи лезть вон; б) с тремя глагольными вариантами: *go current / pass current / run current* – быть общепринятым; *go home with the milk / come home with the milk / get home with the milk* – шутил. вернуться домой под утро, вернуться домой после пирушки; *go into the black / climb into the black / get into the black* – (начать) давать прибыль, стать рентабельным; в) с четырьмя глагольными вариантами: *go about with a chip on one's shoulder / carry a chip on one's shoulder / have a chip on one's shoulder / wear a chip on one's shoulder* – держаться вызывающе, иметь вызывающий вид, быть задирой, забиякой, искать повода для ссоры или драки;

2) при варьировании адъективного компонента: *go at a great lick / go at full lick* – разг. нестись во весь дух, во весь опор;

3) при варьировании адвербиального компонента: *go along with you / go on with you* – хватит болтать глупости (употр. для выражения недовольства или притворного негодования, являющегося фактическим поощрением);

4) при варьировании предложного компонента: *go to the hammer / go under the hammer* – продаваться с аукциона, пойти с молотка и др.

Константно-вариантная зависимость характерна для 24% фразеологизмов с ведущим глагольным компонентом *go*.

3. Константно-переменная зависимость компонентов.

Константно-переменная зависимость встречается в ФЕ с некоторыми неподменяемыми компонентами, нормативно допускающих включение в свой состав переменных компонентов, но не имеющих вариантов или допускающих семантическое распространение путем добавления переменных компонентов: *go out of one's scull* – жарг. сильно нервничать, с ума сходить; *go over someone's head* – действовать через голову непосредственного начальника; *go into one's tantrums* – вспылить, разразиться гневом, прийти в бешенство и многие другие.

Данный тип зависимости компонентов ФЕ является довольно многочисленным и наблюдается у 31% фразеологизмов.

4. Константно-вариантно-переменная зависимость компонентов.

Константно-вариантно-переменная зависимость компонентов встречается во фразеологизмах, имеющих неподменяемые, или константные, компоненты, варианты и допускающих включение в свой

состав переменных элементов, замещающих местоимения: *go one's own way / follow one's own way / take one's own way* – идти своим путем, действовать по-своему, самостоятельно; *go out of one's memory / slip of one's memory / fade of one's memory* – забываться, ускользать, улетать из памяти; *go for the lick of one's life / run for the lick of one's life* – бежать опрометью, бежать что есть мочи, сломя голову; *go out of somebody's mind / be out of somebody's mind / slip somebody's mind* – быть забытым, вылететь, выскочить из головы, из памяти у кого-либо и другие.

Данный тип зависимости весьма характерен для фразеологизмов с компонентом *go* и составляет 37 % от исследуемых ФЕ. Распределение ФЕ с компонентом *go* по типам зависимости компонентов отражаем в следующей сводной таблице:

№ п/п	Типы зависимости компонентов	Количество ФЕ с компонентом <i>go</i>	% от общего количества изучаемых ФЕ
1.	Константная зависимость компонентов	14	8
2.	Константно-вариантная зависимость компонентов	43	24
3.	Константно-переменная зависимость компонентов	58	31
4.	Константно-вариантно-переменная зависимость компонентов	67	37

Очевидное преобладание константно-вариантно-переменной зависимости компонентов анализируемых ФЕ свидетельствует о сравнительно невысокой степени устойчивости данного сегмента современной английской фразеологии.

Список литературы

1. Алехина, А.И. Исследование системной организации фразеологии современного английского языка (проблема фразеологических отношений и фразеологи-

List of literature

1. Alehina, A.I. Issledovanie sistemnoj organizacii frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka (problema frazeologicheskikh otnoshenij i frazeologicheskikh

- ческих структур) : дисс. ... д-ра филол. наук. Минск, 1985.
2. Кунин, А.В. Английская фразеология : теоретический курс. М. : Высш. шк., 1970.
3. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М. : Высш. шк., Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996.
4. Кунин, А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря : дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1964.
5. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка : опыт систематизированного описания. М. : ИМО, 1972.
6. Федулёнова, Т.Н. Английские пословицы с инвариантным денотативным значением и их русские эквиваленты // Вопросы теории и практики перевода : сб. материалов семинара. Пенза : Пензенский гос. пед. ун-т, Приволжский Дом знаний, 1998. С. 122–126.
- struktur) : diss. ... d-ra filol. nauk. Minsk, 1985.
2. Kunin, A.V. Anglijskaja frazeologija : teoreticeskij kurs. M. : Vyssh. shk., 1970.
3. Kunin, A.V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka : uceb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz. 2-e izd., pererab. M. : Vyssh. shk., Dubna : Izd. centr «Feniks», 1996.
4. Kunin, A.V. Osnovnye ponjatija anglijskoj frazeologii kak lingvisticeskoj discipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologičeskogo slovarja : diss. ... d-ra filol. nauk. M., 1964.
5. Kunin, A.V. Frazeologija sovremennogo anglijskogo jazyka : opyt sistematizirovannogo opisanija. M. : IMO, 1972.
6. Fedulenkova, T.N. Anglijskie poslovice s invariantnym denotativnym znacheniem i ih russkie jekvivalenty // Voprosy teorii i praktiki perevoda : sb. materialov seminar. Penza : Penzenskij gos. ped. un-t, Privolzhsckij Dom znani, 1998. S. 122–126.

НАРУШЕНИЯ ЖИТЕЙСКИХ НОРМ КАК ИСТОЧНИК ЮМОРА

С. В. Буренкова

В статье рассматриваются нарушения житейских норм и запретов как источник юмора в русском и немецком языках. Непристойные выражения, анекдоты, садистские шутки и куплеты позволяют выразить запрещенные смыслы. Подобного рода шутки раскрывают отношение их авторов к существующим нормам и ценностям.

Ключевые слова: нарушения норм, табу, шутки, ценности культуры.

Исходя из того, что в своей жизнедеятельности человек нередко сталкивается с различного рода нарушениями бытующих представлений о норме, правомерно полагать, что язык, являясь формой выражения сознания человека и общества, изобилует средствами, позволяющими передать то или иное отношение к факту нарушения различных норм.

Известно, что шутливая семантизация лексики («энтимология» [5]), когда вполне нейтральные слова подвергаются паронимической «порче» – довольно широко распространенная деятельность среди носителей языка: *графин – муж графини, дневник – студент дневной формы обучения, противень – противный человек* и т.д. Вместе с тем, как отмечает Б.Ю. **Норман, особый подтекст, интеллектуальную глубину** игра со значением слова обретает в том случае, когда значение выдуманное сталкивается со значением настоящим: «это столкновение высекает искру эстетического эффекта, оправдывающего “энтимологическое” озорство» [5. С. 279]. Сравните: *брошка – мать-одиночка, покинутая жена, сомнение – мнение коллектива, аэроплан – план из воздуха, несбыточный прожект, безвкусица – диетическая пицца, показуха – посещение участкового врача, стоик – человек в очереди* и т.д. Подобные шутки нередки и на материале устойчивых словесных комплексов: *а вы и ухом не моргнули, будет и на нашей улице публичный дом, в рогах правды нет* и т.д. Смысл подобной языковой игры заключается в интерпретации и оценке отдельных, особенно важных, жизненных норм и правил и их на-

рушений. Сравните в немецком языке: *Sie hat einen Silberblick* (ugs. scherzh.); *BMW – Bayerische Müllwerke*; *Bums mal wieder*.

Нарушения норм не только претендуют на прямую номинацию, но они не могут быть обойдены речевыми сообщениями. Ярким примером значимости тех или иных нарушений, а значит, и самих нормативных требований, выступает юмор. Разного рода нарушения обязательны для юмора, поскольку он высмеивает именно отклонения от норм, от норм поведения в особенности. Объектом юмора становятся различные аномалии, неадекватное поведение, отклонения от норм внешности, ненормальные реакции на что-либо, дефекты речи, нарушения порядка, закона и т.д. Например: *Frau Meier kommt mit ihrer Tochter zum Arzt. Der Arzt fragt sie: “Stottert Ihre Tochter immer so?” – “Nein, nur wenn sie was sagen will”* [3. С. 6].

Следует заметить, что шутки раскрывают и проявляют отношение человека к миру, сознанию и языку. Хорошая шутка имеет большую эстетическую ценность. Кроме того, она позволяет «замаскировать» сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, которые находятся под запретом, иначе говоря, табуированы. К примеру, в немецкоязычной культуре сильны табу, сопряженные с чистоплотностью.

Изучение анекдотов, характерных для определенной культуры, позволяет выявить, во-первых, значимые для культуры нормы, нарушения которых становятся предметом шуток и насмешек, а во-вторых, установить типичные для культуры табу. Сравните: *Ein Mädchen fragt seine Freundin: “Hast du dich ihm der Liebe oder des Geldes wegen hingegeben?” – “Natürlich wegen der Liebe... Fünf Mark sind doch kein Geld”* [3. С. 40].

К полицейскому в Германии подбегает человек: «Господин полицейский, у меня украли велосипед!» - «Он был в порядке?» - «Да, ездил нормально». – «Звонок был на нем?» - «Нет». – «Ручной тормоз работал?» - «Его вообще не было». – «Фонарь?» - «Не было». – «Так, платите штраф 30 марок!» [4. С. 149].

В последнем анекдоте гипертрофированно выражается страсть немцев к соблюдению мелких правил. Такая приверженность немцев к порядку составляет национальный колорит жизнедеятельности немецкого общества.

Немцы – любители дорогих автомобилей и быстрой езды. Желание быть первым нередко становится важнее необходимости разумного следования правилам: *“Du, gestern auf der Autobahn war doch wieder so ein Idiot, der fuhr die ganze Zeit, über 50 km lang, mit*

Tempo 120 auf der linken Spur!” – “*Und? Was hast du gemacht?*“ – „*Ich hab' ihn nicht vorbeigelassen!*“ [3. С. 8]. Или: *Autofahren ist die Kunst, viel Geld in einen Haufen Blech zu stecken, um schneller als derjenige voranzukommen, der einen gerade überholen will* [2].

Очень часто основу языковых шуток составляют различия в presupпозициях: один из собеседников демонстрирует нестандартный «взгляд на мир», а другой солидаризуется с другими, привычными представлениями [5. С. 189]. Сравните: *Herr Doktor, ist es eine seltene Krankheit, die ich habe?*”*Blödsinn, die Friedhöfe sind voll davon...* [3. С. 6].

Примером нарушения этических норм могут служить также пародии на известные пословицы, песни, стихи, вообще разнообразные жанры «черного юмора»: памфлеты, частушки, четверостишья, сатиристские шутки и куплеты, вредные советы, карикатуры, иллюстрирующие не только, а порой и не столько юмористическое отношение к жизни. Такого рода произведения позволяют «выпустить энергию», дают волю злорадству, сарказму, помогают их авторам выразить то, о чем из приличия говорить не принято, но «очень хочется».

*O, Tannenbaum, o, Tannenbaum,
Der Lehrer hat mich blau
gehau'n! Jetzt muss ich in der
Ecke steh'n und mir die kahle
Wand anseh'n.*

*O, Tannenbaum, o, Tannenbaum,
Der Lehrer hat mich blau
gehau'n!*

*Маленький мальчик нашел пу-
лемет – Больше в деревне ни-
кто не живет...*

*Только осталась бабка Ма-
трена, Эх, на нее не хватило
патрона!*

*Und? – Der Lehrer ist Hund!
Was? – Deine Nase ist nass!*

*Advent, Advent, ein Lichtlein brennt,
erst eins, dann zwei, dann drei, dann
vier... und wenn das fünfte Lichtlein
brennt, dann hast du Weihnachten
verpennt!*

*Дети в подвале играли в гестано,
Зверски замучен сантехник Пота-
пов.*

*Длинные уши прибиты к затылку,
Так и не выдал, где спрятал бу-
тылку.*

По свидетельству С.Б. Борисова [9], *черный юмор* – юмор, «обнаруживающий предмет своей забавы в опрокидывании моральных ценностей, вызывающих мрачную усмешку» – пришел в Россию из Германии, создателями первых произведений в этом жанре следует считать франкфуртского врача, автора первой немецкой книги с кар-

тинками для детей Г. Гоффманна [8] и немецкого поэта и художника В. Буша [7].

Мрачные остроты и шутки можно встретить у многих классиков немецкой литературы, сравните:

Martin Opitz (1597-1632) Grabinschrift eines Koches

Wie wird die Welt doch überall verkehret.

Hier hat ein Koch im Grabe Ruh,

Der mancherlei von Speisen richtet zu.

Jetzt haben ihn die Würmer roh verzehret.

В настоящее время анекдоты, карикатуры, страшилки и садистские стишки можно найти в сети Интернет [10, 11, 12, 13], внимания заслуживают также собрание произведений черного юмора В.П. Белянина и И.А. Бутенко [1], «книги для непослушных детей и их родителей» Г. Остера [6]. Сравните примеры:

Врач, выходя из палаты тяжелобольных, говорит: «Всем – до свидания... А Вы, Иванов, прощайте».

Папа, почему наша бабушка бегаёт зигзагами? – Для кого-то бабушка, а для кого-то и теща. Подай-ка мне, сынок, лучше вторую обойму!

Если ты пришел на Ёлку, свой подарок требуй сразу,

Да гляди, чтоб ни конфеты не зажилил Дед Мороз. ...

“Was hat vier Beine und einen Arm?” – „Ein Pitbull, der vom Kinder-spielplatz kommt“.

Zwei Kannibalen verspeisen einen Clown. Sagt der eine: „Der schmeckt aber komisch.“

Zwei Knaben zogen an den Nil,

den andren fraß ein Krokodil.

Der eine starb am Fieber,

drum geh nicht hin, mein Lie-

ber!

Zwei Knaben gaben sich einen Kuss,

der eine, der hieß Julius,

der andere hieß Gretchen,

ich glaub', das war ein Mädchen!

Шутливые переосмысления норм подчеркивают их значимость для общества: к примеру, врач из приведенного выше анекдота нарушает нормативное представление о медике, призванном помогать пациенту. Или неумеренное принятие алкоголя, являющееся неотъемлемой характеристикой русских в анекдотах, выступает индикатором этнокультурных ценностей. При этом лингвокультурная специфика юмора осознается именно в ситуациях непонимания юмора [4. С. 200]. Типичные случаи такого непонимания обуславливают шутки, связанные с ценностными различиями между культурами,

например, отношение к концептам «порядок», «закон», «чистота», «пьянство» и др.

Знание неприемлемых нарушений или табуированных для определенной культуры тем является значимой составляющей коммуникативно-культурной компетенции участников межкультурного взаимодействия. В этой связи достаточно интересным и полезным оказывается изучение разного рода юмористических жанров. Такое исследование позволит выявить важные аспекты ценностной картины мира, поскольку высмеивается нередко то, что важно для данной культуры.

Список литературы

1. Белянин, В.П. Чёрный юмор. Антология. М. : ПАИМС, 1996. 192 с.
2. Девкин, В.Д. Очерки по лексикографии. М. : Прометей, 2000. 395 с.
3. Избранные немецкие анекдоты / Сост. А.В. Безруков. М. : ООО «МНПК Элан», 2007. 64 с.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
5. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка. М. : Флинта: Наука, 2006. 344 с.
6. Остер, Г. Вредные советы. Книга для непослушных детей и их родителей. М. : АСТ, Астрель, 2001.
7. Busch, Wilhelm. Max und Moritz, eine Bubengeschichte in 7 Streichen. In: Das dicke Busch-Buch. 5. Aufl. Hrsg. Von W. Teichmann. Berlin: Eulenspiegel Verlag, 1980. P. 11-31.
8. Der Struwelpeter. Lustige Geschichten und drollige Bilder für

List of literature

1. Beljanin, V.P. Chjornyj humor. Antologija. M. : PAIMS, 1996. 192 s.
2. Devkin, V.D. Oчерki po leksikografii. M. : Prometej, 2000. 395 s.
3. Izbrannyye nemeckie anekdoty / Sost. A.V. Bezrukov. M. : ООО «MNPК Јelan», 2007. 64 s.
4. Karasik, V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. M. : Gnozis, 2004. 390 s.
5. Norman, B.Ju. Igra na granjah jazyka. M. : Flinta: Nauka, 2006. 344 s.
6. Oster, G. Vrednye sovery. Kni-ga dlja neposlushnyh detej i ih roditelej. M. : AST, Astrel', 2001.
7. Busch, Wilhelm. Max und Moritz, eine Bubengeschichte in 7 Streichen. In: Das dicke Busch-Buch. 5. Aufl. Hrsg. Von W. Teichmann. Berlin: Eulenspiegel Verlag, 1980. P. 11-31.
8. Der Struwelpeter. Lustige Geschichten und drollige Bilder für Kinder von 3 bis 6 Jahren von Dr.

- Kinder von 3 bis 6 Jahren von Dr. Heinrich Hoffmann. Esslingen: Verlag J. F. Schreiber, 1992. 22 p.
9. <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov7.htm>
 10. www.spass-mit-witzen.de
 11. http://www.gedichte-fuer-alle-faelle.de/lustige_gedichte/index.php?fnr=353
 12. http://www.karikatur-cartoon.de/schwarzer_humor.htm
 13. <http://www.nonsense.de/schwarz/skazka.html>
- Heinrich Hoffmann. Esslingen: Verlag J. F. Schreiber, 1992. 22 p.
9. <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov7.htm>
 10. www.spass-mit-witzen.de
 11. http://www.gedichte-fuer-alle-faelle.de/lustige_gedichte/index.php?fnr=353
 12. http://www.karikatur-cartoon.de/schwarzer_humor.htm
 13. <http://www.nonsense.de/schwarz/skazka.html>

**О НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
НЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Л. В. Новикова

В статье рассматривается степень неогенности незнаменательных частей речи современного немецкого языка с позиции цикличности развития словообразовательного гнезда, и анализируются причины, ограничивающие возможности пополнения неполнозначных классов слов.

Ключевые слова: знаменательные части речи, неология, словообразование.

В современной неологии частеречная принадлежность лексической инновации рассматривается как значимый неогенный фактор. Однако большинство исследований в данной области ограничено сферой функционирования знаменательных частей речи. Вне поля зрения лексикографов и авторов теоретических работ по неологии остаются инновации, представленные незнаменательными частями речи и заместителями имен. Такой подход может быть обусловлен рядом причин.

Во-первых, количество инноваций, представленных знаменательными и служебными частями речи несопоставимо, об этом наглядно свидетельствуют как эмпирические наблюдения на основе актуальных публикаций прессы, так и неографические источники.

Количественный и структурно-парадигматический анализ 830 исходных единиц, лемматизированных в электронном словаре немецких неологизмов 90-х гг. «Neologismen der Neunziger Jahre» (далее Словарь неологизмов) и более 2000 их производных позволил уточнить число незнаменательных неологизмов и их словопорождающих возможностей. Указанный словарь является новейшим репрезентативным лексикографическим источником немецких неологизмов и включает в себя результаты работы проекта института немецкого языка в Мангейме (IDS) по лексикографированию неологизмов 90-х годов [1]. Деривационная активность неологизмов исследовалась в рамках десятилетнего периода с целью уточнения временного периода, необходимого инновации для смены диахронического статуса.

Одним из ключевых для неологии признается понятие *лингвистической потенции* как возможности реализации языковых закономерностей [2. С. 228]. Обзор работ М. Кинне [3], С. И. Тогоевой [4], Е. В. Сенько [5] и других авторов работ по неологии, а также сопоставительный анализ актуальных неографических источников позволяет сделать вывод о необходимости более широкого включения в сферу неологических исследований принципов описания новой лексики с точки зрения вероятностного словообразования и уточнения отдельных параметров статуса лексической единицы.

Вероятностный подход позволяет выделить два ключевых аспекта: 1) способность самих классов незначительных частей речи к расширению; 2) наличие у неполнозначных классов словопорождающих потенций и их участие в процессах вторичной деривации.

Кроме того, интенсивный рост количества знаменательных словарных единиц в современных языках обуславливает усложнение и развитие синтаксических связей между ними, что относится к функциональному полю служебных частей речи. Следовательно, объективный подход предполагает включение в орбиту неологии всех языковых и речевых фактов, способствующих количественному и качественному росту словарного состава, даже если эти факты немногочисленны.

Во-вторых, местоимения, междометия, предлоги достаточно редко становятся предметом исследования, как в словообразовательном ракурсе, так и с точки зрения теории номинации ввиду сложности выделения регулярных способов словообразования у служебных единиц [6. С. 227].

Новые частицы чаще всего являются результатом процессов десементизации и расширения значения прилагательных и наречий (eben, bloß, gar), реже существительных и глаголов (gerade). Для 90-х гг. одним из наиболее продуктивных способов вхождения в язык стало заимствование.

Междометие *yep* (jawohl) в значении подтверждения, утвердительного ответа заимствовано из английского языка и, при тенденции к потреблению в устной речи, имеет несколько вариантов как произношения (jɜp, jəp), так и написания (jɛp, jɛpp). Междометие *ups* (стилистически маркированный вариант написания *upps*) со значением «oh, huch, horpla» является графически ассимилировавшим заимствованием из английского языка (oops) и служит для выражения эмоций при неожиданности, неловкости, заменяет нежелательное в

речи слово. Ср.: Für Herrn Stadler würde sich ohnehin eine neue Funktion empfehlen, etwa die des Präsidenten des Landeskindergartenrates – *upps*, würden das Kindergärten wirklich verdienen?

Словообразовательная активность данных новых основ не зафиксирована, гнездо и лексическая парадигма номинаций не сформированы, что свидетельствует о низком словопорождающем уровне заместителей имен.

Местоимения представляют собой наиболее закрытый класс неполнозначных слов. Основу в процессе формирования новых местоимений (крайне редких) может составлять их семантическая составляющая – указательность, которая, по мнению М. Я. Блоха, сближает местоимения со знаменательными словами. Однако доминирующей все же является обобщающая заместительная функция, проявляющаяся в том, что «любой член предложения, выраженный местоимением, в том числе и личным местоимением первого и второго лица, проецирует свое значение на некоторый класс или подкласс знаменательных слов, и, наоборот, сам служит проекцией общей функции данного класса или подкласса» [6. С. 80]. Заместительная функция принципиально противоположна номинативной, что является, вероятно, основным препятствием для пополнения класса местоимений.

В-третьих, сама частеречная характеристика инновации часто является предметом дискуссии ввиду неоднозначности возможной трактовки. Данная причина отчасти обусловлена упомянутым выше узким спектром словообразовательных средств для создания новых служебных единиц. В силу того, что единицы словарного состава реализуют качество называемых явлений, предметов и процессов различными путями, отнесенность отдельных слов к определенным классам является в известной степени условной. Кроме того, между лексическими единицами регулярно возникают многообразные связи, которые выходят за рамки отдельных лексико-грамматических классов и создают промежуточные разряды между отдельными классами.

Так, Е. В. Алференко в своем исследовании, посвященном семантике и прагматике отыменных междометий немецкого языка, указывает на доминирование на современном этапе класса отыменных междометий. Основными чертами при этом называются способность к выражению непосредственной эмоциональной или волевой реакции индивида на изменение ситуации или речь собеседника, морфологическую неизменяемость и способность к образованию самостоятельных высказываний, с уточнением, что тенденцией явля-

ется актуализация отыменных междометий в составе включающего предложения-высказывания [7. С. 9].

Анализ словарных статей единиц, *sexu* (в значении *toll*), *proll* и приводимые в Словаре неологизмов микроконтексты позволяют отнести данные лексемы к классу отыменных междометий, выступающих выступаая эмотивными индикаторами с пейоративным и мелиоративным значением. В данном значении лексемы не обладают словоизменительной парадигмой и используются только в функции предикатива: Ср.: *Sind die Alpen als Urlaubsziel nicht mehr sexy? Rolex ist mittlerweile viel zu proll. Ein sexy Auto.*

Сохраняя генетическую связь с исходной частеречной формой, такие междометия утрачивают структурную членимость. Как правило, это существительные, прилагательные, либо фразеологизированные конструкции, подвергшиеся интеръективации, в основе которой лежит механизм транспозиции. Заметим, что означенные выше случаи транспозиции, безусловно, могут рассматриваться как спорные ввиду необходимости более длительного периода для утраты прочных семантических и парадигматических связей с исходной частеречной формой и смены функционального поля.

Наряду с имеющимися предлогами противительного значения *ungeachtet*, *unerachtet* в процессе становления находятся новые предлоги на базе причастий II с участием префикса *un-*; образования *unabgesehen*, *unbeschadet*, передающие значение противительной причины, зафиксированы в «*Deutsches Universalwörterbuch von A bis Z*» как предлоги с генитивным управлением [9]. В качестве предлога, синонимичного временному значению предлога *während*, но с оттенком ограничения во времени всё чаще выступают слова *Zeit*, *zeit*.

Разночтения при определении частеречной отнесенности новых слов касаются, прежде всего, случаев приобретения служебного характера единицами знаменательных частей речи. В этой связи весьма интересным представляется утверждение о том, что в усредненной модели жизненного цикла слова неизбежна тенденция к «лексико-семантическому дрейфу» в сторону абстрактности значения, а у словообразовательных категорий последовательно появляющихся производных – в повышения абстрактности-признаковости в направлении служебности. «Это определяет неизбежность развития каждого словообразовательного гнезда от исходной самой предметной категории слов – существительных – к признаковым категориям – прилагательным, глаголам, наречиям, и, далее, числительным, местоимениям, союзам, предлогам» [10. С. 205].

Такой подход выявляет внутреннюю логику в обращении к незначительным частям речи в рамках неологии, а также необходимость выработки методик описания жизненного цикла слова и его микрогнезда в диахронии.

Принимая теорию А. А. Поликарпова о неизбежности развития каждого словообразовательного гнезда от предметной категории слов (существительные) – к признаковым категориям (прилагательные, глаголы, наречия), и, далее, числительным, местоимениям, союзам, предлогам, мы рассматриваем неологизмы незначительных частей речи как некие маркеры старения словообразовательного микрогнезда отдельного слова, находящегося согласно приведенному выше циклу на заключительном этапе функционирования, предшествующего распаду.

Интерес для неолога представляет также способность слов незначительных классов служить основой для дальнейшего словопроизводства, как в случае с неологизмами 90-х гг. *Ins* и *Out*. *Ins* представляет собой переосмысление на основе субстантивации предлога, имеющего типизированное значение «перемещение вовнутрь, включение куда-либо» с присвоением формы множественного числа *-s*. **Новое значение** – «страны, выполнившие условия, необходимые для вхождения в единую валютную систему (зона евро)», *Outs* имеет антонимичное значение. На протяжении всего изучаемого периода (1990-2000 гг.) новообразования *Ins* и *Out* демонстрировали высокую частотность употребления (что является одним из ключевых условий запуска механизмов вторичного словопроизводства), однако отсутствие каких-либо производных от новой основы при общей тенденции к продуктивности отыменных словообразовательных моделей второго порядка может являться одной из причин перехода данной пары лексем в разряд архаизмов.

Отметим, что результаты исследования в целом подтвердили положение о непродуктивности незначительных частей речи на современном этапе развития немецкого языка: среди анализируемых единиц (830) представлены междометия (0,4 %) и частицы (0,1 %), а также их производные первой ступени деривации (0,1 %), местоимения отсутствуют.

Словообразовательное гнездо с незначительной частью речи в качестве вершины носит единичный характер (частица *at*), что может говорить о необходимости выработки дифференцированных временных критериев для определения статуса (или его снятия) новой лексики значительного и незначительного характера как неологизма.

Полученные данные указывают с одной стороны, на недостаточность анализируемого периода (10 лет) для перехода лексической единицы в разряд служебных, с другой стороны, нельзя исключить фактор «невосприимчивости» единицы в новом статусе, поскольку на протяжении почти всей истории развития неологии исследования были сосредоточены на однозначных разрядах слов. Кроме того, имеет место факт разночтения при определении частеречного статуса неологизма.

Обобщая вышесказанное, отметим, что наличие практического языкового материала, отражающего процессы обновления неполнозначных классов слов, подтверждает необходимость формирования нового подхода к данной подсистеме словаря, позволяющего включать незначительные части речи в парадигму неологических исследований. Особенностью неогенных процессов в данных классах следует признать большую в сравнении со знаменательными частями речи протяженность во времени, доминирование транспозиции при отсутствии регулярных словообразовательных моделей для образования служебных слов на современном этапе, замещение номинативного компонента функциональной составляющей, немногочисленность таких единиц в общем объеме неологизмов. Современная неология, безусловно, не должна оставлять без внимания и тщательного изучения даже малопродуктивные (в количественном отношении) способы расширения словарного фонда, так как накопление таких фактов в языке может способствовать качественному сдвигу в системе частей речи.

Список литературы

1. Neologismenwörterbuch IDS. URL : <http://www.owid.de/Neologismen/>
2. Быкова, Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии : дисс. ... докт. филол. наук, Воронеж, 1999. С. 228.
3. Kinne, M. *Der lange Weg zum deutschen Neologismenwörterbuch. Neologismus und Neologismenlexikographie im Deutschen: Zur Forschungsgeschichte und zur Terminologie, über Vorbilder und*

List of literature

1. Neologismenwörterbuch IDS. URL : <http://www.owid.de/Neologismen/>
2. Bykova, G. V. *Lakunarnost' kak kategorija leksicheskoi sistemologii : diss. ... dokt. filol. nauk, Voronezh, 1999. C. 228.*
3. Kinne, M. *Der lange Weg zum deutschen Neologismenwörterbuch. Neologismus und Neologismenlexikographie im Deutschen: Zur Forschungsgeschichte und zur Terminologie, über Vorbilder und*

- Aufgaben. / M. Kinne // Studien zur deutschen Sprache / 11, Tübingen, 1998. P. 63-110.
4. Тогоева, С. И. Психолингвистические проблемы неологии : дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2000. С. 29.
5. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке конца xx века: межуровневый аспект : дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000. С. 325.
6. Зеленицкий, А. Л. Теория немецкого языкознания : учеб. пособие для студ. Лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2003. С. 227.
7. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики. М. : Высш. шк., 2000. 160 с.
8. Алференко, Е. В. Семантика и прагматика отыменных междометий немецкого языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. С. 9.
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch/ hrsg. Und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. - Bibliographisches Institut & F. Brockhaus AG, Mannheim, 1996.
10. Поликарпов, А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент : дисс. ... докт. филол. нау. М., 1998. С. 205.
- Aufgaben. / M. Kinne // Studien zur deutschen Sprache / 11, Tübingen, 1998. R. 63-110.
4. Togoeva, S. I. Psiholingvističke probleme neologii : diss. ... dokt. filol. nauk. Voronezh, 2000. S. 29.
5. Sen'ko, E. V. Neologizacija v sovremennom rusckom jazyke konca xx veka: mezhurovnevyy aspekt : diss. ... dokt. filol. nauk. Volgograd, 2000. S. 325.
6. Zelenickij, A. L. Teorija nemeckogo jazykoznanija : uceb. posobie dlja stud. Lingv. un-tov i fak. in. jaz. vyssh. ped. uceb. zavedenij. M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. S. 227.
7. Bloh, M. Ja. Teoreticheskie osnovy grammatiki. M. : Vyssh. shk., 2000. 160 s.
8. Alferenko, E. V. Semantika i pragmatika otymennyh mezhdometij nemeckogo jazyka : avto-ref. diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1999. S. 9.
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch/ hrsg. Und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. - Bibliographisches Institut & F. Brockhaus AG, Mannheim, 1996.
10. Polikarpov, A. A. Ciklicheskie processy v stanovlenii leksicheskoj sistemy jazyka: modelirovanie i jeksperiment : diss. ... dokt. filol. nau. M., 1998. S. 205.

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ

М. А. Сиривля, О. Цихович

Материал статьи направлен на исследование особенностей использования лексики англоязычного происхождения костанайскими студентами. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значительной популярности англицизмов в среде молодого поколения г.Костаная.

Ключевые слова: заимствование, англицизм.

Увлечение англицизмами стало своеобразной модой, оно обусловлено созданными в молодежном обществе стереотипами, идеалами. Таким стереотипом нашей эпохи служит образ идеализированного американского общества, в котором уровень жизни намного выше, и высокие темпы технического прогресса ведут за собой весь мир. И добавляя в свою речь английские заимствования, молодые люди определенным образом приближаются к этому стереотипу, приближаются к американской культуре, стилю жизни. Но, несмотря на это, обиходная речь не испытывает чрезмерного наплыва иноязычных слов. Наблюдаются и социальные различия в отношении к английской терминологии, особенно новой. Люди старшего поколения, в среднем, менее терпимы к чужой лексике, чем молодежь; с повышением уровня образования освоение заимствований происходит легче.

В последнее время в Казахстане увеличивается количество людей (особенно молодых), владеющих иностранным языком. Англицизмы, употребляемые молодежью, аттестуют ее более высоко среди сверстников и при устройстве на работу, подчеркивают уровень информированности, превосходство над остальными. Иностранные слова в речи молодых могут играть роль своеобразных цитат: термин, принадлежащий какой-либо специальной сфере, может цитироваться, сознательно обыгрываться, искажаться. Именно в этой группе имеет место русское или просто неправильное прочтение английского слова.

Порой ошибка становится привлекательной до того, что овладевает массами. Принято считать, что слова: *клевыйй, перенсы, фигнуш-*

ка – образованы от английской основы: клевый от *clever* – умный; перенсы от *parents* – родители; фигнюшка от *things* – вещи. Соответственно, происхождение данных слов связано со звуковым искажением в процессе освоения данных заимствований. Происходит своеобразная игра звуками. Такие слова образуются путем усечения, прибавления, перестановки некоторых звуков в оригинальном английском слове.

Речь молодых легко вбирает в себя английские единицы, например: бутсы от *boots* – ботинки; супермен от *superman* – сверхчеловек; хаер от *hair* – волосы (патлы).

С развитием компьютерных технологий английские слова все больше пополняют словарный запас студентов. Многие из существующих профессиональных терминов громоздки, неудобны в ежедневном использовании. Поэтому возникает желание сократить, упростить слово, например: *motherboard* (материнская плата) – «мамка»; *Windows XP* (программное обеспечение) – «винда»; *flash card* (носитель информации) – «флешка»; *CD-Rom Drive* (накопитель на лазерных дисках) – у молодежи появились эквиваленты «сидюшник», «сидюк»; *computer* (компьютер) – «комп» и т.п.

В последнее время также произошло повальное увлечение компьютерными играми, что опять же послужило мощным источником новых слов: *gamer* – (игрок) – «геймер», *user* (компьютерный пользователь) – «юзер»; *looser* (проигравший) – «лузер» (неудачник) и др.

В целом, из проведенного социологического опроса, в котором приняли участие студенты в возрасте от 19 до 30 лет, можно обобщить и выделить наиболее употребляемые молодежью англицизмы:

Я тебя «лаваю» от *love* – любить

«токать» от *talk* – разговаривать

«стар» от *star* – звезда

«секси» кофточка от *sexu* – соблазнительный

послать «меседж» от *message* – сообщение

«мобила» от *mobile phone* – мобильный телефон

«модерновый» от *modern* – современный

«мейл» от *mail* – почта

«пиариться» от *PR (Public Relations)* – общественные отношения

ния

«пис» от *peace* – мир

«респект» от *respect* – уважение

«кульный» от *cool* – классный

«слайдер» (к модели телефона) от *slide* – скольжение

«хай» от *Hi* – привет

лови мой «кис» от *kiss* – поцелуй

Весьма употребительным у молодых сделался возглас «*Wau!*» (англ. «*Wow*»), выражающий эмоцию изумления или восторга.

Мощным толчком для развития процесса заимствования английской лексики является ее употребление в речи авторитетных для молодого поколения личностей во время популярных программ.

Актуальность проведенного исследования состоит в том, что рассмотрение проблем, связанных с теорией и практикой заимствований, особенно значимо в современных условиях, поскольку сегодня высказываются серьезные опасения по поводу мощного наплыва заимствований, которые могут привести к обесцениванию русского слова. Но язык – это саморазвивающийся механизм, который умеет самоочищаться, избавляться от излишнего, ненужного. Это происходит и с иноязычными словами, заимствование которых было представлено в ходе исследования.

В целом иноязычная терминология представляет собой интереснейший лингвистический феномен, роль которой в русском языке весьма существенна. Англо-русское языковое взаимодействие постоянно привлекает исследовательское внимание, направленное на изучение общего притока иноязычной лексики в русский язык.

С одной стороны, многочисленные англицизмы и американизмы, проникающие в русский язык – явление закономерное, отражающее активизировавшиеся в последнее десятилетие экономические, политические, культурные, общественные связи и взаимоотношения Казахстана с другими странами, в частности, с Америкой. С другой стороны, приходится констатировать, что в погоне за всем иностранным, в стремлении копировать западные образцы носители русского языка всё больше теряют свою самобытность, в том числе и в языке, так как именно язык отражает образ жизни и образ мыслей. Как следствие этого — потеря интереса к родному (русскому) языку, русской литературе и культуре, косноязычие, снижение грамотности, языковой и общей культуры.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

Л. А. Соколова

Данная статья посвящена вопросам определения и формирования профессиональной компетенции будущих переводчиков, а также функциям, выполняемым переводчиками в процессе профессиональной коммуникации.

Keywords: professional competence, functions of the translator.

В сборнике нормативных документов МО РФ «компетентность» определена как общий оценочный термин, обозначающий способность к деятельности «со знанием дела». Обычно компетентность соотнесена с профессией, под которой понимают определённый род трудовой деятельности, занятий, требующий специальных теоретических знаний и практических навыков. Именно в этом аспекте компетентность представляет для нас интерес.

Понятие «профессиональная компетентность» (от лат. *professio* - официальное знание, лат. *comperio* - соответствовать, подходить) в «Энциклопедии профессионального образования» трактуется как «интегральная характеристика деловых и личностных качеств специалиста, отражающих уровень знаний и умений, достаточный для осуществления цели данного рода деятельности» [5. С. 383].

К понятию «профессиональная компетентность» обращаются многие учёные – педагоги, психологи, методисты (Б.С. Гершунский, Э.Ф. Зеер, Ю.В. Кайнова, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, С.Г. Молчанов, В.А. Сластенин и др.).

В отличие от термина «квалификация», данное понятие включает наряду с сугубо профессиональными знаниями и умениями, характеризующими квалификацию, такие качества, как инициативность, коммуникативные способности, умение учиться, логически мыслить, извлекать и перерабатывать информацию.

Следует отметить, что профессиональная компетентность относится к профессии и характеризуется степенью подготовленности специалиста к профессиональной деятельности. Слагаемые компетентности в большинстве случаев рассматриваются через анализ

профессионально значимых свойств, качеств специалиста, обеспечивающих эффективное выполнение стоящих перед ним задач.

Для нас представляют интерес исследования, рассматривающие понятие «профессиональная компетентность», в области переводоведения. Изучением особенностей профессиональной компетентности переводчика занимаются многие отечественные и зарубежные учёные: В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, В.В. Сафонова, И.И. Халеева, Ю. Хольц-Мянттари и др.

В данной области профессиональная компетентность характеризуется, в первую очередь, как сумма знаний, умений, навыков и личностных характеристик, необходимых переводчику для успешного выполнения своих профессиональных функций.

Переводческая деятельность носит коммуникативный характер и рассматривается как особый вид речевой деятельности, направленной на реализацию задач межъязыковой коммуникации (В.Г. Гак, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, Х. Фермеер, И.И. Халеева, и др.).

В процессе профессиональной коммуникации переводчик выполняет когнитивно-информационную, проектировочную, организаторскую, посредническую, гностическую, креативную функции. *Когнитивно-информационная функция* связана с процессом приема и передачи (кодирование и декодирование) информации, осуществляемыми знаковыми средствами (И.Я. Рецкер, А.Д. Швейцер и др.). *Проектировочная функция* заключается в выборе коммуникативных действий, наиболее эффективных для решения профессиональных задач, в вероятностном прогнозировании последствий такого выбора для достижения поставленной цели (В. Вилс, М. Хольц-Мянттари, Х. Фермеер и др.). *Организаторская функция* проявляется в процессе непосредственного взаимодействия с клиентами, когда переводчик стремится выполнить определённую задачу, применяя индивидуальные способы преодоления трудностей и адекватным способом организуя информацию, собственную деятельность и поведение в ходе профессионального общения (И.С. Алексеева). *Посредническая функция* заключается в удовлетворении внешней потребности общения между людьми, не владеющими общим языком, или, иначе говоря, людьми, разделёнными лингвоэтническим барьером. *Гностическая* (исследовательская) *функция* основывается на способности переводчика адекватно воспринимать, понимать, оценивать другого человека и давать реальную самооценку. Выделение данной функ-

ции связано с определением перевода не как процесса кодирования и декодирования сообщений, а как реализации способности к инференции, то есть способности делать выводы из поведения других людей - вербального и невербального (Э.А. Гутт, М.Я. Цвиллинг и др.). Поскольку переводчик имеет самостоятельное право на окончательное решение, правомерно выделение *креативной функции*, которая регулирует выработку новой информации и связана с поиском, обработкой и применением информации в конкретной ситуации для решения переводческих проблем (В. Вилс, В.Н. Комиссаров и др.).

Реализация этих функций требует от переводчика определенного уровня профессиональной компетентности. Как справедливо замечает Р.К. МиньярБелоручев, «компетентность переводчика прежде всего определяет знание двух языков и свободное владение ими» [3. С. 11]. Ученый включает в профессиональную компетентность переводчика владение языковой, речевой компетенцией, а также владение навыками перевода, ораторской речи и литературный талант.

По мнению Л.К. Латышева, профессиональная компетентность переводчика связана в первую очередь с владением техникой перевода, т.е. с умением переводить, используя различные варианты перевода в зависимости от его тематическо-текстового жанра. Поэтому он выделяет базовую и прагматическую компетенции [2. С. 6].

В работах В.В. Сафоновой, И.И. Халеевой профессиональная (коммуникативная) компетентность переводчика раскрывается с позиции культурологического подхода. Рассматривая переводчика как субъекта культуры, авторы включают в структуру изучаемого явления социокультурный компонент, определяемый лингвострановедческой, социолингвистической, общекультурной компетенциями. По мнению И.И. Халеевой, решающая роль в профессиональной компетентности переводчика отводится умению проецировать на высказывание в тексте инференциальные возможности реципиентов перевода, учитывая различия в фоновых знаниях и в обстановке общения [4. С. 167].

В трудах В.Н. Комиссарова профессиональная компетентность переводчика рассматривается как коммуникативная компетентность, структуру которой образует следующий комплекс компетенций: языковая, текстообразующая, техническая, коммуникативная компетенция и ряд личностных характеристик, необходимых переводчику для успешного выполнения своих профессиональных функций [1. С. 11].

Таким образом, под *профессиональной компетентностью переводчика* мы будем понимать, вслед за В.Н. Комиссаровым, Л.К. Латышевым, Ю. ХольцМянттяри и другими учёными, коммуникативную компетентность, которая, в свою очередь, представляет собой владение гибким, динамичным, своевременно корректируемым в связи с изменяющимися условиями и профессиональными задачами комплексом компетенций, обеспечивающих высокую эффективность профессиональной деятельности, то есть коммуникации. В общем виде она выражается в способности результативно применять имеющийся опыт осуществления коммуникативной деятельности, составляющей основу профессиональной деятельности переводчика, и формируется по всем основным направлениям подготовки будущих специалистов.

Список литературы

1. Комиссаров, В.Н. Теория перевода : лингвистические аспекты. М. : Высш. шк., 1990.
2. Латышев, Л.К. Технология перевода. М. : НВИ-Тезаурус, 2000.
3. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода. М. : Московский лицей, 1996.
4. Халеева, И.И. Основы теории обучения понимания иноязычной речи. М. : Высшая школа, 1989.
5. Энциклопедия профессионального образования. М. : РАО «Ассоциация профессионального образования», 1998.

List of literature

1. Komissarov, V.N. Teorija perevoda : lingvisticheskie aspekty. M. : Vyssh. shk., 1990.
2. Latyshev, L.K. Tehnologija perevoda. M. : NVI-Tezaurus, 2000.
3. Min'jar-Beloručev, R.K. Teorija i metody perevoda. M. : Moskovskij licej, 1996.
4. Haleeva, I.I. Osnovy teorii obuchenija ponimaniija inojazyčnoj reči. M. : Vysshaja škola, 1989.
5. Jenciklopedija professional'nogo obrazovanija. M. : RAO «Associacija professional'nogo obrazovanija», 1998.

НАИМЕНОВАНИЯ СУБЪЕКТА-ХРАНИТЕЛЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Е. Д. Степанова

Собственность – это не только отношение между людьми и имуществом, но и отношение между людьми по поводу имущества. Собственник может хранить, продать, передать или обменять имущество. В этой статье мы рассматриваем типы субъекта, хранящего объект собственности, на основе литературных произведений на русском, английском и немецком языках. Хранитель представлен нейтральной характеристикой.

Ключевые слова: собственность, субъект, объект, хранитель.

Так сложилось исторически, что человек всегда стремился обладать материальными благами, чувствуя себя при этом собственником этих благ, однако собственность не может существовать вне человеческих отношений. Ж.-Ж. Руссо писал, что «первый, кто напал на мысль огородить участок земли и сказать «это мое», кто нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества» [1. С. 3].

Категория собственности обсуждается еще со времен Аристотеля и Гегеля. Аристотель одним из первых упоминает некоторые ступени генезиса собственности, он сделал первые шаги в определении роли собственности в государственном устройстве и духовном развитии личности. Представители немецкой классической философии И.Г. Фихте, И. Кант, Г. Гегель обосновали важность разграничения в сознании людей предметов на «твое» и «мое». И.В. Кемкин рассматривает собственность в философии как базовый элемент социальных отношений, а также ценностных ориентаций субъектов [2. С. 9–10]. По определению В.И. Лоскутова, собственность в экономике есть отношение между людьми по поводу принадлежности вещей. Это отношение проявляется в том, что один человек (или группа людей) относится к определенной вещи как к своей, а другие люди относятся к ней как к чужой [3].

А.Я. Гуревич отмечает, что лишь со временем люди стали относиться друг к другу как к собственникам и несобственникам, а к

предметам как к «твоим» и «моим». Такие понятия, как собственность, богатство и труд он относит к политико-экономическим категориям, которые называет также и нравственными, которые могут оцениваться, получая высокую или низкую оценку. Концепцию *собственность* он связывает с концепцией *богатства и труда*, называя ее доминирующей в обществе [4. С. 225].

В.И. Лоскутов также указывает на связь собственности с трудом, подчеркивая, что «где нет труда, нет и собственности, где есть труд, собственности не может не быть», таким образом, собственность есть отношение между людьми, характеризующее процесс присвоения благ, и этот процесс есть труд, независимо от того, является ли он созидательным или ратным (захватническим) [3].

В данной статье рассматривается социолингвистическая характеристика субъекта сохранения собственности в двух разнонаправленных аспектах: с точки зрения увеличения сохраняемого объекта и его уменьшения, утрачивания. Материалом для исследования послужили тексты художественной литературы русских, английских и немецких авторов, а также словари синонимов и толковые словари русского, английского и немецкого языков.

Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров считают, что термин «собственность» в русском языке – двузначный. Он может обозначать либо «имущество» – в форме какого-либо предмета – «объекта собственности», либо фиксировать факт «принадлежности» этого «имущества» субъекту собственности. По их мнению, слово *собственность* в русском языке означает имущество, принадлежащее кому-, чему-нибудь, а также принадлежность кого-, чего-нибудь кому-, чему-нибудь с правом распоряжения. Главным, определяющим среди этих значений является второе – собственность есть, прежде всего, не вещь, а отношение – отношение между людьми по поводу вещи [5].

По мнению К.В. Харченко, понятие собственности находится в системообразующей связи к понятию субъекта. Вещь, характеризующаяся отношением, в отличие от обычного свойства, рассматривается не как отдельная вещь и не как множество отдельных вещей, а как система элементов, каждый из которых предполагает остальные. Эти элементы, как отмечает К.В. Харченко, включают, с одной стороны, процессы, происходящие в сознании (на входе – чувства, ощущения, восприятие, отражение, припоминание; на выходе – оценка, интерпретация, представление, в том числе стереотипическое), а с

другой, весь комплекс ассоциаций, оживляемых словом «собственность» [6. С. 83–89].

До XVIII века понятие *собственность* заменялось словами «владение» и «вотчина», слово «хозяин» употреблялось редко, оно заменялось такими словами, как «господин» и «владелец», «владеть» («володети»), Слово «хозяин», «господин» имеет значение полно-властного владения, распоряжения чем-либо. В русском языке существует пословица “Хозяин – барин”, которая выражает народные представления о праве человека делать со своей собственностью все, что ему заблагорассудится: пользоваться, передавать, хранить и т. д.

Признак сохранения собственности, также как и другие признаки, находит свое отражение в языке. Само существительное *сохранение* указывает на действие по значению глаголов владения: ядерного глагола *хранить (сохранять), храниться (сохраняться)*, а также глаголов-синонимов *беречь, сберегать, соблюдать, блюсти, держать в целостности; уцелеть, схоронить, спрятать надежно, экономить*. Согласно словарю русского литературного языка, глагол *сохранять* имеет много значений, например: не давать чему-либо пропасть, исчезнуть, растратиться; не подвергать изменениям, оставлять в прежнем, неизменном виде; оставлять в чем-либо распоряжении, владении; не давать чему-либо утратиться, забыться; удерживать в памяти, запоминать; не утрачивать каких-либо качеств; соблюдать что-либо [7; 14. С. 422–425]. ... *а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку; ... так что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоинство...* (Гоголь); «*А что ж, - отвечает Катерина Ивановна, в пересмешку, - чего беречь? Эко сокровище!*» (Достоевский).

В английском языке данное значение передается глаголами *to save (from); to save (up, for); to keep (save); to take care (of); to preserve, maintain; to store: ...but behave in such a way that you may be treated by others and, above all, take care of and save your pennies; so that not the slightest hint was given of anything improper having taken place; appearances were preserved (Gogol); “And why not?” said Katerina Ivanovna with a jeer, “you are something mighty precious to be so careful of” (Dostoevsky); And so long as he could maintain his gravity very solemnly; “Five hundred thousand!” exclaimed Mollenhauer in amazement and yet preserving his usual calm*” (Th. Dreiser). В немецком языке – *aufbewahren, verwahren, bewahren; wahren, sparen, hueten; schonen; halten, geheimhalten, lagern: ... benimm dich lieber so, daß die anderen*

dich freihalten; vor allen Dingen spare aber jede Kopeke...; so passierte es immer im geheimen, so daß niemand etwas davon merkte; die ganze Würde blieb gewahrt (Gogol); "Wozu es hueten? Als ob's Wunder war was fuer ein Kleinod waer" (Dostojewski)!... dass er, wie niemals zuvor, das Geld an sich zu halten und in seinem Privatleben in fast kleinlicher Weise zu sparen began; Es ist unsinnig geworden, dies Haus als totes Kapital zu behalten (T.Mann).

Субъект собственности является активной стороной отношений собственности, он обладает, хранит либо утрачивает объект собственности. В языке субъект приобретает нейтральную, положительную или отрицательную характеристику, соответствующую стилистическую окраску, экспрессивность. Данные противоречия в характеристике субъекта неизбежны, так как язык связан со структурой мышления, с одной стороны, и с социальными условиями – с другой.

Категория экспрессивности является наиболее спорной, противоречивой категорией, часто отождествляемой с категорией эмотивности (эмоциональности). По мнению Ш. Балли, экспрессивное должно противопоставляться нейтральному методом идентификации. «Идентифицировать экспрессивный – это значит приравнять его к единице мысли, определить его путем подстановки простого неэмоционального слова (слова-идентификатора), соответствующего представлению или понятию» [8. С. 34].

Экспрессивность, по оценке В.Н. Телия, есть отображение в содержании языковых сущностей эмотивного отношения субъекта речи к элементам внешнего или внутреннего мира человека, вызываемого в нем при их обозначении. А экспрессивная функция языковых единиц заключается в их способности выражать такого рода субъективную модальность [9. С. 203–204].

Субъект в художественном произведении, как правило, получает характеристику в результате своего отношения к сохранению объекта собственности со стороны автора, других персонажей, самого себя.

Субъект, который хранит объект собственности, и имеет нейтральную характеристику, в языке получает следующее выражение: *хранитель* - тот, кто заботится о сохранности чего-нибудь, бережет, хранит, охраняет что-нибудь; тот, кто хранит от опасности или хранит неприкосновенность, незыблемость чего-нибудь [7; 14. С. 203–204]. В экономической литературе, деловой речи – *держатель*: лицо, имеющее у себя что-либо, владеющее чем-либо, и *сберегатель* – лицо, держащее где-нибудь свои сбережения, сберегающее что-либо.

В английском языке слово, номинирующее субъекта сохранения с наиболее общей, нейтральной характеристикой, – *keeper*. Согласно словарям английского языка, субъект, характеризуемый данным словом, прежде всего имеет какие-либо профессиональные обязанности, о чем будет указано ниже; является собственником, владельцем (магазина - *shop-keeper*, гостиницы *inn-keeper*); содержит дом: отвечает за домашнюю работу, приготовление пищи, совершение покупок и т.д. (экономка, домашняя работница, домашняя хозяйка); гостеприимный, готовый принять своих друзей в любое время: *keep open house*; ведущий записи счетов, денежных расходов; сохраняющий определенный период времени какое-либо состояние (хладнокровие, тепло): *If you've got the flu, you'd better go to bed and keep warm*.

В немецком языке субъект сохранения в первой группе представлен следующими языковыми единицами: *Wahrer* и префиксальные образования *Erhalter*, *Bewahrer* и *Verwahrer*. С точки зрения словообразования, данные слова приобретают небольшой смысловой оттенок в сравнении с исходным словом. Глагол *halten* имеет значение *держат*, *соблюдать* и др. Префикс *er-*, относительно языковой единицы *Erhalter*, указывает на достижение результата: человек, который зарабатывает, содержит семью и себя материально, поддерживает, например, мир, хорошее настроение; сохраняет что-либо в хорошем состоянии: молодость, бодрость. В отличие от слова *Erhalter*, которое характеризует более обыденные, повседневные качества человека, для более возвышенных качеств, а иногда и слегка корыстных, носители немецкого языка используют существительное *Wahrer*: сохраняющий состояние, хранящий молчание, достоинство, тайну, свои интересы, права, заботящийся о собственной выгоде. В производном существительном *Bewahrer* префикс *be-* указывает на всесторонний охват субъекта действием: сохраняющий (память, спокойствие, молчание), хранящий верность, откладывающий, заготавливающий впрок; существительное *Verwahrer* обозначает субъекта, сохраняющего надежно документы, хранящего что-то в письменном столе, впрок, на более поздний срок, имеющего дело в основном с бумагами и стремящегося довести действие до конца.

Проанализировав первую группу наименований субъекта сохранения чего-то в определенном месте, мы заключили, что во всех трех языках существуют слова, которые дают общее представление о субъекте сохранения. Для носителей всех указанных языков характерны

такие качества, как стремление, желание сохранить, сберечь, защитить кого-, что-либо. Для носителей русского языка наиболее значимым является именно данное качество: хранение (охрана) кого-, чего-либо, вплоть до возвышенных состояний, к примеру, неизбежность чего-нибудь. В английском языке в большей степени в обозначении субъекта-хранителя подчеркивается профессиональная деятельность, владение какой-либо собственностью, ведение, например, учета денег, что напрямую связано с благополучием в жизни. В немецкой языковой картине не наблюдается детальной квалификации субъекта в рамках выделенной. Как было сказано выше, подчеркивается прежде всего материальное благополучие себя и своей семьи, (что можно сказать и о носителях английского языка), а также указывается на такие качества, как сохранение человеческих достоинств, тщательное хранение чего-либо. Общеизвестно, что то, что закрепилось в сознании носителей данных языков, является результатом социального уровня жизни, воспитания, культуры. Однако следует отметить, что в связи с изменениями, происходящими в жизни носителей русского языка, изменением их мышления, в значении существительного *хранитель* актуализируется признак «хранитель материального благополучия».

Как известно, объекты собственности могут быть личными, частными, государственными, интеллектуальными, которые следует оберегать, сохранять. Поэтому каждая выделяемая нами последующая группа представляет собой более узкую характеристику субъекта сохранения. Группа, которая характеризует субъекта, охраняющего что-либо, следящего за порядком, неприкосновенностью имущества государственного, частного, индивидуального, а значит и сохраняющего объект собственности, имеет несколько подгрупп.

В первую подгруппу мы включили характеристику субъекта, который тщательно оберегает, охраняет, сберегает в целостности, например, библиотеку, документы, закон, следит за неприкосновенностью, ненарушимостью чего-либо. Данный субъект во всех языках обозначен существительным *блюстител* (от глагола *блюсти* букв.: беречь, охранять), которое во всех упоминаемых языках относится к книжной, официальной (торжественной) речи. Согласно словарю русского литературного языка это существительное устаревшее [7; 1. С. 522]; иногда оно имеет разговорный, иронический оттенок: *блюстител* *порядка* в значении «полицейский».

В английском языке страж/блюстител законов выражен в официальной речи языковой единицей *keeper* (хранитель), наряду с дру-

гими значениями, упоминаемыми выше, в устной речи – *guardian* (страж); в разговорной речи *блеститель* порядка обозначается иронично: *arm of the law* (букв.: *рука закона*, где под словом *рука* подразумевается власть или лицо, облеченное властью). В немецком языке слово *блеститель* часто употребляется в иронической форме, выражаясь существительными *Erhalter, Hüter* (страж): *Ordnungshueter*.

Следующая подгруппа характеризует субъекта, который караулит, охраняет, сопровождает кого-, что-либо; присматривает, наблюдает за чем-, кем-либо, таким образом, является хранителем имущества, порядка, спокойствия и т.д., в местах, например, строгого назначения (тюрьма и другие объекты). Слова, называющие субъекта данного вида, относятся к определенному виду деятельности, применимы как в книжной, так и в разговорной речи. В русском языке это – *караульщик, часовой, дозорный, конвойный*, а также устаревшие слова: *страж, стражник, смотритель*.

Аналогичная подгруппа выделяется и в английском языке: человек или группа людей, которые защищают, хранят от опасности; сохраняют порядок, репутацию; охраняют, например, от бегства заключенных, – все это находит выражение в значении существительных *guard* (стража); *gaoler, jailer, jailor, warder* (тюремный надзиратель; в устной речи – часовой, сторож, *sentinel (sentry)* – часовой).

Носители немецкого языка обозначают субъектов такого рода деятельности следующими языковыми единицами: *Hüter* – хранитель, сторож (с целью непричинения вреда чему-либо); *Wächter* (сторож), на языке поэзии – *Bewahrer* (страж, хранитель); *Wache, Wachebeamte, Wachposten, Posten, Bewacher, Schildwache*, (караульный, часовой); *Aufseher, Waerter* – смотритель, наблюдатель за чем-либо, кем-либо; *Patrouillengaenger, Spaeher* – дозорный; сторож.

Следующая выделяемая нами подгруппа включает языковые единицы, обозначающие хранителей культурных ценностей. В русском языке можно назвать музейного сотрудника, человека, который каждый день соприкасается с вечностью, *смотрителем, хранителем* музея.

В английском языке данный ряд несколько шире: должностное лицо, заботящееся о сохранении музея, картинной галереи, библиотеки обозначено существительным *curator*; смотритель музея – *keeper*; служащий, представитель церкви Англии – *church – warden* (букв.: смотритель церкви).

В немецкой языковой картине человека, охраняющего и сохраняющего произведения искусств, памятники культуры, называют сло-

вом *Konservator*, произошедшим от латинского *conservator* – охранитель; хранитель порядка в общественных местах, к примеру, в музее, выражено словами *Betreuer*, производным от глагола *betreuen*, который указывает на заботу о чем-либо, а также существительным *Wächter*, производным от *wachen* – дежурить, сторожить; в церкви в более раннее время хранителей церковных ценностей называли *Kustos* (от латинского *Custos*), в настоящее время это значение устарело, теперь данное слово обозначает научного сотрудника церкви.

Наконец, следует выделить субъекта, хранителя, защитника чего-либо в спорте, например, в футболе – *защитник ворот*, в английском языке *goalkeeper* и немецком языке *Torhuetter* переводятся букв.: *хранитель ворот*.

Подводя итог, можно заключить, что данная классификация языковых средств обозначения субъекта сохранения широко представлена во всех анализируемых языках. Как свидетельствует анализ фактического материала, некоторые языковые единицы могут называть субъекта из разных подгрупп, что говорит об их главном значении: *субъекта – хранителя*. В английском языке, например, существительное *custodian*, наряду с упоминаемыми выше значениями, обозначает человека, временно присматривающего за общественным зданием, существительное *caretaker* – человека, который присматривает за зданием, собственник которого временно отсутствует. В английском и немецком языках наблюдается более детальная классификация субъекта сохранения, чем в русском языке. Например, русское выражение *станционный смотритель* носители английского и немецкого языков переведут *Postmaster* и *Postmeister* соответственно, что буквально означает «мастер почтового дела» и т.д.

Следующая выделяемая нами группа представляет субъекта, который оберегает, хранит, присматривает за кем-либо, чем-либо из-за гуманных намерений.

Первая подгруппа включает характеристику субъекта, который на законных основаниях наблюдает, защищает, помогает несовершеннолетним и недееспособным людям, сохраняя их и их ответственность. Данная категория субъекта присутствует во всех упоминаемых языках и представлена следующими единицами: в русском языке людей, выполняющих такую функцию, называют *опекунами и попечителями*; в английском – *custodian* (заботящийся о ком-либо) и *guardian* (от слова *guard*, значение которого, согласно словарям английского языка, – «защищать, хранить от опасности»); в немец-

ком языке эту группу номинируют слова, которые при буквальном переводе указывают на их функциональное значение: *Vormund* (находящийся перед ртом), *Truehaender* (человек, верно, преданно поддерживающий).

К следующей подгруппе относятся языковые единицы, обозначающие сильных, влиятельных людей, чья функция защищать слабых (не только людей, но и животных), оказывать помощь во всех сферах социальной жизни. Такие люди получили характеристику *покровителя*, *патрона* (в честь гражданина древнего Рима, защитника своих вольноотпущенников и клиентов). В английском языке эта подгруппа представлена словами *patron*, *protector* (защитник, покровитель), *sponsor*; в немецком – *Patron*, *Schutzpatron*, *Protektor*, *Beschuetzer*, также *Schirmherr* (*Schirm* от древнегерманского *scirm* - *защита*) и *Schutzherr* (букв.: *господин-защитник*).

Субъект, богатый покровитель наук и искусств, – *меценат*, по имени богатого римлянина древности, который покровительствовал и поддерживал материально поэтов и художников, представляет следующую подгруппу. В английском языке – *Maecenas*, *patron*, в немецком – *Goenner*, *Foerderer*.

Субъект, охраняющий, присматривающий за животными, являясь их хранителем, представлен языковыми единицами следующей подгруппы. В русском языке такой субъект обозначается как *смотритель (служитель)* зоопарка, т.е. это прежде всего должностное лицо, которое смотрит, наблюдает. Носители английского языка имеют ввиду хранителя, защитника животных: *zoo-keeper*, в немецком – *Der Aufseher des Zoos* - *смотритель зоопарка*.

Субъект, присматривающий, охраняющий животных, птиц на лугу, в лесу, в русском языке выражен существительным *пастух*, в английском и немецком языках данный субъект квалифицируется более детально. В английском языке детализация может быть связана с видом животных, местом пастбища – *herdsman* (охраняющий стадо животных), *shepherd* (пасущий овец), *cowboy* (обычно всадник, пасущий крупнорогатый скот на западе США), в немецком языке – *Hirt*, *Schafhirt* (пастух овец), *Pferdehirt* (табунщик).

Последняя группа языковых средств представляет субъекта-хранителя из религиозной мифологии, *ангела-хранителя*, что в переводе с греческого *aggelos* означает «вестник», в сознании людей всех языков такой субъект существует как дух, охраняющий человека или место. Носители английского языка называют его *guard-*

ian – angel, немецкого - *Schutzengel*, ангел-хранитель, *Schutzheiliger* - ангел-хранитель (букв.: *святой заступник*).

Проведенная классификация показала, что субъект может просто хранить что-, кого-либо; хранить, защищая, оберегая; характеристика субъекта – хранителя обнаруживается во всех представленных группах. Указанные подгруппы, обозначающие субъекта-хранителя, демонстрируют отзывчивость, внимательность к чужой личности, животным, культуре и представлены во всех анализируемых нами языках, однако в английском и немецком языках наблюдается большая детализация и конкретизация наименований субъекта-хранителя, чем в русском языке. Например, субъект, охраняющий животных, как было указано выше, в английском и немецком языках имеет более детальную характеристику; характеристика *покровителя*, *патрона* в немецком языке представлена языковыми единицами, которые обозначают субъекта, который не только заботится, но прежде всего, защищает: *Beschuetzer*, *Schirmherr* и другими.

Для языкового оформления данного типа субъекта используется, в основном, нейтральная лексика. В характеристике данного типа субъекта в основном наблюдается сходство, что указывает на взаимосвязь языка и культуры, общественной жизни не только в пределах одной страны, но и на уровне взаимоотношений с другими странами. Исходя из приведенных фактов, ясно, что в сознании носителей немецкого языка в большей степени закрепился субъект – хранитель – защитник, возьмем пример из религиозной лексики: *Schutzengel*, *Schutzheiliger*. В английской и русской культуре это, прежде всего, хранитель – страж, заботящийся о ком-, чем-либо.

Список литературы

1. Иноземцев, В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. 2000. № 12. С.3–13.
2. Кемкин, И. В. Собственность как базовый элемент социальных отношений : автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Саранск, 2001. С. 20.

List of literature

1. Inozemcev, V. L. Sobstvennost' v postindustrial'nom obwestve i istoricheskoy retrospektive // Voprosy filosofii. 2000. № 12. S.3–13.
2. Kemkin, I. V. Sobstvennost' kak bazovyj jelement social'nyh otnoshenij : avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Saransk, 2001. S. 20.

3. Лоскутов, В. И. Экономические отношения собственности и политическое будущее России. URL : www.loskutov.org/Econom/list.htm.
4. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. 372 с.
5. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова. М. : Рус. яз., 1980. 320 с.
6. Харченко, К. В. Отношение к собственности как объект социального управления // XIV Уральские социологические чтения : сборник материалов конференции. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2003. С.87–89.
7. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. М.; Л. : Наука, 1948–1965.
8. Балли, Ш. Французская стилистика. М. : Издательство иностр. литературы, 1961. 394 с.
9. Телия, В. Н. Типы языковых значений : Связанное значение слова в языке // АН СССР. Ин-т языкознания М. : Наука, 1981. 269 с.
3. Loskutov, V. I. Jekonomicheskie otnoshenija sobstvennosti i politicheskoe buduwee Rossii. URL : www.loskutov.org/Econom/list.htm.
4. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury. M. : Iskusstvo, 1984. 372 s.
5. Verewagin, E. M. Lingvostranovedcheskaja teorija slova. M. : Rus. jaz., 1980. 320 s.
6. Harchenko, K. V. Otnoshenie k sobstvennosti kak ob#ekt social'nogo upravljenija // HIV Ural'skie sociologicheskie chtenija : sbornik materialov konferencii. Tjumen' : Izd-vo Tjumenskogo gos. un-ta, 2003. S.87–89.
7. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : V 17 t. M.; L. : Nauka, 1948–1965.
8. Balli, Sh. Francuzskaja stilistika. M. : Izdatel'stvo inostr. literatury, 1961. 394 s.
9. Telija, V. N. Tipy jazykovyh znachenij : Svjazannoe znachenie slova v jazyke // AN SSSR. In-t jazykoznanija M. : Nauka, 1981. 269 s.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ

С. Ф. Булычева

Статья посвящена проблеме моделирования речевых ситуаций на занятиях по иностранному языку. Автор подчеркивает, что успешность обучения устной речи достигается моделированием речевых ситуаций. Через моделирование ситуаций студент знакомится с культурой страны, т.к. ролевая игра сохраняет все социально-психологические процессы общения. Статья содержит примеры таких ситуаций.

Ключевые слова: моделирование речевых ситуаций, ролевая игра, эмоционально-волевое напряжение, интерактивная методика, немедленная мотивация.

Учитывая современные тенденции к мировому сообществу, к интеграциям различного рода, можно сказать, что иностранный язык сегодня играет важную роль в деле сохранения культур и взаимопонимания.

В связи с коммуникативной направленностью обучения ИЯ встают вопросы: как наиболее эффективно организовать процесс обучения, чтобы он носил целенаправленный характер, как помочь будущему специалисту овладеть языком в той мере, которая необходима ему для общения на нем. В чем же состоит успешность общения? Эта цель успешно достигается через моделирование ситуативных упражнений.

Ситуативные упражнения – это тренинги через ролевые игры. Как свидетельствует практика, активные формы работы являются наиболее эффективными. Это же отмечает директор учебного «Центра кадровых технологий XXI века» Г. Базарова. [3] Ее наблюдения свидетельствуют о том, что при лекционной подаче материала усваивается только 20% информации, в результате самостоятельной работы обучающихся с литературой и в рамках семинарских занятий – 50%, во время деловых игр и тренингов – 90% информации.

Термин «роль» отражает тот факт, что студенты, независимо от их индивидуальных характеристик, должны вести себя определен-

ным образом, если они занимают в ролевой игре определенное положение.

Следует отметить, что в ролевой игре интеллектуальная деятельность подкрепляется эмоциональной, что способствует более эффективному запоминанию учебного материала. Ролевая игра в учебном процессе сохраняет все социально-психологические процессы общения. Игровая роль, правила игры, воображаемая ситуация, радость игрового состояния приводят к мобилизации всех интеллектуальных и нравственно-волевых сил обучаемого. В воображаемой ситуации переживаются реальные чувства. Исследователь деловых педагогических игр Н.П. Аникеева считает, что в игре важен не результат, а сам процесс переживаний.

Выдающийся психолог С.Л. Рубинштейн писал: «Для того чтобы учащийся по-настоящему включился в работу, нужно сделать поставленные в ходе учебной деятельности задачи не только понятными, но и внутренне принятыми им, т.е. чтобы они приобрели значимость и нашли, таким образом, отклик и опорную точку в его переживании» [4. С. 500]. «Переживая» ситуацию, студент стремится найти нужное слово, фразу, жест. Он испытывает большое эмоционально-волевое напряжение, т.к. ему нужно своим объемом языковых средств выйти из заданной ситуации, припомнить некогда изученный материал и произвести соответствующее впечатление. В заданной ситуации он реализуется как личность. В ходе ролевой игры обучаемый осваивает ожидаемые стили речевого поведения

Как утверждает Л.Г. Денисова, основным результативным моментом интерактивной методики является создание сильной немедленной мотивации обучения через ситуации, приближенные к реальным. Показателем реализации используемой технологии является активность, как качество деятельности личности [3. С. 11].

В нашей практике обучения через ролевые ситуации мы стремимся создать на занятиях соответствующее пространство, адекватное, по возможности, жизненной ситуации, преобразуя часть аудитории в кабинет директора фирмы или виртуально в фойе концертного зала, в буфет, книжный магазин и т.д. Иногда студенты сами подсказывают темы ситуаций для следующего занятия. Таким ситуациям отводится на занятии до 15–30 минут, и проходят они живо. Важное условие при проигрывании ситуаций – не разрешается говорить на родном языке.

Следует подчеркнуть, что моделирование ситуаций профессионально-делового межкультурного общения помогает обучаемому

предвидеть различные ситуации будущей деятельности, с которыми он может столкнуться в реальной жизни. Войдя в роль, обучаемый решает проблемные ситуации, наглядно демонстрируя в полном объеме коммуникативной компетентности практическое решение заданной проблемы.

Игровой метод позволяет обучаемым овладевать средствами регуляции своего коммуникативного поведения и вырабатывать собственную систему правил эффективной коммуникации, приучает к самооценке и самокоррекции.

В заключение отметим, что ролевые игры позволяют

1. Приобщить студента к социокультурному опыту страны изучаемого языка;
2. Создать условия для активизации нового лексико-грамматического материала в специально разработанных ситуативных заданиях;
3. Поставить студента в «творческую» ситуацию, из которой он должен «выйти», опираясь на свой иноязычный опыт;
4. Запоминать новый материал в условиях активной РД;
5. Активизировать такие формы мышления, как понятие, суждение, аналогию при выполнении коммуникативных заданий;
6. Дать возможность студенту самому оценить свои успехи в овладении иностранным языком и понять свои слабые стороны;
7. Приблизить обучение к реальным жизненным ситуациям;
8. Проявить свою индивидуальность;
9. Повысить мотивацию обучения.

Главная задача для преподавателя – разработать сюжеты ситуаций. Большое внимание мы уделяем также ситуативной импровизации. Для примера приведем учебный материал к теме: *Auf dem Bahnhof*. В аудитории висят вывески: *Fahrkartenschalter* (билетные кассы), *Fahrkartenverkaufsraum* (зал продажи билетов), *Vorortzüge* (пригородные поезда), *Fernzüge* (поезда дальнего следования), *Fahrplan* (расписание), *Wartesaal* (зал ожиданий), *Fahrplan, Auskunftsstelle* – справочное бюро.

На доске написаны слова: *Fahrkarte, f* – билет, *Zug Nr.* – поезд номер, *Abfahrtszeit* – время отправления, *Ankunft* – время прибытия, *Schlafwagen* – плацкартный (купейный) вагон, *Wagon Lit* – международный вагон, *Fahrkartenverkäufer(in)* – кассир, *Passagier* – пассажир, *hin und zurück* – туда и обратно, *Raucher* – вагон для курящих.

После прочитывания слов предлагается диалог-эталон.

Am Fahrkastenschalter

P.: 2 Fahrkarten nach Omsk, bitte.

F.: Wann möchten Sie abreisen?

P.: Morgen, bitte.

F.: Welche Wagenklasse?

P.: Schlafwagen, bitte.

F.: Hin und zurück?

P.: Nur hin. Wann fährt der Zug und wo?

F.: 7 Uhr fünfundzwanzig. Gleis acht.

P.: Gibt es Plätze für Nichtraucher?

F.: Rauchen ist jetzt verboten. Hier sind ihre Fahrkarten.

P.: Danke schön!

F.: Gute Reise!

Диалог читается по ролям, затем проигрывается без опоры на текст, возможно, несколько раз. Далее следуют задания, требующие коммуникативного поведения.

Задание 1. К Вам приехал друг из России. Вы на вокзале. Переводя вывески, объясните ему, что где находится.

Задание 2. Вы в Германии, в Бонне, и хотите съездить в Мюнхен на выставку, на один день. Выясните в справочном бюро все, что Вам нужно, прежде чем покупать билет.

Задание 3. Ваш друг не понимает русского языка. Вы на вокзале. Переведите другу это расписание:

Расписание поездов «Калуга – Зуль»
Из Калуги ! Номер поезда ! Время отправления ! Цена ! Время прибытия

Или другая ситуация: «В кафе». Студентам раздаются оригинальные меню на немецком языке. Официант обслуживает группу туристов под негромкую музыку народных немецких песен.

Активного отношения к учебе требует метод проектов. Получая задание, студент сам создает образ или идеал искомого, подбирает литературу, устанавливает логическую последовательность в изложении материала, если это сообщение, и т.д. Но при этом ему должны быть заданы определенные параметры проекта – создать свой проект с учетом наименьших затрат, с учетом экологической чистоты, полезности, с учетом аудитории и с учетом прагматической цели, а также, возможно, и других характеристик. Темы проектов рекомен-

дуют привязывать к теме занятия. Студенты группы сами могут оценивать качество проекта. Направления тем проектов могут быть самыми разнообразными: культурологическими, профессиональными, научными, фантастическими. Они позволяют использовать большой наглядный материал.

Список литературы

1. Аникеева, Н.П. Воспитание игрой. М. : Просвещение, 1987.
2. Денисова, Л.Г. Место интенсивной методики в системе обучения иностранным языкам в средней школе // ИЯШ. 1999. №4. С.11.
3. Интервью с Г. Базаровой // Управление персоналом. 2003. №4.
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 1988.

List of literature

1. Anikeeva, N.P. Vospitanie igroj. M. : Prosvevlenie, 1987.
2. Denisova, L.G.. Mesto intensivnoj metodiki v sisteme obuchenija inostrannym jazykam v srednej shkole // IJaSh. 1999. №4. S.11.
3. Interv'ju s G. Bazarovoj // Upravlenie personalom. 2003. №4.
4. Rubinshtejn, S.L. Osnovy obwej psihologii. SPb. : Piter, 1988.

**РУССКОЕ ИМЯ КИТАЙСКОГО СТУДЕНТА:
МОТИВЫ И ВЛИЯНИЕ ВЫБОРА
НА УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Г. Е. Куличенко

Китайские студенты, изучающие русский язык как будущую специальность, берут русское имя. Это позволяет им: а) быстрее адаптироваться к русскому языку и русской языковой среде; б) способствует их познавательной деятельности; в) пробуждает интерес к родному имени. Преподаватель русского языка, анализируя выбор русского имени китайским студентом, может проектировать ситуацию его творческого развития.

Ключевые слова: антропонимика, мотивация, образовательная среда, языковая среда, адаптация, коммуникация, саморазвитие, творческий потенциал, учебная деятельность

В настоящее время самой крупной по численности группой иностранных студентов, изучающих русский язык как будущую специальность, являются учащиеся из КНР. Успешность учебно-познавательной деятельности китайских студентов зависит от множества факторов: от умения быстро адаптироваться в иноязычной среде, осознания традиций учебного процесса новой образовательной среды, самооценивания и др.

Китайские студенты, изучавшие русский язык на родине (в спецшколах, на подготовительном факультете) приезжают в Россию, обычно уже имея русское имя. Они объясняют это тем, что китайский учитель русского языка предлагает учащимся взять русское имя, чтобы создать на уроках специальную учебную атмосферу, быстрее адаптировать их к русскому языку. Если же они приехали из КНР без русского имени, то они «берут» его здесь. Причина, побуждающая китайского студента взять на время обучения русское имя, по их мнению, легкость запоминания и произнесения русского имени российскими студентами и преподавателями. Китайский студент «облегчает» процесс коммуникации в новой для него языковой среде.

Проанализировав список русских имен китайских студентов и побеседовав с ними, мы отметили несколько моментов:

а) выбор русского имени совершается по фонетическому оформлению имени, когда китайское имя созвучно русскому или очень похоже на него «набором» гласных и согласных звуков или первого (последнего) слога в китайском и русском имени (Жуйсюэ – Женя, Ли Лин – Лиля, Чжан Е – Жанна, Гао Вэнь – Галя, Кун Ин – Инна, Се Нонь – Семен, Ян Янь – Яна, Цзя Чжэнь – Женя, Лю Дуй – Ленья, Ван Ци – Валя, Ван Пэй – Полина, Лян Бинь – Ленья, Чан Исинь – Нина, Ли Сяо Минь – Лида);

б) взяты имена хороших знакомых, друзей, по совету родителей;

г) взяты имена или псевдонимы популярных певцов и музыкантов (Алла, Вика, Максим, Жасмин и др.);

д) взяты просто понравившиеся имена (Алена, Анжелика, Анна, Ася, Денис, Лиза, Марк, Нана, Полина, Прохор, Рената, Софья, Тихон).

Самыми распространенными мужскими именами у китайских студентов являются: Сережа, Ленья, Олег, Андрей, Петя, Женя, Саша. Наиболее часто встречаются русские женские имена: Оля, Катя, Лиза, Света, Соня, Валя, Женя, Нина.

Необходимо отметить, что некоторые китайские студенты предпочитают, чтобы их называли родным именем: Гохуа, Вэй, Тянь, Пэй, Синюй, Божань. Как правило, это студенты которых отличает внутренняя уверенность в себе, сдержанность в общении, некоторая замкнутость по сравнению с их китайскими однокурсниками.

Если китайские студенты выбирают редкое русское имя, то здесь наблюдается следующая закономерность: имена Артур, Марк, Денис, Константин, Аманда, Алина выбрали студенты с ярко выраженными задатками лидера. Кроме этого у них изначально был более высокий уровень владения русским языком по сравнению с другими. Ярко выраженное стремление выделиться на занятиях и во время внеаудиторных мероприятий способствовало саморазвитию их творческого потенциала. И хотя эти студенты иногда болезненно относились к замечаниям, но воспринимали их как данность. Они начинали усиленно работать над собой и добились больших успехов как в изучении русского языка так и в профессиональной деятельности на родине.

Имена являются частью истории и культуры любого народа, неотъемлемой частью жизни, языка и речи. В именах отражается быт и фантазия, надежды и отношение к окружающему миру. Китайские студенты, будущие преподаватели русского языка и переводчики изучают ономастику и один из ее разделов – антропонимику. Обычно

это происходит уже после того как они «сжились» со своим русским именем. На занятиях они с большим интересом узнают о происхождении, значении русских имен, делают сообщения о своем русском имени, дают характеристики друг другу, анализируя, насколько совпали «именные» характеристики с действительным характером конкретного студента – китайского носителя русского имени. Во время педагогической практики они проводят внеаудиторные мероприятия, одним из любимых мероприятий является вечер русского имени.

Нужно отметить, что среди русских имен китайских учащихся мы не встретили ни одного неблагозвучного имени. В списке имен преобладают русские имена с мягким звучанием, что позволяет предположить желание слышать мелодичное имя, похожее на звучание родного языка.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

а) выбор китайским студентом русского имени способствует его более быстрой адаптации к русскому языку и русской языковой среде, это является одной из составляющих процесса обучения русскому языку (в отличие от моды на английские имена у русскоязычной молодежи, не изучающей английский язык);

б) русское имя китайского студента способствует его познавательной активности, развитию исследовательской деятельности и позволяет оптимизировать учебный процесс;

в) русское имя китайского студента пробуждает интерес к его китайскому имени;

б) преподаватель русского языка при анализе русского имени китайского учащегося получает дополнительную возможность изучения личностно-творческого потенциала студента, мотивов его учебной деятельности, тем самым может проектировать ситуацию развития личности студента, пути становления его субъектного опыта, оказывая ему необходимую помощь и поддержку.

Список литературы

1. Балыхина, Т.М. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления : моногр. М. : РУДН, 2010. 344 с.

List of literature

1. Balyhina, T.M. Ot metodiki k jetnometodike. Obuchenie kitajcev russkomu jazyku: problemy i puti ih preodolenija : monogr. M. : RUDN, 2010. 344 s.

**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ НАУЧНОЙ РЕЧИ
НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

О.И. Осетрова, О. Сябукова

В статье рассматриваются различные аспекты содержания обучения студентов особенностям научной речи на иностранном языке. В данном контексте предлагается описание концепции Й. Гальтунга о существовании основных интеллектуальных стилей, функционирующих в рамках соответствующих культурно доминирующих групп.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация; научный стиль; научная речь; интеллектуальный стиль, национальный коммуникативный стиль.

Очевидно, что в процессе обучения профессиональной коммуникации на иностранном языке российские студенты получают в современном глобальном обществе все больше возможностей для применения иностранного языка в профессиональной сфере, в частности, в научном контексте. Кроме традиционного изучения литературы на иностранном языке, сюда можно отнести написание статей и аннотаций к ним, а также возможность выступать с докладами на международных студенческих конференциях, потребность участия в научных дискуссиях. Более того, «практика учебного процесса ... показывает нарастающую тенденцию выполнения курсовых, дипломных и диссертационных работ на английском языке» [3. С. 8]. Однако приходится констатировать наличие серьезных затруднений у многих студентов даже в процессе профессиональной коммуникации на родном языке.

Овладение языком специальности, безусловно, является важнейшим условием профессиональной подготовки. Для каждого специалиста очевидна необходимость умения «быстро и с пониманием прочесть научный текст по своему профессиональному профилю и воспроизвести его общее содержание в устной или письменной форме» [1. С. 3], а также свободно вести беседы на профессиональные темы, и, наконец, создавать письменные тексты в рамках своей про-

фессиональной компетенции. Без привития студенту этих навыков и умений нельзя говорить о качественном воспитании образованного специалиста.

Не подлежит сомнению тот факт, что научный стиль и научная речь реализуют особую форму общественного сознания, особый тип мышления — объективный, научный, опирающийся на систему конкретных знаний о человеке, об обществе и о материальном мире. Научный стиль языка и языки конкретных наук представляют взору коммуникантов иной мир, иную языковую картину мира, отличную от той, которая реализуется в разговорном стиле. Особый язык науки определяется, с одной стороны, конкретными объектами изучения, а с другой стороны, типами научного мышления, совокупностями научных методов и специализированных приемов для соответствующих наук. Иначе говоря, природа каждой научной сферы, отрасли или конкретной науки предопределяет свою собственную картину мира, диктует свой особый отбор языковых средств, свои определенные типы текстов. В то же время, конечно, нельзя обойти стороной и ряд общих черт, характеризующих научный стиль речи в целом. «Независимо от объекта описания, от типа мышления или от метода исследования научная речь характеризуется такими внелингвистическими признаками, как точность, абстрактность, логичность и объективность. Именно эти качества и признаки составляют общую особенность языковой картины мира в ее научном представлении или, точнее, во множестве отраслевых научных представлений» [1. С. 5].

Однако и этим представленная проблема не ограничивается. Несмотря на то безусловное обстоятельство, что «основой построения научного текста являются устойчивые полилексемные образования» [3. С. 7], некоторые авторы, специализирующиеся на исследованиях культуры научной речи, отмечают значительные расхождения в традициях научного изложения в различных обществах [1. С. 130].

Так, в сегодняшнем Европейском Союзе можно выделить не менее четырех культурно доминирующих групп: англоязычная, латинская или романская, немецкая и славянская группы. Причем, для каждой из них можно выделить особый интеллектуальный стиль. В этом смысле очень любопытны идеи норвежского исследователя Йогана Гальтунга, который в своем эссе выдвигает рабочую гипотезу о существовании трёх западных и одного восточного интеллектуальных стилей. К западным он относит саксонский, тевтонский, галльский стили. Восточный стиль представлен в его системе японским стилем

мышления. Автор типологии избегает жёсткой идентификации разновидностей интеллектуального стиля с конкретной страной или ее представителями. Речь идет, скорее, о некоей тенденции.

Гальтунг считает «центром саксонского научного стиля университеты Англии, а также Западного и Восточного побережья США. Классические университеты Германии являются, по его мнению, центром тевтонского интеллектуального стиля. Кроме того, Гальтунг утверждает, что в связи с достаточно длительным влиянием западной культуры на восточную Европу, включая бывший СССР, последние также имеют традиции тевтонского научного дискурса. Страны романской группы в Европе и Южной Америке, включая Румынию, находятся в сфере галльского интеллектуального стиля» [2].

Автор типологии выделяет в рамках саксонского интеллектуального стиля разницу между коммуникативными нормами американской и британской культур: американский стиль коммуникации описываются им как в большей степени демократичный, чем английский, а тевтонский и галльский, в свою очередь, как достаточно жёсткие и конфронтационные. При этом он видит некоторую тенденцию в стремлении тевтонского научного дискурса к строгости речевого поведения в ущерб элегантности и, напротив, галльского – к элегантности за счёт строгости.

Классификация интеллектуальных стилей по Гальтунгу имеет также «вербальные формулы, отражающие сущность разных культурно-специфических стилей мышления:

– американско-саксонский стиль: Как это можно применить в работе?

– англо-саксонский стиль: Как это можно документально подтвердить?

– тевтонский стиль: На основании чего Вы можете это объяснить?

– галльский стиль: Можно ли сказать это и на хорошем французском языке?

– японский стиль: Кто Ваш Учитель?» [2].

Преподавателям английского языка, конечно же, интересно сравнение саксонского и тевтонского стилей. В первом особое внимание уделяется искусству ведения дискуссий и дебатов; он очень насыщен фактами, но довольно беден, по мнению исследователя, в теоретическом плане; культивирует формальный язык при недостатке элегантности; вместе с тем он полон юмора и часто прибегает к доверитель-

ному «похлопыванию по плечу». Этот стиль ориентирован на наглядность и фактическую достоверность. Тевтонский стиль несет на себе отпечаток дедуктивного процесса формулирования теории, он начинается с предпосылок и определенных действительных взаимосвязей и заканчивается множеством выводов. Носителей этого стиля часто обвиняют в сухости, педантизме и отсутствии чувства юмора. Построению теории предшествует пирамида из предположений-гипотез в основании, за которыми следует большое количество выводов.

Описанные стили научной речи представляют собой, разумеется, идеальные типы и, вероятно, различия между ними сильно упрощены, но, тем не менее, отражают характерные черты соответствующих культур. Несмотря на значительную степень генерализации описания норвежским исследователем четырех стилей, можно говорить об оригинальности его теории и рассматривать её как попытку характеристики в первом приближении национальных коммуникативных стилей. К сожалению, недостаточная доказательная база обобщений Гальтунга не позволяет делать вывод о полной достоверности предложенной им типологии, что, очевидно, и подразумевал сам автор, называя свою работу сравнительным эссе [2].

Список литературы

1. Основы научной речи : учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; Под ред. В.В. Химики, Л.Б. Волковой. СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2003.

Понятие коммуникативного стиля / Л.В. Куликова, Красноярский государственный педагогический университет. \URL : <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=83519>.

Англо-русские обороты научной речи : метод. пособие / А.П. Миньяр-Белоручева. М. : Флинта : Наука, 2010.

List of literature

1. Osnovy nauchnoj rechi : ucheb. posobie dlja stud. nefilol. vyssh. ucheb. zavedenij / N.A.Bure, M.V. Bystryh, S.A. Vishnjakova i dr.; Pod red. V.V.Himika, L.B.Volkovoj. SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2003.

2. Ponjatje kommunikativnogo stilja / L.V. Kulikova, Krasnojarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. \URL : <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=83519>.

3. Anglo-russkie oboroty nauchnoj rechi : metod. posobie / A.P. Min'jar-Belorucheva. M. : Flinta : Nauka, 2010.

ABSRTACTS

Abzalova I.R. The Question of the Norms Used in Learning.

This article concerns itself with thoughts upon the norms which have provoked an increasing amount of debate regarding the teaching of languages. They represent the basis of learning in France but their prescriptive nature concerns sociolinguists who call for the linguistic diversity referred to as “varieties”. A phenomenon which can affect the language production of an individual, a group or even a community.

Keywords: norms, learning, sociolinguistics.

Arkhipova A.V., Elivanova A.V., Krasheninnikova N.A., Platono-va E.V. Research of the Most Demanded Search Engines in Internet.

The article conducts research on the most popular search engines in the Internet. The results of the opinion poll which was conducted among the 1-5-year students of Ulyanovsk State University are given. Two of the most popular among the students search engines were estimated.

Keywords: search engines, Internet, user, site, opinion poll.

Arkhipova A.V., Schankina E.V. Frequent Mistakes of Translation with the Program PROMPT.

In the article the general processes and machine translation problems are observed. The analysis of translation of one of the most popular programs of machine translation PROMT is given. Also the results of the grammatical and lexical analysis of text translation and its correction are presented.

Keywords: machine translation, translation, dictionary, text analysis, unit of meaning.

Bazarova L.V. Lexicographic Interpretation and Synonymic Rows of the Concept “GOD” in English, Russian, Tatar and Turkish.

The article reveals the content of the concept «God» in various sources, exposes the specific character of linguistic expression and role of the given concept in linguistic world that permits to regard God as a part of moral and cultural concepts' system of the analyzed languages.

Keywords: concept, the meaning, structure, content, phrasological units.

Barbazyuk V.Y. Metaphor in the Context of Interpreter's Work: Linguistic Synergetic Approach.

The paper deals with the problems of translation of metaphor from the perspective of linguosynergetics. Enlightens the questions concerning the understanding of metaphor as functional synergetic system, its functioning in text and developing new sense in translation.

Keywords: synergy, linguosynergetics, metaphor, attractor, self organization.

Bechina I.V., Fedulenkova T.N. Dependent Types of English Phraseological Units' Components (Beased on PU with the Verb of Movement).

The given article considers the dependent types of phraseological units' components in contemporary English, with the verb of movement "go" included. The importance of study of this question is dictated by the fact that dependent types of components are the mirror of their inner form characterizing the stability of phraseological units.

Keywords: phraseological unit, transformational/non-transformational dependence of PU components, PU inner form.

Bedrina I.S. Functional Semantic Stylistic Text Analyses.

The article deals with the text analysis on the basis of particular text categories – functional semantic – stylistic categories. They are distinguished on the extralinguistic basis and to a large extent determine the structure of any scientific text. Each of the three analysed categories is examined in its dynamic and static aspects.

Keywords: text, scientific text, semantic stylistic categories.

Bulycheva S.F. Speech Situation Modeling.

The article is devoted to the problem of the modeling of speech situations at the lessons of the foreign language. The author emphasizes that successful learning is reached thanks to the modeling of communicative situations. Through the modeling of speech situations student gets to know the culture of the country, because the role play keeps all social-psychological processes of personal contacts. The article contains examples of situation exercises.

Keywords: speech situation modeling, role play, emotional and will stress, interactive methods, immediate motivation.

Burenkova S.V. Буренкова С.В. Breaches in Norms and Bans as a Humour Source.

The article discusses breaches in norms and bans with the use of humour in Russian and German. Unseemly expressions, mean jokes and satirical songs allow explaining forbidden senses. Such jokes disclose quite often the attitude of their authors to the existent norms and values.

Keywords: breaches in norms, bans, jokes, values of the culture.

Kalashnikova A.A. To the Question about Language World View of the Russian Bloggers.

The article is devoted to question of the language picture of the world for the new language person type – Russian-speaking blogger. Various aspects of the Russian-speaking blogger language person at the cognitive level are allocated.

Keywords: language person, language picture of the world, blog, blogger, blogosphere, discourse, concept, verbalization

Komarov E.N. To the Question about the Contemporary Informational World View.

The article analyses the characteristics of the contemporary information world picture as well as the media reality mechanisms of influence on the forming of media products consumer's individual world picture.

Keywords: information world picture, mass media, information space, media reality, media environment.

Kulichenko G.E. Russian Name of a Chinese Student: Motives and Influence of Choice on Study Cognitive Activity.

Students from China doing their Russian language studies for their future professions tend to take Russian names while in Russia. That provides them with the following benefits: Improves adaptation to the Russian language and realities, Stimulates students' Russian language studies, Provokes interest to the origin of their own Chinese names. Type of the name selected gives teacher a key to understanding one's creativity perspective.

Ключевые слова: антропонимы, мотивация, образовательный background, language background, adaptation, communication, self-development, creative potential, study activity.

Marinova E.V. Variability of Foreign Words according to the Gender in Contemporary Russian Speech.

The article is devoted to a variation of new borrowed nouns in modern Russian. Variants of words with a different grammatical genus are considered. Factors influencing on a grammatical genus of indeclinable nouns are called.

Keywords: foreign words, grammar gender, morphological variability, syntactic variability.

Minets D.V. Gender as Parameter of Author's Formation of the Text (on the Material of Notes by N.A. Durova)

The article is about the gender aspect of the structure of a linguistic personality. The formula «Kavalerist-devitsa» of N. Durova synthesizes semantic areas of man's and female, designing new gender identity.

Keywords: gender, autodocument, language person.

Nikultseva V.V. To the Question of Word Formation of the Category State (on the Example of Neologisms by Igor Severyanin in the Early Period of Creativity).

In this paper the issue about word formation of a predicate noun as a part of speech is reviewed by the example of occasional words by Igor Severyanin.

Keywords: predicate noun, neologism, word creation, neolexicon, ways of word formation, occasional, usual.

Novikova L.V. About the Non-notional Speech Parts from the Point of View of Neology (on the Material of the German Language).

The article deals with the neogenic degree of functional parts of speech in Modern German from the viewpoint of cyclicity of word family development and analyses the factors restricting the enrichment of non-notional word classes.

Keywords: *notional speech parts, neology, word formation.*

Osetrova O.I., Syabukova O. To the Question about the Content of Scientific Speech Teaching in a Foreign Language to the Students of Non-language Specialties.

The article is concerned with various aspects of the content of teaching university students special features of scientific style in foreign language.

es. In this context J. Galtung's conception about certain intellectual styles functioning within relevant domineering cultural groups is observed.

Keywords: professional communication; scientific style; scientific speech; intellectual style; national style of communication.

Panteleev A.F. Concrete Nouns with the Prepositions “about” and “of” in the Function of Secondary Nominative Predicate Carrier.

This article deals with the concrete nouns with preposition «about», as the carrier of implicit proposition and secondary nominal predication in polypropositional Russian simple sentence.

Keywords: proposition, secondary predication, processuality of the concrete noun, elimination.

Sirivlya M.A. Structure of Manipulative Influence of Advertising Texts.

Article is devoted to a problem of research of a phenomenon of a speech manipulation as one of wide spread deceits in advertising texts. Research is executed in a channel of lingvopragmatic and directed on the analysis of modern advertising texts for the purpose of definition to them manipulative tactics and designs.

Keywords : manipulation, influence, advertising strategy, advertising text, author's position.

Sirivlya M.A., Zhuravleva N. Advertisement as a Tool of Zombing.

In article it is considered hidden impact, containing in the advertising texts, rendering psychological pressure upon consciousness of consumers. Comparison of a text variant of a hypnotic session and advertising is spent and the conclusion is drawn on considerable inspiring effect of advertising texts.

Keywords: hypnosis, suggestion, zombing.

Sirivlya M.A., Tikhovich O.K. To the Question of Borrowings in Speech Practice.

The material of the article is ride at research of distinctive features of use of an English-speaking lexicon origin by the students of kostanai region. The conducted research allows to draw a conclusion on considerable popularity of anglicisms in the environment of young generation.

Keywords: borrowings, anglicisms.

Sknar G.D. Subject of Feature Text Expression in the Aspect of Functional Grammar.

The article is devoted to the typology of topics of the utterances from the point of view of functional grammar. It is deduced that the topic of the utterance is the drastic means of the personage identification.

Keywords: functional grammar, text, topic, focus, referential accessibility.

Sokolova L.A. Professional Competence of Future Interpreters.

The article is devoted to the questions of acquiring professional competence by would-be translators as well as functions expected of them during their professional work.

Keywords: professional competence, functions of the translator.

Stepanova E.D. Naming of Subject-Keeper in the Russian, English and German Languages.

Property is not only a relationship between people and things, but a relationship between people with regard to things. An owner of property can keep, sell, transfer or exchange these things. In this article we consider types of the subject storing the objects of the property on the basis of literary works in the Russian, English and German languages. The keeper is represented by neutral characteristic.

Keywords: property, subject, object, keeper.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абзалова Ирина Рафиковна (ABZALOVA IRINA) – аспирант Университета Западной Бретани (Université de Bretagne Occidentale).
Ул. Жак Картье, д. 1 (1, rue Jacques Cartier, 29200 Brest, France)
Irenarussia@mail.ru

Архипова Анастасия Владимировна – студентка Ульяновского государственного университета место учебы: г. Ульяновск.
433400, Ульяновская область, Чердаклинский район, п.г.т.Чердаклы, ул.Механизаторов д.4 .
pastay.a@mail.ru

Базарова Лилия Вязировна – ассистент кафедры иностранных языков Камской государственной инженерно-экономической академии.
423826, Набережные Челны, Новый город, ул. Татарстан, д.24, кв. 224.
shagapovalilya@mail.ru

Бедрина Ирина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета дополнительного образования Уральской государственной юридической академии.
620075, Екатеринбург, ул. Малышева, д. 84, кв. 159
fdo@usla.ru

Бечина Инна Владимировна – аспирант кафедры германской филологии Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
164505, Северодвинск, Архангельской области, ул. Юбилейная, д. 11, кв. 221.
innoki@yandex.ru

Булычева Светлана Феодосьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Калужского филиала Московского государственного экономического института.
248002, Калуга, ул. Н-Козинская, д. 73, кв. 58.
sfbulycheva@rambler.ru

Буренкова Светлана Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета.

644014, Омск, ул. 4 Марьяновская, д. 1, кв. 141.

burenkova_anna@mail.ru

Еливанова Анастасия Викторовна

Москва, ул.Зарайская д. 29, кв. 80.

taitai@mail.ru

Калашникова Анна Александровна – аспирант кафедры русского языка и теории языка Педагогического института Южного федерального университета.

344069, Ростов-на-Дону, ул. Тимошенко, д.18, кв. 24.

ohiosun@yandex.ru

Комаров Евгений Николаевич – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного педагогического университета.

404132, Волжский Волгоградской обл., ул. Дружбы 56, кв.4.

aaf_eucom@yahoo.fr

Крашенинникова Наталья Александровна - кандидат технических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.

432063, Ульяновск, ул.Минаева д.13/6, кв.78.

english-chair@mail.ru

Куличенко Галина Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного педагогического университета

400131, Волгоград, пр. Ленина, 27, ВГПУ, каб. 3-23.

volgalina@list.ru

Маринова Елена Вячеславовна – доктор филологических наук доцент кафедра современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

603155, Нижний Новгород, ул. Ковалихинская, д.97, кв.72.

marinova@list.ru

Минец Диана Владимировна – аспирант второго года обучения кафедры русского языка и общего языкознания Череповецкого государственного университета

162691, п. Малечкино, ул. Победы, 1, кв. 18.
nietzsche666@mail.ru

Никульцева Виктория Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка, культуры речи и риторики Московского государственного областного университета.

142155, Московская область, пгт Львовский, ул. Горького, д. 20/33, кв. 62.

severjanin@list.ru, igor.severjanin@gmail.com

Новикова Лариса Валерьевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного гуманитарного университета

628606, Нижневартовск, ул. Омская, д. 2-7..

larissa0211@yandex.ru

Осетрова Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.

Ульяновск, ул. Шолмова, д. 5, кв. 437.

dashiko@yandex.ru

Пантелеев Андрей Феликсович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и теории языка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

344038, Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 123/3, кв. 12.

AF3@yandex.ru.

Платонова Елена Владимировна – ассистент, кафедра английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.

432027, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Л.Шевцовой, д.54Б, корпус 1, кв.11.

kis@land.ru

Сиривля Мадина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Челябинского государственного университета (Кустанайский филиал).

110000, Казахстан, Костанай, ул.Набережная, 77/3.
sima-all@yandex.ru

Скнар Галина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Ростовского государственного медицинского университета.

344022, Ростов-на-Дону, ул. Горького 226/ 43, кв. 17.
sknar.galinadmitrievna@yandex.ru

Соколова Лариса Анатольевна – старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии.

Екатеринбург, ул. Новгородцевой, д. 17, кв.84.
larisaperevod@mail.ru

Степанова Елизавета Дмитриевна – ассистент кафедры английского языка Волгоградского государственного университета.

400051, Волгоград, ул. Гагринская, д.9, кв.16.
sstepanov61@mail.ru

Сябукова Ольга Викторовна – студентка факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета.

432069, Ульяновск пр-т Ленинского Комсомола 37-341.
SyabukovaOlga@yahoo.com

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

164500, Северодвинск, Архангельской области, пр. Ленина, д. 16/1, кв. 100.
taniafed@atnet.ru

Цихович Оксана – студентка 3 курса специальности «Филология» Челябинского государственного университета (Кустанайский филиал).

110000, Казахстан, Костанай, ул.Набережная, 77/3.

sima-all@yandex.ru

Щанкина Элеонора Валериевна ассистент кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.

432000, Ульяновск, ул. Карла-Либкнехта 27-28

eleanor_63@mail.ru

